

№ 3
2012

КАЗАХСТАНСКИЙ ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ
И ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ ЕЖЕМЕСЯЧНЫЙ ЖУРНАЛ

НИВА

Журнал — лауреат высшей общенациональной премии
Академии журналистики Казахстана за 2007 год

Главный редактор В. Р. ГУНДАРЕВ

Редакционный совет:

Р. К. БЕГЕМБЕТОВА (зам. главного редактора), **Б. М. КАНАПЬЯНОВ** (г. Алматы), **Г. К. КУДАЙБЕРГЕНОВ**, (г. Астана), **А. Ю. КУРЛЕНЯ** (г. Петропавловск), **Р. Ю. МАХАТАДЗЕ** (г. Караганда), **Ю. Д. ПОМИНОВ** (г. Павлодар), **В. И. РЫЖКОВ** (г. Караганда), **Т. И. СЫЗДЫКОВ** (г. Кокшетау), **А. Ю. ТАРАКОВ** (г. Астана), **И. Б. ТЕТЕРИНА** (г. Астана), **В. В. ШУПЕЙКИН** (г. Алматы), **Л. Ю. ЮРКОВА** (г. Усть-Каменогорск).

В номере:

Проза

М. Масалин. Падшие и чистильщики. *Повесть о героях и антигероях эпохи перемен (продолжение)*..... 3
И. Костевич. Мне 14 уже два года. *Роман о подростках* 39

Поэзия

Г. Храмцова. «Безгранично милая земля...». *Стихи* 35
И. Матвеева. «Мне снится дождь...». *Стихи* 63
Т. Никитина. У Вселенной на ладони. *Стихи* 70
Н. Щепко. «На даче сакура цветёт...». *Стихи* 84

Наш общий дом

С. Беккулова. Наурыз — праздник Солнца 67

Культура. Общество. Личность

О. Григорьева. Долг памяти. *Предисловие* 75
«Мы Вас помним, Анастасия Ивановна!». *Воспоминания павлодарцев*..... 76

Критика и литературоведение

- Л. Кашина.** «Жизнь свою попробуй сделать чудом...» 86
Ш. Хачатрян. Столкновение двух цивилизаций (*О художественных достоинствах рассказов Жолтая Жумата*) 105
-

Горизонты духовности

- Всероссийская историко-литературная премия «Александр Невский» 108
-

Искусство

- Н. Курпякова.** Земля и время 109
-

В семейном кругу

- Н. Махамбетов.** Наследие. *Повесть (окончание)* 111
Л. Воробьёва. Мамин праздник. *Стихи* 129
К. Абылгазы. Музыка для двоих. *Рассказ* 130
-

Далёкое — близкое

- М. Искаков.** Малая Сарань; Из дорожных наблюдений 138
-

Краеведение

- В. Иконников.** Гигантские черепахи, дикие лошади Пржевальского и первые фраки в Казахстане 150
-

Приключения. Детектив. Фантастика

- Н. Шмигалёв.** Почти как три богатыря. *Волшебно-приключенческая сказка (продолжение)* 158
-

Сатира и юмор

- И. Иванченко.** Смех — в ребро 188
-

Изоальбом «Нивы»: из работ Сабура Мамбеева, Камиля Муллашева и Вагифа Рахманова. На первой странице обложки — из работ Камиля Муллашева, на четвёртой — из работ Сабура Мамбеева.

К сведению читателей

В январе 2012 года сайты нашего журнала www.niva-kz.narod.ru и www.niva.ucoz.kz посетили 6000 читателей из 26 стран: 2957 из них — жители Казахстана, 1548 — россияне. Остальные представляют Германию (480), США (330), Украину (201), Португалию, Израиль, Белоруссию, Канаду, Южную Корею, Азербайджан, Францию, Великобританию, Польшу, Испанию, Бразилию, Грузию, Эстонию, Литву, Армению, Латвию, Бельгию, Боснию и Герцеговину, Швейцарию, Сербию, Чехию.

Марат МАСАЛИН

ПАДШИЕ И ЧИСТИЛЬЩИКИ

Повесть о героях и антигероях эпохи перемен

(Продолжение. Начало в №№ 1-2 за 2012 г.)

***

Бабочкин, как только закончился его неожиданный и загадочный разговор по телефону с неизвестным человеком, назвавшимся приближённым Шатена, позвонил Мендигалиеву и назначил экстренное свидание с ним в коридоре городской прокуратуры. Вскоре они там и встретились. Реакция Мендигалиева на информацию Бабочкина была быстрой.

– Спасибо! Нутром чувствую, что это не подвох, а правда. У меня уже план складывается в голове. Для конспирации зайдите к кому-нибудь в кабинет, обсуждайте там что-нибудь всерьёз. Впрочем, что я учу вас?! Извините! Я к Сабыргалиеву за ордером и всё остальное...

В тот же день, к полудню, в приёмной кабинета директора ЧНКЦ появились четверо мужчин в штатском. Они представились секретарше менеджерами строительной компании и просились на экстренную встречу с директором по вопросу, представляющему «повышенный взаимный интерес». Получив по телефону согласие Тухфата Басаровича, секретарша пропустила посетителей к нему в кабинет.

После вежливого приветствия майор Нургалиев, старший группы захвата, изменивший свою внешность наклеенными усиками, бородкой и пышным париком, предложил Мадиеву перейти в комнату отдыха для конфиденциального разговора. Они удалились в смежную комнату, а специалист из числа прибывших быстро обследовал кабинет с помощью компактного прибора, нашёл и отключил несколько подслушивающих устройств. Затем он приоткрыл дверь комнаты отдыха, начальнику своему подал условный знак. Нургалиев с Мадиевым вернулись в кабинет. Только тут полицейский начал официальный разговор с директором медицинского центра.

– Тухфат Басарович, до этого я говорил вам неправду, мы – не строители. Мы – из прокуратуры и полиции. Я – майор Нургалиев. Вот моё служебное удостоверение. Это – ордер на обыск и на прочие следственные действия. Вся эта скрытность – не только в наших, но и в ваших интересах. Известные вам люди вас втянули в опасное, преступное дело. Вам лучше сотрудничать с нами. В противном случае мы вынуждены будем вас арестовать и держать под стражей, пока не прояснится одна криминальная ситуация. Понятно?

– Всё-таки, что вы ищете вокруг меня и в чём лично моя вина перед законом?

– Пока ваша вина в том, что вы не сообщили полиции о госпитализации человека с насильственной травмой, были в сговоре с преступниками в сокрытии причинённых ими тяжких телесных повреждений тому человеку, активно способствовали тем преступникам в подготовке новых

правонарушений. Продолжать?

– Нет, не надо. Что я должен сделать?

– Дайте нам медицинские халаты и лично проводите в палату этого больного, как консультантов. И держитесь с нами спокойно, как подобает хозяину медицинского центра, не выказывайте своего волнения персоналу и охране палаты. Про остальное скажу на месте.

Спустя минут пятнадцать в палату пациента-узника зашли Мадиев и Нургалиев. Мадиев попросил сиделок-охранников побыть в коридоре. Когда те вышли, облачённые в белые халаты трое полицейских внезапным ударом по голове их оглушили, разоружили и сомкнули на запястьях наручники.

По телефонному сигналу Нургалиева у подъезда и окон клиники появились бойцы СОБР и спецмашины. Полицейские в лифте спустили на первый этаж арестованных охранников и освобождённого из плена пациента. Мадиева, оказавшегося теперь фигурантом в криминальном деле, тоже задержали.

Нургалиев вместе с криминалистом при понятых изъял историю болезни, рентгеновские снимки пациента, листки врачебных назначений, лекарственные препараты и медицинские инструменты, находившиеся на посту, журнал регистрации пациентов в приёмном покое, переписал паспортные данные дежурного медицинского персонала. Эти медики также были задержаны.

Зашедшее в тупик дело об убийстве Банкира получило перспективу на дальнейшее расследование.

После первого допроса рядовые медики были отпущены домой под подписку о невыезде из города. Мадиева следователь допрашивал несколько раз и к вечеру второго дня выпустил из следственного изолятора тоже под подписку о невыезде из города.

Пациента, который оказался Тулеу Бергеновичем Садвакасовым, 1975 года рождения, имеющего погашенную судимость за злостное хулиганство, поселили в конспиративной квартире под круглосуточную охрану полицейских. Допрос его проводился там. Пока он официально являлся пострадавшим, но Нургалиеву показалось, что Садвакасов «раскрывается» не полностью. Следователю нужно было найти новые подходы к нему, делающие того более «разговорчивым». Пришлось поднять из архива и внимательно изучить четырёхлетней давности уголовное дело о причинении тяжкого телесного повреждения Садвакасовым некоему гражданину Габбасову. Кроме того, для сбора дополнительного материала в колонию строгого режима, где Садвакасов отбывал наказание после суда, был отправлен полицейский. Выяснилось, что причиной драки между Садвакасовым и Габбасовым была женщина: Садвакасов изнасиловал любовницу Габбасова на её квартире. Данный факт в своё время был зарегистрирован во всех подробностях в бюро судебно-медицинской экспертизы, но по просьбе пострадавшей женщины не озвучивался на суде как прокурором, так и судьёй. В результате этого Садвакасов был осуждён только за злостное хулиганство, а не за изнасилование.

Женщину удалось отыскать. Она, узнав, что насильник уже на свободе, ожесточилась и не прочь была добиться пересмотра старого дела.

– Послушай, Садвакасов, со всех сторон тебе всё больше угроз. Сказать какие? – обратился к нему Нургалиев на очередном допросе.

– Ну? – спокойно спросил Садвакасов.

– Тебя после окончания лечения придётся переводить в следственный изолятор как обвиняемого в тяжком преступлении.

– В каком?

– Однажды ты крепко обидел некую девушку по имени К. Тебе тогда, на суде, повезло, что историю эту по просьбе той девушки и её влиятельных родственников прокурор и судья замяли. Благодаря им ты отбыл свой срок достаточно благополучно, даже состоял членом «тюремного блаткома». Теперь К. собирается добиться пересмотра того дела. Кроме того, есть сведения, что ты недавно овладел другой женщиной без её согласия. Если она заявит полиции об этом, то нам ничего не останется, как взять её сторону. По-другому нельзя, потому как биография твоя больно плоха. Ты понимаешь, чем это может закончиться для тебя? Вижу, не совсем понимаешь. Когда ты снова попадёшь на зону по статье за изнасилование, отношение эзков к тебе будет уже другим. Ты наверняка знаешь, как относятся смотрящие по камерам и их подручные к тому, кто попал в тюрьму за взятие «мохнатого сейфа»? В первый же день они тебя опустят и посадят у параша. И так далее. И ты на всю оставшуюся жизнь станешь «петухом»...

– Ерунда! Во-первых, про это ещё доказать надо. Во-вторых, тому делу уже вышел срок давности. Да и по суду положенный срок я отбыл. Повторного суда не будет!

– Ошибаешься. Во-первых, и сразу, во-вторых: есть сердитое заявление от потерпевшей, и дело это ещё «не заржавело», может быть пересмотрено. Кроме того, от второй женщины тоже может поступить заявление на тебя. С доказательной базой осечки не будет, в этом будь спокоен и положишься на нас. Но можно будет «помочь» тебе избежать повторного суда. А «помощь» будет такая: продолжаешь артачиться и дальше, отпущу тебя домой «под подписку о невыезде». А дома что ждёт тебя, ты сам знаешь. Я полагаю, что при данном варианте развития событий нам, следователям, останется лишь разбираться в последствиях твоей последней встречи с теми людьми, которые жаждут видеть тебя ещё раз. И то, если они оставят от тебя что-нибудь для нас, следователей...

– Что вы хотите от меня?

– Полной откровенности. Где соврётся или утаишь правду, усеку сразу. На такое дело я как рентген; нет, хуже: как МРТ – магнитно-резонансный томограф. Слышал про такое устройство? Рассержусь не на шутку.

– Пусть будет по-вашему. Только дайте слово, что успокоите ту женщину, не станете ворошить старое.

– При условии, если она сможет тебе простить свою поруганную честь.

– Я смогу с нею встретиться?

– Да, будет очная ставка, составим протокол.

– Я готов на коленях просить у неё прощения. Поспособствуйте, чтобы она смягчилась и простила. Прошу вас, до встречи с ней пусть снимут с меня зубные шины.

В тот же день, с наступлением ночи, Нургалиев привёз на конспиративную квартиру молодую женщину К. на очную ставку с Садвакасовым.

– Гражданин Садвакасов, вы узнаете эту женщину? – задал ему первый вопрос Нургалиев.

– Да.

– Гражданка К., вы узнаете этого мужчину?

– Да.

– Гражданин Садвакасов, вам известно, в чём вы обвиняетесь?

– Да, известно, – последовал ответ.

– Что скажете по существу дела?

– Полностью признаю факт изнасилования мною гражданки К., которое произошло четыре года тому назад на её квартире.

– Как вы подрались с Габбасовым?

– Габбасов застал меня за этим... делом. Произошла драка между нами. Я его избил с причинением тяжких телесных повреждений. Пока мы дрались, гражданка К. вызвала полицейских. Я был арестован.

– Вы понесли наказание только за драку с причинением телесных повреждений другому участнику драки, а факт изнасилования вами женщины на суде не рассматривался. Как это произошло? Чья это «заслуга»? Ваш адвокат постарался?

– Я считаю, что это стало возможным по желанию госпожи К. не предавать гласности то, что случилось тогда с нею по моей вине...

– Гражданка К., вы подтверждаете, что сейчас рассказал этот гражданин?

– Только частично.

– Гражданка К., вы желаете пересмотра этого дела, чтобы обвиняемый понёс отдельное, новое наказание за содеянное преступление против вас, которое на том суде официально не рассматривалось и никак не квалифицировалось с правовой точки зрения?

– Знаете, четыре года тому назад, когда этот гражданин сел в тюрьму, мне показалось, что он получил по заслугам, над ним свершилось возмездие за его зверство над безвинными людьми. Впоследствии я старался не вспоминать произошедшего. Этого человека – тоже. Но недавно, когда вы разыскали меня и рассказали, что этот человек на свободе и вроде опять натворил что-то нехорошее, у меня в душе снова закипели гнев и злоба на него. Мне теперь кажется, что он тогда был мягко наказан, поэтому мало сидел в тюрьме и рано вышел на свободу.

– Вы будете настаивать на пересмотре того дела?

– Не знаю. Сейчас я ничего не могу сказать. С одной стороны, хочется этого, но с другой стороны... стыд какой-то давит на меня...

– Гражданин следователь, разрешите мне сказать слово, – попросил Садвакасов.

– Говорите.

– Я искренне прошу прощения у гражданки К. за совершённое мною над ней чудовищное надругательство в прошлом. Все эти годы я раскаивался перед совестью своей за то моё низкое падение. Обещал себе исправиться и, как мне кажется, иду по пути исправления. Ещё раз прошу у вас, гражданка К., прощения! (При этом Садвакасов встал на колени). Если не простите, то что же, снова пойду на зону отбывать положенное мне наказание. Обиды на вас иметь не буду. Я сам виноват во всём,

что произошло тогда. Поверьте, за мной новых преступлений нет. В теперешний переплёт я попал случайно. Терпел пытки, унижения и получил увечья не за личную корысть, а за жизнь товарища. Со следствием по этому делу сотрудничать буду.

***

Садвакасов стал давать показания.

Об исчезнувшем Шатене-Билялове он рассказал следующее. Они учились в одном классе, были друзьями «не разлей вода». После школы поступили в разные вузы, но дружеские отношения сохранили. И то, что четыре года тому назад на суде не «выплыл» эпизод об изнасиловании Садвакасовым женщины, было «достигнуто» стараниями ловкого адвоката, нанятого Шатеном за свои деньги. Позже, когда Садвакасов отбывал наказание, Шатен раз пять приезжал с богатыми гостинцами проведать друга. После выхода Садвакасова на свободу друзья отметили новую встречу за хорошим коньяком в сауне частного дома отдыха. Тогда Шатен говорил о себе так: «Являюсь приближённым очень богатого высокопоставленного и могущественного чиновника, но счастья от этого не имею. Наоборот, потерял личную свободу и, выполняя прихоти шефа, настолько обмарался разным дерьмом, что сам себе противен. Если когда-нибудь наша «художественная самодеятельность» раскроется, то мне и некоторым парням из его окружения не сносить головы. Хозяин наверняка останется целым и невредимым, но мы, его подручные, загремим куда следует». На вопрос Садвакасова: «Что это за человек, твой хозяин, и чем вы у него занимаетесь?» – Шатен ответил: «Не скажу, потому что тебя жалею. Лучше тебе ничего не знать о нём. От таких, как он, надо держаться подальше. Поэтому-то я тебя к нам на работу не зову». Ещё Шатен сказал: «Устраивайся как можешь. Получай побыстрее документы. Главное: будь тише воды, ниже травы, держись подальше от сомнительных людей. Потом сообразим, как нам дальше жить. Я тебя одного на произвол судьбы не брошу». И он дал Садвакасову деньги на текущие расходы.

Последняя их встреча состоялась месяца полтора тому назад, ночью, на углу пустынного городского парка. Разговаривали всего с полчаса. Шатен был чем-то подавлен, даже удручён. Сказал, что с шефом хочет порвать. Предложил другу уехать вместе с ним в соседнее государство. Говорил, что теперь у них будут новые паспорта на вымышленные имена и соответствующие им легенды. Садвакасов согласился. Они договорились о конкретном дне выезда из города. На прощание Шатен сказал следующее: «Если я тебе не позвоню и не приеду тебя забрать, то без свидетелей позвони человеку на мобильный телефон (он назвал номер) и попроси встречи с ним. Расскажи ему всё, что знаешь обо мне», – и ещё вот это: он назвал цифры вперемежку со словами и добавил: «Ты тюремную школу прошёл, должен справиться». После намеченного им срока прошло три дня, но Шатен не появлялся. На четвёртый день Садвакасова возле его дома незнакомые люди скрутили и посадили в микроавтобус с тонированными стёклами. Ещё и завязали глаза. Привезли его в незнакомый загородный дом и спрашивали, где Шатен спрятал деньги. «Какие

деньги? Не знаю я никаких денег», – отвечал им Садвакасов. Те начали пытаться его, но ничего не выяснили, потому как он, Садвакасов, на самом деле ничего не знает об их деньгах. В конечном счёте, он, измученный и покалеченный, оказался в больнице.

– Что за деньги, какая сумма и где они сейчас? – спросил Нургалиев.

– Не знаю. Правду говорю. Шатен мне о них ничего не сказал.

– Тот дом, где тебя пытали и допрашивали, найти или узнать сможешь?

– Найти – нет, узнать – возможно.

– Описать внешность и опознать тех людей сможешь?

– Смогу.

– Напиши мне номер телефона того человека и те цифры и слова, которые ты должен был ему передать?

– Гражданин следователь, похоже, что вы меня освободили из больницы плена по наводке того человека. Значит он имеет связь с вами, вы знаете его. Устройте мне хотя бы один телефонный разговор с ним. Мне необходимо услышать, что он скажет мне о вашем вопросе. Я чувствую, что с моим другом случилось что-то очень нехорошее. Его поручение, данное мне на последней нашей встрече, теперь стало для меня его последней волей. Я должен её выполнить, то есть те цифры и слова, которые он мне назвал, я должен сообщить тому человеку. Если тот человек откажется от встречи со мной, то тогда – пожалуйста, расскажу вам всё как есть. Дайте мне возможность самому позвонить тому человеку. Хотя бы один раз. Выполните эту мою просьбу.

В разговоре наедине Нургалиев признался своему начальнику Мендигалиеву в возникшей надежде установить заказчика убийства Банкира и раскрыть обстоятельства исчезновения Наси, Шатена, Блондина и валютных средств из частного банка.

Мендигалиев по резервному телефону договорился с Бабочкиным о срочной конфиденциальной встрече, а когда она состоялась, с глазу на глаз передал ему просьбу Садвакасова «об одном телефонном разговоре с ним».

Полицейские ночью под усиленной охраной привезли Садвакасова на «точку», указанную своим начальством. Здесь в течение одной минуты подследственный при Нургалиеве и Мендигалиеве назвал Бабочкину шифр Шатена, составленный из цифр и непонятных слов, напоминающих абракадабру.

– Ничего не понимаю. Бред какой-то. Зря меня сюда притянули. Всего хорошего! – тихо произнёс чекист и тут же, нырнув в темноту ночи, исчез, словно растворился.

Под утро люди Бабочкина нашли и вскрыли тайник, где лежали конверт с письмом без указания адресата и компакт-диск с видеозаписью. В письме, написанном собственноручно Шатеном, говорилось о том, что он разочаровался в Хозяине, ненавидит его и решил порвать с ним окончательно. Сам он дальше будет проживать в далёком отсюда краю, в тихих и праведных трудах замаливая грехи свои перед Богом и людьми добрыми делами и молитвами. В компакт-диске

имелись три видеозаписи: 1) инструктаж известных следствию киллеров человеком в маске; 2) кавалькада микроавтобусов с чёткими номерными знаками, идущими по городской улице в ночное время; 3) беременная Наси, облачённая в платье и в туфли, одиноко стоявшая на морском берегу с субтропическими растениями. После проведения лазерной фотодактилоскопии по новейшей методике, забора материала для лабораторных анализов и снятия копий эти материалы были помещены обратно в тайник. К полудню следующего дня этот тайник по анонимной наводке был снова вскрыт, а содержимое его изъято по протоколу людьми Мендигалиева.

У работников следственной группы и криминалистов-экспертов шла напряжённая работа. Нургалиевым был вызван на допрос, а затем задержан бизнесмен Байбусин, приятель Мадиева. Начались поиски микроавтобусов по государственным номерным знакам, имеющимся на видеозаписи. Фотографии Наси и человека в маске, инструктировавшего киллеров, были переданы в Интерпол.

Садвакасов по-прежнему содержался на конспиративной квартире под охраной. К нему периодически по ночам привозили врачей из больницы МВД для осмотра и перевязки.

Байбусин на первом же допросе отказался отвечать на вопросы следователя без адвоката, а когда появился его адвокат, он рассказал по сути дела следующее. Однажды утром садовник обнаружил сторожевых собак мёртвыми во дворе загородного особняка, принадлежащего ему. В то же утро домработница нашла неизвестного покалеченного мужчину в помещении цокольного этажа хозяйственного крыла особняка. Сам Байбусин, садовник и домработница осмотрели этого человека: он слабым голосом попросил пить, затем потерял сознание. Рядом с неизвестным валялись окровавленные куски одежды, кнут, шприцы, обрывки верёвок. Обитатели особняка были в шоке от увиденного, не понимая, каким образом произошла эта трагедия, поскольку никто из них не слышал ночью никаких подозрительных шумов. Они расстелили на полу матрац и перенесли на него неизвестного. Затем Байбусин позвонил адвокату и попросил его срочно приехать. Обсудив ситуацию, решили вызвать к пострадавшему специалистов из частного медицинского центра для осмотра и оказания помощи.

– Всё было так, как рассказывает мой клиент, – добавил адвокат.

– Почему вы не вызвали «Скорую помощь»? – спросил Нургалиев.

– Если бы я вызвал её, она повезла бы пострадавшего в обычную городскую больницу. Вы должны знать, как там лечат бомжей. А я очень хотел, чтобы этот человек выжил и быстрее поправился. Надеюсь, что это моё желание вам понятно.

– Пока нет.

– Хорошо, объясню. Вы только не перебивайте, я волнуюсь... Так вот, подумайте сами, что было бы со мною, если бы он не вылезлся, а умер, не успев рассказать ничего о своих обидчиках, о том, как он оказался в моём особняке. В таком случае вы бы не стали ломать себе голову в поисках настоящих бандитов-наильников, а быстренько повесили бы на меня это преступление. Вам же нужна раскрываемость, не так ли? Чтобы спасти себя, мне надо было спасти его, во что бы то ни стало.

Чтобы, поправившись, он смог давать показания. А где хорошо лечат и часто спасают тяжёлых больных в нашем городе? В частном научно-клиническом центре!

– Понятно. А почему не сообщили о своей находке полиции? Хотя должны были это сделать.

– Я думаю, что вы с моим досье уже ознакомились. В прошлом, в советское время, я сидел за хищение социалистической собственности в особо крупных размерах. Чего тут скрывать, когда шло то следствие, погиб один мой поделщик-сокамерник. Но в смерти его моей вины нет. Это было доказано на суде. Так вот, хотя судимость та и погашена, всё равно я для вас, полицейских, – ранее судимый человек. А на этот раз со мной опять несчастье – в моём доме обнаруживаются еле живой, покалеченный человек и орудия пытки, и этот загадочный случай я никак не смогу вразумительно объяснить, чтобы полицейские поверили в мою непричастность к данному преступлению. И ещё: человек этот настолько плох, что может умереть, не успев рассказать о себе, о своих палачах. Дальше судите сами, что было бы со мной, сообщи я полиции об этом происшествии? Она бы сразу арестовала меня. Был бы суд, и я, наверняка, получил бы новый срок лишения свободы. Ещё раз повторяю, чтобы без вины не оказаться в тюрьме, я должен был позаботиться о пострадавшем, организовать его лечение, чтобы он выжил и рассказал всё, что было с ним на самом деле. В этом заключалось моё спасение, и для этого я должен был быть на свободе, то есть не попасть вам в руки, ну, хотя бы раньше, чем выздоровеет этот неизвестный человек, который должен стать моим спасителем. Поэтому то я сразу не сообщил в полицию об этом происшествии. Виновен ли я за это, если да, то в какой степени? Но, делая выводы, вам придётся учесть блестящий результат лечения пострадавшего от тяжелейших травм, организованного и оплаченного мною. Если я злодей, доведший человека пытками до комы, зачем же мне нужно было заниматься его дорогостоящим лечением?! Да, забываю сказать, что я собирался заявить полиции об этом человеке по его выздоровлению. Занесите это в протокол. И главное: теперь допрашивайте спасённого мною человека. Пусть он ответит на ваши вопросы, как он оказался в моём доме. Для правосудия я спас ему жизнь!

– Слишком уж складно получается у вас. Хоть к награде вас представляй. Ну, к благодарности, на худой конец.

– Возражаю! Вы не имеете права издеваться над подследственным! – вмешался адвокат.

– Извините! Я просто был тронут примером высокогуманного отношения к бомжам, – ответил Нургалиев и обратился к Байбусину.

– Кто ещё находился в вашем особняке в ту ночь и утром, когда обнаружили покалеченного Садвакасова?

– Садовник и домработница.

– Лично вы и они в ту ночь в каких помещениях ночевали?

– Каждый – в своей комнате.

– Где сейчас находятся те вещи, которые вы нашли в цокольном помещении, рядом с Садвакасовым?

– Мы их по акту собрали, положили в чистые полиэтиленовые пакеты и поместили в домашний сейф. Вы можете их изъять.

– Вы понимаете, какой вред нанесли следствию своей самодеятельностью?

– Какой вред?

– Важнейшие физикальные этапы исследования места происшествия, дактилоскопия и взятие анализов, поиски преступника кинологами и так далее – всё это не проводилось из-за вас. Что на это скажете?

– Физикальные этапы, кинологи... Я вас не понимаю. Вы, конечно, больше знаете, чем я. Я ведь не следователь, юрфаков не кончал. Откуда мне знать про все эти тонкости вашей работы?!

– Прикидываетесь наивным простаком? Да, вы юрфаков не кончали, но прошли тюремные университеты. Предмет «Следствие» заключённые проходят даже не на зоне, а ещё до того: в КПЗ и СИЗО. А он из себя безвинную овечку изображает!

– Возражаю! Не имеете права называть моего подзащитного бараном! Он действительно никогда не учился на юрфаке, – опять встрепенулся адвокат.

Нургалиев никак не отреагировал на это, продолжал допрос:

– Где находился ваш адвокат в тот момент, когда вы собирали и складывали вещдоки в пакеты и помещали в сейф?

– Его уже не было в коттедже. Он незадолго до этого по моей просьбе поехал в ЧНКЦ за врачами. Так что он не в курсе в отношении того, что происходило в той комнате, когда он там отсутствовал.

– А что он сказал про то, что вы не станете сообщать в полицию о случившемся?

– Я ему не говорил, что не буду сразу сообщать в полицию, а сказал, что полиция об этом узнает от меня лично, и чтобы он на этот счёт не беспокоился.

– Он потом не поинтересовался, что стало с теми вещдоками?

– Нет, не поинтересовался.

– Как вы думаете, почему?

– Думаю, что он вообще ничего не знал про них. Он ведь тогда только на короткое время спускался в цокольную комнату, где на матрасе лежал пострадавший.

– Вы не рассказывали ему о тех вещдоках потом, когда уже пострадавшего устроили на лечение?

– Нет, не рассказывал.

– Почему?

– Забыл. Столько забот в бизнесе каждый день, порою даже забываясь есть вовремя.

– А зачем вы вообще собрали, сложили в пакеты и спрятали в сейф эти вещдоки и при этом ещё и составили акт?

– Действительно, почему я так поступил, точно сказать не могу даже сейчас. Сам удивляюсь своим тогдашним поступкам. Наверное, от страха стал действовать механически, неосознанно или руководил мною инстинкт самосохранения. Подумайте сами: шутка ли, когда тебе подкидывают покалеченного человека, находящегося при смерти?! Может быть, и надо было вызвать полицию, как только увезли пострадавшего в ЧНКЦ. Но я этого не сделал. Говорю же – был стресс у меня, может, даже на время

«крыша съехала» со страху. Может, я ещё не пришёл в себя до сих пор. Вы меня направьте на психиатрическую экспертизу.

– Будет нужда – направим. Пока другой вопрос: кто акт подписал?

– Я, домработница и садовник.

– Где сейчас этот акт?

– Должно быть, в сейфе.

– Где находится этот сейф?

– В цокольном помещении моего дома.

– Ключ от сейфа где хранится?

– Должно быть, висит там, в той комнате на стене.

– Что ещё хранится в сейфе?

– Ценные сантехнические, столярные и токарные инструменты. Знаете, я иногда в свободное время, так сказать для души, занимаюсь за верстаком разным ремеслом.

В тот же день в особняке Байбусина был произведён обыск, криминалисты взяли соскобы с подозрительных пятен, имевшихся на полу и стенах, изъяли из сейфа два пакета с вещдоками и матрац, лежавший в углу комнаты в свёрнутом виде. Сюда же был доставлен Садвакасов, который узнал и комнату, и троих обитателей коттеджа. Он при них же подтвердил, что его под утро того дня другие люди привезли сюда откуда-то и бросили здесь. В конце обыска дверь и окна цокольного помещения были опечатаны. Садовник и домработница были задержаны и доставлены в ГУВД. С санкции прокурора квартирные и офисные телефоны Мадиева, адвоката и Байбусина были поставлены на прослушку.

На загородной мусорной свалке были найдены трупы двух немецких овчарок. Туда привезли садовника и домработницу. Садовник не опознал, а домработница признала в предъявленных трупах сторожевых псов, охранявших особняк. Останки собак были переданы экспертам для исследования.

Допрос домработницы и садовника следствию ничего нового не дал. Поиски микроавтобусов, на которых вывозились деньги и драгметалл из банка, тоже не дали результатов. Выяснилось, что номерные знаки тех автомобилей, запечатлённые на компакт-диске, два года тому назад были выданы на большие пассажирские автобусы марки «MAN» и за период эксплуатации с них эти номера ни разу не снимались. Стало ясно, что грабители банка в ту злополучную ночь пользовались фальшивыми номерными знаками для своих микроавтобусов.

Криминалисты работали с изъятыми в особняке Байбусина вещдоками, но от них на поставленные вопросы пока ещё ответа не было.

Вскоре Мендигалиев вызвал Нургалиева и сообщил ему, что начались «наезды» на него со стороны столичных высокопоставленных лиц по поводу нахождения под следствием Мадиева, «знатного человека», «представителя самой гуманной профессии на земле». Кроме того, адвокат Байбусина подал жалобу в прокуратуру на Нургалиева за грубую, унижительную по отношению к подследственному манеру ведения допроса. По агентурным данным, этот же адвокат стал посещать редакции независимых СМИ. Возможно, он пытается организовать кампанию

давления на полицейских.

– Я пока отбиваюсь от этих нападков. Что хочу тебе сказать: нужен результат, и как можно быстрее. И ещё: будь предельно осторожен и внимателен. Опасайся провокации. Жену и ребёнка, может быть, скрытно отправишь куда-нибудь на какое-то время? А? По вечерам с работы домой возвращайся на служебной машине. Скоро для тебя добыю места в нашем ведомственном санатории. Видимо, я сам тоже туда переберусь на некоторое время. Там придётся организовать нам охрану. Дожили! Ты понимаешь, о чём я говорю? Вижу, что понимаешь. Но ты не дрейфы! – с решительным, излучающим энергию видом посмотрел Мендигалиев на подчинённого.

– Понимаю, – ответил тот.

Вернувшись в свой кабинет, Нургалиев вновь взял в руки один из четырёх томов уголовного дела почти тридцатилетней давности, поднятого из архива. Главным обвиняемым в том деле был заведующий овощебазой Байбусин, который впоследствии был осуждён на семь лет лишения свободы с конфискацией имущества за хищение социалистической собственности в особо крупных размерах. Анализ и сопоставление фактов показывали, что сам Байбусин и его подельники ни тогда, ни сейчас не имели и вроде бы не имеют отношения к окружению Хозяина, равно и к нему самому. Однако следователь никак не мог освободиться от интуитивного чувства причастности этого человека к делам, творящимся в банно-спортивном комплексе Хозяина.

После долгих раздумий Нургалиев решил выпустить из КПЗ садовника и домработницу под подписку о невыезде. За ними было организовано наблюдение, мобильные телефоны их также были поставлены на прослушку.

На другой же день Нургалиев получил сообщение о том, что «продаётся щенок афганской борзой». Это было приглашение от агента на срочное конспиративное свидание.

Они встретились в читальном зале городской библиотеки. Агент – скромно одетый мужчина средних лет сидел за столом, в переднем ряду. Нургалиев, получив у дежурного библиографа подшивку газеты «Из рук в руки», сел за стол рядом с тем и стал листать разделы рекламных объявлений. Шевеля губами, вода шариковой ручкой по тексту, каждый искал то, что ему нужно, но на самом деле они шёпотом обменивались короткими фразами.

– Зачем звал?

– Садовник два раза встречался с одним человеком. Фотографии в телефоне.

Опустив руки под стол, они быстро обменялись сотовыми телефонами: агент отдал следователю «загруженный», получив взамен «чистый».

– За кем мне следить? – прошептал агент.

– За новеньким.

– А садовник?

– Его примет другой.

Нургалиев для вида переписал в свой блокнот адрес первого

попавшегося рекламодателя, затем подошёл к библиографу, сдал подшивку газеты и покинул зал.

С мобильного телефона агента были распечатаны фотографии мужчины средних лет. Садвакасов его не узнал. В срочном порядке оперативный работник полиции с этой фотографией выехал на зону, где отбывали наказание уже осуждённые киллеры (в целях исключения утечки информации Нургалиев не стал пользоваться услугами факса).

Следующий день для следователя начался с сообщения другого агента о встрече адвоката с домработницей в офисе Байбусина. Пока что от этого факта для следствия никакой пользы не было.

К полудню у криминалистов появились первые «интересные» результаты. На исследуемом матрасе были обнаружены пятна крови, причём давность их появления была различной: от тридцати до двадцати трёх дней к моменту начала лабораторных исследований. Все пятна крови по свойствам полностью совпадали с кровью Садвакасова. Иными словами, Садвакасов, будучи раненным, все указанные сроки, то есть в течение семи дней, а не в течение только одной полуночи, «пользовался» данным матрасом. Во-вторых, на трупах собак следов механической травмы не было. В шерсти ляжки одной из них была найдена инъекционная игла. В просвете этой иглы, а также в кровеносных сосудах и в других тканях трупов обеих собак был обнаружен люминал – снотворный препарат в большой дозе, но его не было обнаружено в желудочно-кишечном тракте животных. Выходило, что собакам снотворное вводилось специально для того, чтобы их усыпить. Для чего? Видимо, для того, чтобы они своим лаем не отреагировали на появление на территории особняка посторонних. И, вероятнее всего, сделал это человек, к которому животные привыкли и легко давались ему в руки.

Домработница была вызвана на повторный допрос, садовника решили пока «не тревожить».

Нургалиев стал перебирать в уме удобные варианты показа Садвакасову банно-спортивного комплекса и тренировочной базы для опознания тамошних помещений и людей. Стал вырисовываться конкретный план действий. В это время зазвонил городской телефон и пискнул мобильный. Первый абонент (им оказался оперативный работник, командированный на зону для беседы с осуждёнными киллерами) сообщил: «Долг не получен, выезжаю». На дисплее мобильного телефона значилось: «Жду у почты. Маша» – Нургалиева срочно приглашал к тайнику агент.

Он поехал на ближнюю конспиративную квартиру, там облачился в неброскую одежду городского обывателя, наклеил усы, надел парик и через чёрный ход вышел во двор, оттуда на улицу и на машине частного извозчика приехал на автовокзал. Здесь он из ячейки камеры хранения взял «загруженный» мобильный телефон, оставив взамен «чистый».

В телефоне агента имелись фотографии двух незнакомых мужчин и садовника, разговаривающих в мясном ряду городского рынка, а также домашние адреса незнакомцев. (К досаде Нургалиева, этих мужчин потом не опознали Садвакасов, осуждённые киллеры, обитатели БСК и тренировочной базы).

Вернувшись в кабинет, Нургалиев подготовил ходатайство в

прокуратуру об этапировании двух киллеров из зоны в ГУВД для проведения повторных следственных действий. Затем допросил домработницу по поводу принадлежности матраца. Та твердила одно и то же: «Не могу точно сказать. Я в особняке работаю всего-то полгода. В том помещении, где лежал этот матрац, не бываю. Там иногда работают хозяин и садовник. Они мне ни разу не велели делать там уборку. Вообще-то, там какое-то барахло валялось. Может, и этот матрац лежал там давно. А может, и нет. Не могу точно сказать». На вопрос Нургалиева о том, кто ещё был в особняке в ту ночь, кроме троих постоянных обитателей, та сказала: «Никто. Точно помню, никто. Во всяком случае, пока я не заснула, то есть до одиннадцати часов вечера. Я часто вспоминаю ту ночь, потому что про неё вы задавали мне много вопросов. Утром я проснулась, как всегда, в семь часов и не заметила признаков ночёвки дома посторонних».

Нургалиев распорядился посадить домработницу в одиночную камеру КПЗ, запретил для неё приём передач и свидания с родственниками, знакомыми и адвокатом. Затем следователь вместе с двумя оперативными работниками полиции (один из них был Садвакасов, заграничанин и переодетый в форму старшины) побывали вначале в банно-спортивном комплексе, потом на тренировочной базе. Там они осмотрели все помещения, провели профилактическую беседу с персоналом по правонарушениям. Но комнаты и люди на этих объектах оказались незнакомы Садвакасову.

В тот же день была установлена личность обоих подозрительных мужчин, встречавшихся с садовником, у них криминального прошлого не было. По фотографии домработница их не узнала.

Голодный и измотанный работой Нургалиев в этот вечер пришёл домой пораньше, чем в предыдущие дни: в девять часов. Дверь открыла жена, трёхлетний сын тоже стоял в прихожей, встречая отца. Он поцеловал их.

– Как ты? – спросила она с некоторой тревогой в голосе, будто знала, что у мужа на работе «жаркие дни».

– Ничего. Как вы сами?

– Тоже ничего.

– Голоден как волк. Я быстро душ приму, потом за стол. Иди, накрывай.

– Выпить поставить?

– Можно.

Они, сидя перед включённым телевизором, шептались.

– Ты мне что-то хочешь сказать на ухо?

– Да, садись на колени.

Она села ему на колени и обняла его.

– Слушай, Шолпан, тебе с Маликом надо на время тайком уехать отсюда... (он ещё тише сообщил куда). Связь со мной или с нашими – через... (он снова прошептал нужные слова). Напрямую – только в крайнем случае.

– Ладно, когда выехать?

– Завтра же с утра. Я организую.

– Сам где будешь жить?

– В нашем санатории, под охраной.

– Что будет с квартирой?

– Поселится Саша Машкунов с женой, месяца на три. Так безопаснее для нас в смысле разных там штук... Документы наши, как и прежде, будут лежать в депозитном ящике банка.

– Когда у тебя закончится эта полоса напряжённости?

– Трудно точно сказать. Как только вы уедете, я начну решительные действия. Думаю, месяца через три, ну, максимум четыре, многое прояснится, многое будет распутано, заговорит пресса – и тогда интерес к следователям со стороны тех спадёт.

На другой день ещё до рассвета Шолпан с сыном на внедорожнике со сменными номерами выехала из города. За рулём находился капитан НСБ Александр Машкунов. Сам Нургалиев на частной машине, двигаясь с некоторым отставанием от того внедорожника, негласно провожал семью до границы соседней области. Слежки за собой и за машиной Машкунова он не заметил.

Возвращаясь с трассы в ГУВД, Нургалиев думал о том, как ему «разговорить» Байбусина, адвоката, садовника и тех двух мужчин, которые встречаются с садовником. Следователь был убеждён, что эти люди либо соучастники, либо свидетели не одного преступления, их во что бы то ни стало надо «расколоть».

Ему вспомнилась картина «Голубь мира» Пикассо, где белая птица в руках молодой красивой женщины была изображена с изогнутым вниз хищным клювом и острыми когтями, как у ястреба. Нургалиев знал и историю спора вокруг этой картины. Как пишут мемуаристы, завистники великого художника не соглашались с его интерпретацией образа символа мира, поскольку птица на полотне была больше грозна, чем мила сердцу. В пылу полемики критики даже говорили о том, что «Пикассо уходит от реализма, как новатор уже выдыхается». Живописец тогда положил конец раздражавшей его шумихе вокруг своей картины следующей фразой: «Мир водворяется и поддерживается силой, а не просьбами и увещаниями безобидных милых красавчиков или изящными жестами и шарканьями чистоплюев».

Нургалиев был убеждён, что рост преступности во всём мире корнями своими уходит в почву, «удобряемую» так называемыми либеральными демократами, от них же идёт и разрушение устоев правопорядка, плодятся малые и большие звери криминального подполья. Нургалиеву вспомнилось прошлогоднее участие его в отстреле из вертолётá чрезмерно расплодившихся волков в степи Бестобе, по слёзной просьбе тамошних чабанов...

Ему не давали покоя вопросы, на которые он ещё не может дать ответа. 1). Почему покалеченный Садвакасов оказался в особняке Байбусина? Если Байбусин является соучастником преступления, где отведена какая-то роль и Садвакасову, то зачем он, Байбусин, допустил, чтобы у него дома находился доведённый пытками до полусмерти Садвакасов? 2). Зачем Байбусин обратился за помощью для Садвакасова в частный медицинский центр? Из-за человеколюбия? Вряд ли. Чтобы хорошие врачи хорошо лечили и наверняка вылечили того? Допустим, что это так. Тогда: 3). Почему Байбусин так сильно дорожит жизнью

Садвакасова, даже расходы (немалые) на лечение его берёт на себя? Только лишь для того, чтобы тот, вылечившись, смог указать на своих настоящих мучителей и вывел его, Байбусина, из-под подозрения? 4). Зачем Байбусин рисковал собою попасть в поле зрения полицейских, сдав Садвакасова на конфиденциальное лечение в ЧНКЦ Мадиева? Почему Байбусин не избавился от находящегося в коме Садвакасова каким-то иным образом? Причина заинтересованности Байбусина в выздоровлении Садвакасова в чём-то другом, чем объясняет её сам Байбусин? 5). А не является ли всё это хитроумной комбинацией, сплетённой кем-то другим, а не Байбусиным? Если это так, то в чём истинная цель этого детективного сюжета и кто автор? 6). Или всё это есть «отвлекающий манёвр», «ложный след», созданный кем-то для чего-то? В этом случае следственная группа во главе с Нургалиевым, медики, возглавляемые профессором Мадиевым, Байбусин со своей компанией и Садвакасов – все они – игрушки в руках загадочного коварного и талантливого «кукловода».

На эти вопросы у Нургалиева пока было только начало ответа: скорее всего, Байбусин вынужден выполнять чьё-то указание, очень боится кого-то и не может тому прекословить. Как получить у допрашиваемых показания на этого загадочного персонажа-кукловода? Где и как собрать нужные факты, чтобы распутать этот тугой узел вопросов?

Оперативники задержали и водворили в СИЗО садовника и встречавшихся с ним двух мужчин. Домработница была выпущена из КПЗ. За неё велось наружное наблюдение.

В кабинет следователя доставили садовника.

– Садись. Скажи для начала, как оказался в твоих руках люминал? – начал дознание Нургалиев.

– Что? Что вы сказали? О чём вы говорите? – сделал невинное лицо садовник.

– Вот что: если будешь уходить в «несознанку», я вынужден буду добиться твоего признания другими способами. Ты лучше постарайся облегчить свою участь чистосердечным признанием.

– В чём мне признаваться? Не пойму, чего вы хотите от меня?

– Ты начинаешь меня раздражать. У меня дел много, а времени мало. Если здесь не хочешь признаваться, ты сделаешь это в другом месте. Вынужден будешь сделать. Результат всё равно окажется у меня.

– Что вы имеете в виду?

– Скоро узнаешь, – Нургалиев нажал на кнопку звонка. В двери появился конвойный полицейский.

В камере с низким потолком духота и тяжёлый запах давно не мытых тел, испражнений, табачного дыма и подвальной сырости. Вдоль стен стояли четыре шконки, сваренные из арматуры и уголков, заправленные рваными грязными матрацами и такого же вида одеялами. На них лежали люди. Ещё трое сидели на цементном полу, за их спинами у стены находились свёрнутые матрацы с одеялами.

– Здравствуйте, – сказал садовник, войдя в камеру. Голос у него вышел нетвёрдым, колени дрожали.

– Здравствуй, коли не шутишь, – ответил ему обросший человек,

занимавший лежак у окна. Было понятно, что он старший по камере. Садовник в растерянности продолжал стоять. Через некоторое время тот же человек произнёс:

– Положи скатку на свободное место. Как тебя зовут?

Садовник оглянулся, не увидел нигде свободного места. Раздался хохот обитателей камеры. Только тогда новичок опустил свёрнутый матрац на полу у двери, где стояла параша.

– Спрашиваю, погоняло есть у тебя? – вновь прозвучал вопрос.

– Что это такое?

– Понятно. Новичок. Знаешь, на кого ты похож? Молчишь? Что шьёт тебе следак?

– Допрашивает меня, как соучастника.

– В чём твоё соучастье?

– В гибели собак.

– Темнишь. Ты что, с аптеками связь держишь? – вновь поинтересовался старший.

– Какая аптека? Нет у меня с аптекой ничего.

– Опять не то говоришь. Вот что, отпиши своим, чтобы прислали тебе сюда в куске мыла таблеток 15 элениума.

– Я не знаю, что это такое.

– Зато я знаю. Теперь твоё погоняло – Элениум. На, пиши. – Тот протянул садовнику половину ученической тетради и коротенький карандаш.

– Да некого мне просить, никто этого не сделает для меня.

– Тесак, ну-ка, поработай с ним, – велел старший. Полный человек со шрамом на лице спустился с верхней шконки, подошёл к садовнику и ударил его кулаком в живот. Новичок согнулся вдвое, но удержался на ногах. Следующие удары ему пришлись по пояснице, по спине и по голове. Он не выдержал: внезапно обессилев от боли, не успев даже крикнуть о пощаде или попросить помощи, упал ничком на пол. Пришёл он в себя минут через десять и под диктовку старшего по камере написал две записки с просьбой прислать ему в камеру таблетки элениума. Без чьей-либо подсказки, одну из записок он адресовал адвокату, другую – одному из двух мужчин, с которыми тайно встречался. О том, что этот мужчина в данный момент сидел у следователя на допросе, садовник не знал.

Его на повторный допрос вызвали на следующее утро.

– У меня мало времени. Здесь очередь на допрос. Хочешь сознаться – присаживайся, не будешь сознаваться – скажи тут же, отправлю обратно в камеру, – предупредил его Нургалиев.

– Спрашивайте, буду отвечать.

Нургалиев сделал жест в сторону конвойного, тот удалился в коридор и закрыл дверь. – Где взял люминал?

– Простите, что это?

– Лекарство, чем вы усыпили собак.

– Его привёз адвокат. И шприцы.

– Когда он приехал в особняк в ту ночь: до того, как туда привезли Садвакасова, или после?

– Около часу ночи, до того, как привезли Садвакасова.

– Адвокат до утра отлучался из особняка?

– Нет.

– Кто вводил собакам люминал?

– Мой хозяин, то есть Байбусин.

– Кто присутствовал при этом?

– Я и адвокат.

– Видела всё это домработница?

– Нет. Она спала. Шеф сказал адвокату, что она сегодня будет спать крепко.

– Что, он хотел избавиться от собак совсем?

– Нет, оплошал с дозой, потом очень жалел, что собаки сдохли.

– Кто и когда привёз Садвакасова к вам в особняк?

– Их было трое. Все в масках. Рослые, крепкие мужчины. Привезли его, наверное, под утро. Я на часы не посмотрел. Было ещё темно, собаки уже спали после уколов.

– На чём они его привезли?

– В микроавтобусе.

– Госномер и модель?

– Не разглядел, было темно. За воротами оставалась ещё какая-то машина.

– Матрац тоже они привезли?

– Да. Они того вынесли из машины на матрасе, на нём же перенесли в комнату в полуподвале.

– Теперь расскажи о своих встречах со своими друзьями.

– Какие друзья?

– Здесь надо говорить правду. Ясно? Зачем встречался со своими друзьями? Они тоже у нас и говорить будут. Молчишь? Слушай внимательно. До этого ты ни разу не привлекался к уголовной ответственности. Будешь сотрудничать со следствием – останешься свидетелем, на свободе, чистым перед законом. Будешь артачиться – станешь соучастником преступления, получишь срок, пойдёшь на зону. Знаешь, за что? За пособничество Байбусину в его тёмных делишках. Может, у нас ещё что-нибудь отыщется для тебя. Глянь сюда, – Нургалиев достал из сейфа пистолет. – Эта штука может оказаться «грязной», очень «грязной». А на ней пальчики твои и хозяина твоего. Ты – на краю пропасти. Выбирай.

– Там мои пальчики случайно. Недавно он уронил на пол пистолет, а я поднял его и подал ему. Домработница тоже видела это.

– Шатко всё это, очень шатко. Если выяснится, что из этого пистолета стреляли и убивали людей, что будет с тобой – представляешь себе? Ладно, всё это потом. Сейчас другое. Зачем ты тайком встречался со своими «друзьями»? О чём вы говорили на этих встречах?

– Они мне не друзья. Мы друг друга раньше вообще не знали. Я с ними встретился по поручению адвоката. Я им сказал, что Садвакасов жив и почти здоров, матрац в руках полицейских, меня и домработницу выпустили из КПЗ, я и она толком ничего не рассказали следователю.

– Это всё?

– Да, всё.

– Подпиши протокол допроса.

Адвокат в тот же день был арестован.

На допросах и на очной ставке Байбусин, адвокат и двое подозрительных мужчин показания садовника отрицали. По их рассказам выходило, что ни Байбусин, ни адвокат не имели отношения к усыплению собак и не видели, как оказался в особняке Байбусина покалеченный Садвакасов. Оба они ту интересующую следствие ночь провели в обществе своих любовниц: Байбусин – в спальне своего особняка, адвокат – на своей городской квартире (позже их женщины подтвердили алиби своих любовников). Те двое подозрительных мужчин вообще не признавали своё знакомство с садовником, мимолётную встречу с ним считали случайной. Кроме того, на первом же допросе и на очной ставке Байбусин и адвокат заявили, что Нургалиев пытками вынудил садовника давать против них ложные показания, и за это они на следователя подадут жалобу в прокуратуру.

Нургалиев был убеждён, что Байбусин и адвокат – подручные Хозяина, погрязшие в самых тяжких грехах против закона, но как ни старался, никак не мог добыть доказательства их связи с Хозяином или причастности к убийству Банкира, исчезновению людей из БСК. Между тем заканчивались дозволенные уголовно-процессуальным кодексом сроки держания адвоката и двух подозрительных мужчин под стражей без предъявления им обвинения. Нургалиеву ничего не оставалось, кроме как выпустить эту троицу из КПЗ под подписку о невыезде из города. Телефоны их по-прежнему оставались на прослушке, сами они теперь находились под «наружным наблюдением» агентов, осведомителей и оперативных сотрудников.

Против профессора Мадиева Тухфата Басаровича и Байбусина было возбуждено уголовное дело за несообщение ими органам правопорядка о пациенте с признаками насильственной травмы. Однако у Нургалиева не было уверенности в том, что это дело дойдёт до суда. Во-первых, благодаря стараниям Мадиева и Байбусина пациенту и жизнь была спасена, и здоровье восстановлено; во-вторых, Байбусин собирался заявить в полицию о покалеченном неизвестном человеке после того, когда тот выздоровеет в результате лечения; в-третьих, Мадиев является знатным человеком и пользуется поддержкой некоторых представителей политической элиты страны; в-четвёртых, против Байбусина персонально весомых улик нет. А за организацию скрытого лечения пациента его особо и не накажешь, потому как он идёт в этом деле в сцепке с Мадиевым. Наверняка скоро в ГУВД сверху поступит команда о прекращении данного дела. И руководством ГУВД это распоряжение будет выполнено, в этом можно даже не сомневаться. Разумеется, лично Нургалиев ничего плохого не имел бы против врача и учёного Мадиева, если бы этот не подозревался в связях с главными злодеями кровавых дел, произошедших в регионе в последнее время.

Нургалиев понял, что дело о покушении на жизнь Садвакасова, не перерастая в дело об организованной преступной группе Хозяина, заходит в тупик. Сам Садвакасов был отпущен из конспиративной квартиры домой, за ним тоже было установлено наружное наблюдение и телефоны его были поставлены на прослушку.

В этот же день криминалисты представили следователю результаты

генетического анализа биоматериалов. Пятна крови на тряпках, изъятых в БСК, и кровь сестры Шатена были схожи по свойствам.

Нургалиев поздно вечером вышел из здания ГУВД, сел в вызванную заранее служебную машину и отправился в ведомственный санаторий, где временно проживал. В этот день коллеги поздравили его с официальным присвоением ему звания майора вне очереди, но он почему-то радости не ощущал. Сидя в машине, он вновь и вновь анализировал ход следствия по делу об убийстве Банкира. Фактов и улик было собрано немало, но ему так и не удалось выяснить, кто является заказчиком и организатором этого преступления. Ему всё думается, что Хозяин, в преступной сущности которого он нисколько не сомневается, является не единственным и не самым главным действующим лицом в тех криминальных событиях, которые произошли в последнее время в регионе. Он сейчас почти уверен в том, что корни зла кроются в глубине...

Следующий рабочий день у персонала ГУВД начался, как и предыдущие, рутинными делами и заботами. К счастью, за минувшие сутки в городе чрезвычайных происшествий зарегистрировано не было. К тринадцати часам дня офицеры стали заходить в столовую обедать. Мария Николаевна, в чью обязанность входило обслуживать персонально начальника ГУВД, подавая борщ Мендигалиеву, шепнула: «От Эн-ЭС: соглашаться». Полковник не постиг смысла послания, но задавать вопросы официантке смысла не было.

К пятнадцати часам неожиданно в ГУВД прибыл министр внутренних дел в сопровождении акима города и ещё нескольких важных персон. Они, быстро миновав пост дежурных офицеров на первом этаже, двигаясь стремительными шагами, по главной лестнице поднялись на второй этаж и вошли в приёмную начальника. Далее они, оставив без внимания отдававшего честь дежурного офицера, прошли в кабинет главного полицейского города. Мендигалиев, всё ещё являющийся временно исполняющим обязанности начальника ГУВД, увидев вошедших, не растерялся, поднялся с кресла, направился к посетителям, приблизившись к ним, встал по стойке «смирно» и по уставу приветствовал высокопоставленных визитёров.

Выслушав рапорт, министр произнёс:

– Вольно! Ну, полковник, рассаживайте нас.

Мендигалиев пригласил их к столу для заседаний. Министр занял кресло впереди, остальные расположились по ранжиру по обе стороны длинного стола. Министр продолжил:

– Времени у нас мало, сразу к делу. – Затем кивнул в сторону начальника управления кадрами министерства. – Читайте приказ!

Тот раскрыл папку и стал читать. Приказ гласил, что Мендигалиев назначается начальником ГУВД одной из северных областей (это была генеральская должность), начальником же ГУВД этого города (тоже генеральская должность) становится полковник, работавший до этого заместителем начальника ГУВД одной из южных областей.

– Возражения будут? – министр посмотрел сначала на акима города, затем на Мендигалиева.

Те ответили согласием.

Министр опять кивнул начальнику управления кадрами:

– Сами проводите приём-передачу дел, представьте личному составу нового начальника ГУВД. Я отбываю в столицу.

Через минуту в кабинете остались представитель министерства, новый и теперь уже прежний руководитель городской полиции.

Вечером Мендигалиев пригласил своего преемника и столичного начальника на прощальный ужин в загородный частный коттедж. Гуляли допоздна и остались там ночевать. Гости были весьма довольны искусством повара, качеством сауны и бассейна и в особенности неиссякаемым запасом смешных анекдотов хлебосольного хозяина. Утром после завтрака гости, прощаясь с Мендигалиевым, спросили у него:

– Может, у тебя будут к нам вопросы? Может, что нужно сделать для тебя здесь или на новом месте?

– Спасибо огромное! Раз позволяете, скажу.

– Говори, не стесняйся!

– На новом месте ой как нужны мне будут испытанные и исполнительные люди. Хотя бы на первых порах, пока сам не разберусь в тамошней обстановке.

– Это понятно! Говори, кого бы хотел забрать с собой? – спросил министерский чиновник. Мендигалиев назвал несколько фамилий.

– Я тебя понимаю и не буду препятствовать твоему желанию, – отозвался новый начальник ГУВД.

– Как только там примешь дела и разберёшься с кадрами, дай знать, – сказал столичный гость.

В этот же день Мендигалиев вылетел в северный областной город на новое место работы.

Полмесяца спустя майор Нургалиев приказом начальника ГУВД был назначен на полковничью должность – начальником одного из РОВД города. В конце следующего месяца службой собственной безопасности ГУВД был арестован командир СОБР майор Сагындыков за «вымогательство вознаграждения» и «незаконное задержание» одного бизнесмена. Следствие над ним продолжалось недолго, и дело было передано в суд. Вердикт оказался строгим: Сагындыков получил три года лишения свободы. До суда над ним и после средства массовой информации, опережая друг друга, публиковали статьи, свидетельствующие о том, что майор законов не нарушал, дело его носит заказной характер в угоду неким силам, с какой-то далеко идущей политической целью.

В большом городе стали постепенно стихать досужие разговоры об убийстве Банкира и его брата, об ограблении коммерческого банка, бесследном исчезновении людей в некоторых бизнес-кругах. Всё реже и реже возвращались и СМИ к этим темам. Уже через полгода для обывателей мегаполиса, где происходили описанные выше события, актуальными представлялись новые события быстротечной жизни современного общества. И мало кто из них обратил внимание на коротенькое сообщение в одной независимой газете, что по протесту городского прокурора Сабыргалиева, который полгода тому назад занял эту должность, дело майора Сагындыкова было пересмотрено судом городской инстанции. Узник зоны был оправдан и вышел на свободу.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ

Незаметно скользя по безоблачному небосклону, южное солнце приближается к зениту. Тени становятся всё короче и короче. Полуденную тишину обособленного от остального мира побережья изредка нарушает шум морского прибоя. Куда ни посмотри, везде и всюду режущая глаз горячая бело-жёлтая яркость.

В некотором отдалении от берега начинается огромный зелёный массив, простирающийся в глубь суши, окаймлённой на далёком северном горизонте грядами невысоких гор. Сей зелёный массив только издали кажется сплошным. На самом деле он разделён на участки широкими асфальтированными дорогами. Каждый участок обнесён со всех сторон вырастающей из железобетонного фундамента высокой ажурной оградой из чугунных столбцов, литых решёток и стальных прутьев с обращёнными кверху острыми стреловидными концами. Эти территории превращены в сады, отвечающие вкусам их капризных хозяев. В центре каждого сада располагается господская усадьба.

Несмотря на близость моря, в гуще зелёного массива усиливается духота.

На пяточке, где тесно растут непривычные для здешних мест крымские сосны, в тени большого навеса обнажённая девушка, полужёжа в шезлонге, получает воздушную ванну. Аромат хвои усиливается, девушку одолевает дремота, ей хочется быстрее оказаться в прохладе затемнённой комнаты и заснуть. Она встала, по песчаной дорожке подошла к бассейну и вошла в воду. В саду и в водоёме не было ни души. Недолго поплавав, девушка по лестнице поднялась на кромку бассейна, не вытираясь и ничем не прикрывая наготу, по подстриженному газону побрела в глубь сада, где над верхушками деревьев виднелись верхний этаж и крыша дома.

В вестибюле её встретила женщина средних лет азиатской внешности, одетая в лёгкую ситцевую пару – юбку и кофту. Она держала в руках в развёрнутом виде коротенький халатик из белой и тонкой хлопчатобумажной ткани.

– Спит? – обратилась к ней девушка.

– Недавно покормили, теперь спит, – ответила та, затем, обойдя хозяйку, подошла к ней сзади и накинула на её плечи халатик. Запахиваясь и завязывая кушачок на ходу, Наси (да, это была она) направилась вверх по широкой лестнице, устланной разноцветным шёлковым ковром и поверх него дорожкой из белой бумазеи.

За несколько месяцев, прошедших со дня отъезда из БСК, Наси сильно изменилась. Прежде всего, она от загара стала бронзовой. Худощавое и несколько угловатое прежде тело её стало стройным, налилось силой и окрепло, выпуклый тогда от беременности живот приобрёл приятную округло-плоскую форму. Но главные перемены произошли в сознании: от прежней робости и боязливости не осталось и следа: на собеседницу смотрит она прямо, говорит смело, походка и жесты уверенные, выражают волю и властность.

Поднявшись на второй этаж, она не стала заходить в детскую комнату, а направилась в свои покои. На лице её обозначилась тень грусти,

налетевшей бог весть откуда.

Дочурке её недавно исполнилось девять месяцев. Отец, то есть Кожабек, назвал её Зияда. Имя это созвучно с именем Зита, а схожесть эта – поклон его в сторону бабушки малютки по материнской линии (зовут ту Зита Бабур Ахмади). Слава Создателю, ребёночек растёт нормально, несмотря на то, что уже с двухмесячного возраста она вынужденно стала «искусственницей», то есть вскармливается не грудью матери, а детскими питательными смесями. Причиной тому была пропажа молока у Наси, случившаяся из-за стресса в один из нелёгких дней той поры. Досадно, что приключилась с нею та напасть. Не перестаёт она злиться на судьбу, насылающую время от времени ей и другие испытания. Пуще всего возненавидела она за эти месяцы частые неожиданные и внезапные переезды из одного города в другой, спешные переселения из одной страны в другую, больше похожие на бегство. Не хочется даже вспоминать причины этих перемещений то по воздуху, то по суше, то по воде...

Войдя в спальню, Наси подошла к столику, набрала из сифона в стакан холодной родниковой воды и выпила, затем села в кресло и задумалась.

Счастлива ли она? Нет, не счастлива. Это знают даже нянька, домработницы и повара, хотя им она не жаловалась на свою судьбу. Кожабека – отца своей дочки, она видит нечасто. Он подолгу пребывает где-то далеко от неё, приезжает изредка и всегда внезапно, на короткое время, и, как правило, для того, чтобы сообщить ей о необходимости срочно собираться и покинуть данное жилище и обстановку, к которым она уже стала привыкать... «Куда?» – спрашивает она его в такие моменты. «Потом скажу. Так надо. Ну ты сама понимаешь...» – отвечает он, смущённо поглядывая на неё. Она не возражает, потому что догадывается, вернее, знает, для чего так срочно нужно им покидать это место. На её вопрос: «А сюда вернёмся... когда-нибудь?» – он обычно отвечает: «Вряд ли. Скорее всего, нет». – «Ладно, раз надо, будем торопиться», – соглашается она, безропотно покоряясь обстоятельствам. Эти неожиданные переезды не только приносят ей волнения и неудобства нежеланных путешествий, но и вселяют в душу смутную тревогу за будущее. И о делах своих он ей никогда ничего не рассказывает. Ещё одна причина её печали в том, что брак между ними не зарегистрирован по закону. Ей стыдно за то, что де-юре дочка её является незаконнорождённой, сама она – по закону не жена ему, а сожительница.

Она вроде бы является хозяйкой этой усадьбы, здесь её обслуживают и охраняют. Но она не может избавиться от чувства своей поднадзорности у этих людей, жизненное пространство её ограничено территорией, ограждённой высоким железным забором. Даже режим её жизни здесь составлен не ею самой, а другими, и она не может его изменить или нарушить. Круг лиц, с которыми она общается, составляют дочурка, домработницы, повара и няньки. Других обитателей усадьбы: садовников, медиков и охранников она видит очень редко, кажется, что те стараются избегать встреч с нею.

Наси чувствует себя одинокой: долгими неделями, а то и месяцами бывает не с кем поговорить по душам, даже лишена возможности позвонить Кожабеку. У неё нет телефона сотовой связи. Впрочем, его, похоже,

нет ни у кого из людей, окружающих её: здесь запрещено иметь мобильные телефоны и пользоваться ими.

Богата ли она? Опять же нет! Несмотря на внешнее великолепие быта, она нища: нет у неё за душой ни тенге, ни цента своего. У неё нет теперь и данных ей при рождении родителями имени и фамилии. Она давно не Наси Кармал Усама. По желанию Кожабека вначале она стала Наталией Александровной Гончаровой, затем Нелли Олеговной Георгиевой. В ночное время, в часы грустной бессонницы, она часто плачет от сознания быть «дорогой любовницей» и жить узницей в безымянном саду чужой ей страны и, самое главное, от незнания того, когда она сможет зажить свободно, как все нормальные люди, не скрываясь ни от кого. Вот опять застырл комок в горле, полились слёзы...

Наси сильно тоскует по матери, думает, как она там, у себя... дома... на родине? Горюет, наверное, плачет часто, не зная, где дочь, жива ли, вернётся ли к ней. Написать бы письмо, успокоить её, но нельзя делать этого. Кожабек запретил Наси писать письма, и он прав, иначе плохо будет всем: ей самой, Зияде и ему, Кожабеку...

Перед обедом она переделалась, привела себя в порядок и спустилась в столовую.

Обед, как всегда, проходил скучно, в компании двух домработниц, няньки и повара. Наси в последнее время стала чувствовать во взглядах женщин-служанок плохо скрытую жалость к себе, по-видимому, за непонятный им смысл, точнее – за отсутствие такового в её теперешней жизни. Сейчас она пойдёт в свои покои, чтобы поспать (если получится) полонянные по режиму полтора часа, потом займётся в тренажёрном зале гимнастикой по системе Йогов, после чего выпьет стакан апельсинового сока и с одной из домработниц сыграет в теннис. Потом будут бассейн, душ, ужин, прогулка в одиночку по дорожкам в саду, затем она понынчит дочку, посмотрит фильм по видеоманитфону или почитает какой-нибудь старинный роман на сон грядущий. И на этом времяпрепровождение её, рассчитанное на сутки, закончится. Только ночной сон (если он наступит быстро и окажется глубоким) прерывает на время ощущение ею тягости бытия.

Распорядок дня, составленный Кожабекком, должен был «обеспечить ей постоянную занятость», отвлечь от всевозможных мрачных мыслей. Но эти однообразные занятия давно наскучили Наси и сами по себе уже стали для неё дополнительными угнетающими факторами. Господи, доколе будет продолжаться эта постылая жизнь? Есть ли предел ей? Какая должна быть она, нормальная жизнь для девушки её возраста? Что она вообще видела в своей жизни? Почему её никто не учил, как надо жить? Где и как нужно было учиться этому?

В последнее время эти вопросы она задаёт себе часто. И не может найти ответа. Тех небольших и поверхностных представлений о жизни, которые отложились в душе к её шестнадцати годам, до того, как она стала пленницей БСК, явно не хватает для того, чтобы самостоятельно распутать сложный клубок возникших теперь вопросов. А чтобы с малым багажом жизненного опыта решать сложные, как у неё сейчас, проблемы, надо бы родиться философом-мыслителем или революционером-бунтарём, или

полководцем-правителем. Увы, у Наси пока ни одно из указанных качеств не проявляется, по-видимому, их природа в неё не закладывалась...

Она проснулась от толчков, открыла глаза: над нею, близко наклонившись, стоял Кожабек. Несколько секунд Наси лежала неподвижно, ничего не соображая. Он тоже молчал. Затем она сдавленно-приглушённым голосом произнесла: «Ты?!» – и, обняв, притянула к себе его голову. Он стал неистово целовать лицо, глаза, волосы, губы её.

Они, измученные продолжительной разлукой и теперь воссоединившиеся, дали волю порывам ласки и любовной страсти.

Когда они успокоились, Наси с некоторой тревогой в голосе спросила:

– Что, мне собираться? Уезжаем, да?

– Нет, не беспокойся. Никуда не уезжаем. Я сильно соскучился по тебе. Приехал, чтобы отдохнуть. Если дела не помешают, я с тобой побуду несколько дней.

Наси была на седьмом небе от счастья. А потом решительно сказала:

– Я не пойду сегодня ни в бассейн, ни в тренажёрный зал. И ужинать в столовую не пойду. Еду закажу сюда, в спальню. Скажи, что будешь есть на ужин?

– Сейчас хочу пива. А на ужин... здесь можно сварить манты наши кегеньские или пельмени сибирские?

– Думаю, что можно и то, и другое. Ты лежи. Я мигом. – И она быстро встала с постели, накинув на голое тело халатик, с растрёпанными волосами босиком выбежала из спальни.

Он гостит уже пятый день, не выходя за пределы поместья, наслаждаясь отдыхом в саду, купанием в бассейне, общением с Наси. Ещё понравилось ему подолгу сидеть у детской кроватки и смотреть на Зияду. Малютка в эти моменты либо спала, либо, бодрствуя, делала беспорядочные движения руками и ногами, улыбалась, издавала звуки, милые душе его. Тогда он брал её на руки, что доставляло ему огромное удовольствие.

Сотовые телефоны его были выключены, молчали и городские аппараты в помещениях службы безопасности усадьбы.

Однажды, лёжа в шезлонге под навесом в саду рядом с Наси, Кожабек расслабленно произнёс:

– Как здесь хорошо! Не хочется уезжать. Как хорошо сделал, что купил эту усадьбу! Знаешь, здесь и зимой хорошо. Холодов, как таковых, не бывает. Можно вот так, как сейчас, лежать, загорать, дышать ароматом хвои и даже купаться в бассейне. Знаешь, сосны эти крымские, посажены по специальному заказу прежнего владельца. Их доставили сюда вместе с родной почвой на палубе сухогруза.

Наси некоторое время лежала молча, затем тихо спросила:

– Кожабек, скажи... мне, то есть нам, можно теперь не бояться... ну этих... властей? Переезжать с места на место больше не будем, да?

Он медлил с ответом. Потом сказал:

– Делаю всё, чтобы заглохли те дела, но... Короче, тебе на людях появляться ещё нельзя. Расслабляться тоже нельзя. Ну, не грусти, будь умницей. Видишь же, я с тобой...

Полежав, она мягко, вкрадчиво поинтересовалась:

– Ты можешь жениться на мне? Я хочу быть замужней женщиной.

Если захочешь, это же можно сделать. Это ведь только от тебя зависит. Мы любим друг друга. Мне стыдно быть сожительницей, которая обходится тебе очень дорого. Не молчи, скажи что-нибудь!

– Я хочу жениться на тебе. Я люблю тебя. Я только с тобой познал, что такое любовь и счастье. Но... – Кожабек сделал паузу, а потом продолжил:

– Я ведь не свободен. Я – женатый человек. Ты это знаешь. Чтобы жениться на тебе, я сначала должен развестись с ней. А это – не просто. Короче, подожди. Потерпи и не мучайся, спокойно живи и верь мне. Всё будет отлично, в конечном счёте. У тебя есть всё, что нужно для радостей и безбедной жизни.

Пауза на этот раз была более продолжительной. Молчание нарушила Наси:

– Кожабек, здесь у меня кроме паспорта, дочери и тебя ничего и никого нет. Это ведь так! Разве не так?! Выйди я за ворота этой усадьбы, у меня даже на мороженое и на такси денег нет. Я даже толком не знаю, где сейчас нахожусь. Как я жалею, что в школе плохо учила географию. Я не представляю себе, где находятся это море и этот наш райский уголок.

Он молчал.

А ещё через пять дней пребывания Кожобека ему был звонок по городскому телефону. С абонентом он обменивался короткими и малопонятными для Наси деловыми фразами. По окончании разговора подошёл к ней и сообщил, что уезжает через два часа, возможно, надолго. Затем позвал домработницу и отправил её к парадному подъезду встретить и провести в дом посетителя.

Перед отъездом Кожабек пригласил Наси в спальню и отдал ей много пачек наличных денег в долларах и две банковские депозитные книжки. Одна из них была на имя Зияды. На этой книжке лежал миллион долларов, и, согласно приложенной к ней доверенности анонимного вкладчика, Нелли Олеговна Георгиева, мать девочки, то есть Наси, имела право сама распоряжаться указанными средствами и дивидендами от них в любое время, до достижения Зиядой совершеннолетия, в её же интересах. На второй книжке, выписанной на имя той же Нелли Олеговны Георгиевой, также был миллион долларов, которыми та могла пользоваться свободно, по собственному усмотрению. Он ещё поучил Наси нехитрым банковским операциям по этим депозитам. Принимая эти подарки, Наси расплакалась.

– Что, ты уходишь от меня? Это что? Откупные, что ли? Я остаюсь на свете одна с Зиядой и с этими деньгами, без тебя?

Кожабек её обнял, целуя и, слизывая, осушал слёзы на её лице:

– Что ты несёшь, глупенькая?! Сама же сказала, что у тебя за душой ни гроша. Вот я и даю вам, чтобы ты не переживала, когда бываю в отъезде. Я тебя и Зияду не брошу никогда! Ты и она, и ещё моя борьба в бизнесе, и деньги мои – это всё, что есть у меня в этой жизни! Ах да, я забыл тебе сказать: в следующий раз привезу документы на это поместье. Оно мне очень понравилось. Я его оформлю на Зияду. Теперь ты довольна?

– Я всегда довольна тобой! И без этих денег и депозитных книжек. Я довольна тем, что ты есть; тем, что я живу ожиданием тебя. Единственное, что я прошу – береги себя, не враждуй ни с кем, не обижай никого и

приезжай сюда почаще!

Они попрощались в вестибюле дома, проводить себя до ворот усадьбы он ей не позволил.

Кожабек вышел за ворота вместе с человеком, которого встретила и привела домработница.

Двое мужчин на небольшом вертолёте быстро перелетели с острова на континентальную сушу, там пересели в бронированный «Мерседес» и отправились по автотрассе в известную им сторону.

Машиной управляет его человек, а сам он расположился на заднем сидении, пристегнувшись ремнём безопасности, и размышляет. Он привык спокойно и тщательно анализировать события, когда дела его, осложнившись, заходят в тупик, не имеющий на первый взгляд выхода. Но благодаря изощрённому уму, он обычно находит непростые, но верные решения своих проблем.

... Одинок он в этой полной жестокой борьбе жизни. Наси и Зияда... От них никакой помощи ему в этой борьбе. Они для него – только источник настоящего душевного тепла, к ним можно лишь прильнуть в минуты усталости, отдохнуть, расслабиться, почувствовать, что ты по-настоящему дорог и нужен кому-то в этом мире, и знать, что есть у тебя те, для кого не жалко твоего богатства...

... «Один в поле не воин». «И один в поле воин». Верно и то, и другое. Всё зависит от того, кто этот одиночка и что за поле перед ним, где он должен действовать. И ещё: не надо трактовать народную мудрость прямолинейно и примитивно, нужно подходить к ней с позиции наших дней, с учётом особенностей психологии современных людей, а также возможностей научного прогресса и передовых технологий. О чём это он рассуждает? Он знает, о чём! Не зря вспомнил о научном прогрессе, передовых технологиях и о знании психологии людей. В настоящих делах только на них и нужно опираться....

... Ах, люди, люди! Бог создал их несовершенными, и посему они непригодны для долгой и верной дружбы. Но людьми можно управлять. И одинокий воин в поле может сотворить много полезного для себя, если сможет подчинить своей воле нужных людей и создать из них свою прочную систему...

... А в сознании нынешних людей сильнее, чем когда-либо, доминируют культ денег и алчность. Эти свойства, то есть желание обогащаться и окружить себя роскошью, заложены и закреплены в генетическом коде человека настолько крепко, что их ничем и никак невозможно нейтрализовать, только в редких случаях их можно «заморозить» или «заблокировать» сильным внушением под гипнозом или наяву. Только тогда можно удержать человека от тяги к деньгам и сверхобогащению. Но в жизни «обработанных» и «просветлённых» указанным способом аскетов-скромников очень мало. «Гипнотизёров», способных «тиражировать» таких индивидуумов, тоже мало. Религия также бессильна в деле ограничения потребности людей в жизненных благах до разумных пределов. «Ради золота даже ангел свернёт с праведного пути», «Красиво жить не запретишь» –

вот как поправляют теперешние люди учение Христа о семи смертных грехах. Созданный Богом по его же образу и подобию человек по свойствам своих моральных устоев вышел из-под подчинения Богу. Ну и ну! Куда он смотрел, Творец-то, когда создавал своё «произведение» в виде человека?! Неужели он не догадался убрать «код жадности» из генома своего творения? А может, он специально оставил там этот код, чтобы динамично шло на земле обновление и развитие, благодаря стимулу, название коему «жажда наживы и удовольствий» у человека? Ладно, всё это – для изучения теологами, футурологами и философами. Задачи мои конкретные и земные. Однако же, ближе к делу!

Мозг его, «разогнанный» до «рабочей кондиции» размышлениями по философии бытия, теперь был готов к деятельности по делам насущным. В его сознании прокрутились известные ему факты, происходил чёткий анализ их, затем последовал синтез рациональных выводов с учётом возможных альтернативных вариантов, были также просчитаны степени риска задуманных им действий и придуманы меры, уменьшающие вероятность риска. В результате родился окончательный вариант плана одной необычной операции. Он почувствовал подъём и ту уверенность в своих силах, которая обычно посещает его в тех случаях, когда выпадает крупная удача в делах. Он преисполнился гордостью за свои способности находить решения сложных задач, приосанился, потёр руки и сказал человеку, сидевшему за рулём:

– В аэропорт!

Прибыв в город, расположенный на территории соседнего с его родной государства, он в качестве жилья и офиса для работы выбрал себе не фешенебельную гостиницу, а бутик-контейнер на территории базара-барахолки и два автобуса средней величины, заранее оборудованных для указанных целей. Внутри контейнера и автобусов имелись кровать, закусочная, камера, начинённая различной оргтехникой, биотуалет и душевая кабина. Контейнер пребывал в стационарном положении, но автобусы, когда в их салоне находились Хозяин с приближёнными, время от времени перемещались по городу, меняя местонахождение. Их сопровождала вооружённая охрана на отдельных машинах, не новых на вид, но вполне исправных и с мощными моторами.

Хозяин, переодевшись в потёртую, засаленную одежду базарных торговцев, с обросшим лицом, больше времени проводил в салоне автобуса или в контейнере, уходя головой в дела, цель которых была известна только ему. Из своего комфортабельного убежища выбирался наружу редко и, как правило, в тёмное время суток.

При Хозяине чаще других находился человек, который предварительного был подвергнут допросу самим Хозяином с применением «сыворотки правды». Человек этот исполнял функции эксперта и консультанта. С ним в основном Хозяин обсуждал конфиденциальные вопросы, при нём же выслушивал отчёты исполнителей своих поручений, изучал доставленные теми графические, видео- и аудиоматериалы, проверял их «на подлинность» на суперсовременных специальных аппаратах. А материалы

эти представляли собой сделанные в различной обстановке фотографии и записи разговоров отдельных людей, незнакомых исполнителям этих записей, и бог весть каким образом привлёкших внимание Хозяина к себе. Были и снимки некоторых городских зданий, перекрёстков улиц, подземных переходов, станций метро, отдельных помещений аэропорта, автовокзала и стадионов. Эту таинственную работу «по сбору информации» порученцы Хозяина вели в общей сложности четверо суток.

Какова была цель деятельности этих людей? К чему сводились старания их? Ответы на эти вопросы до мелочей знал только сам Хозяин, кое о чём догадывался консультант-эксперт, но подручные – исполнители конкретных поручений, не знали ничего. А истина заключалась в следующем: Хозяин, маскируясь побочными операциями, задним числом заметал следы одного преступления, произошедшего год с лишним тому назад в этом городе и вынудившего его скрывать Наси от посторонних глаз. Преступление относится к разряду «тяжких» и до сих пор остаётся нераскрытым. С тех пор при загадочных обстоятельствах бесследно исчезнувшая Наси находится в международном розыске по линии Интерпола.

Причина теперешнего беспокойства и «хлопот» Хозяина заключалась в том, что в случае обнаружения Наси властями опасность разоблачения и уголовного наказания угрожала им обоим. Было это связано с тем, что, во-первых, Наси против её воли похитил он, что само по себе преступление. Во-вторых, в ночь своего похищения Наси видела, как люди Кожабекка на его же глазах стреляли в двух мужчин, живших в соседнем с её домом дворе. Наси об этих преступлениях властям не заявляла, хотя позже не раз имела такую возможность; в-третьих, в последующем ряд преступлений Кожабекком был совершён с невольным участием самой Наси или с её согласия. Таким образом, по положениям Уголовного кодекса оба они являлись преступниками-сообщниками.

Та роковая история, сведшая Наси с Хозяином, случилась в этом городе. Он тогда, тёмной ночью, со своими бойцами напал на двух наркоторговцев, которые были убиты в перестрелке, а владельцем двух мешков колумбийского кокаина стал Хозяин. Когда эта кровавая стычка заканчивалась, Наси случайно вышла из своего дома и через низкий полуразвалившийся саманный дувал (дело происходило в частном секторе восточного города) увидела то, что не следовало ей видеть. Тогда Наси от акции «устранения опасного свидетеля на месте» спасла её необычайная красота, которая даже в экстремальной ситуации мгновенно и на всю жизнь поразила Хозяина. Он, сражённый в один миг её неопишуемой красотой, выхваченной из темноты случайно упавшим на неё кружком луча карманного фонарика, нашёлся только прошептать своим подчинённым: «Не стрелять! Заберём с собой!» – и с трудом приходя в себя от парализующего действия вида ночной дивы, стал в спешке организовывать уход, точнее – бегство с места разбоя с грузом «наркоты» и с пленницей.

Понятно, что заметить следы своих кровавых походов – естественная защитная реакция всякого преступника. Но почему меры для этого предпринимаются Хозяином только теперь? Да потому, что сделать это раньше было никак нельзя по причинам большой сложности

такой задачи и отсутствия условий для её решения. Только теперь появилась возможность осуществить это, несмотря на прошедший солидный промежуток времени, и ныне остаются важные улики, которые необходимо уничтожить.

Как и что конкретно делается в салонах двух автобусов, в контейнере и в помещениях некоторых государственных и частных учреждений этого города, чтобы Хозяин достиг своей желанной цели? Ответы на эти вопросы вкратце можно изложить следующим образом. Из архива ГУВД были похищены три тома уголовных дел: два из них – об убийстве двух наркоторговцев, именуемых Иса Бугу и Умар Шериф, граждан Афганистана (по паспортам, обнаруженным в их карманах). Третий том был о бесследном исчезновении Наси Кармал Усамы, шестнадцати лет, уроженки этого города. О краже этих уголовных дел из архива городской полиции пока не знает никто кроме малочисленной и хорошо организованной группы людей, совершивших эту кражу. И вряд ли кто узнает об этом когда-нибудь, так как много сейчас нераскрытых дел сдаётся в архив и редко какое из них извлекается оттуда для «дорасследования».

И вот эти три тома уголовных дел в салоне одного из двух автобусов. Теперь их изучают Хозяин и его эксперт-консультант. А эксперт-консультант – тот самый следователь, который расследовал в своё время упомянутые дела. Он и сейчас продолжает работать в городской полиции в прежней должности, даже поднялся в чине: был капитаном, стал майором. Но несмотря на положительную репутацию на службе, он недавно за деньги продался Хозяину. Для майора риск от этого, конечно, велик, но денежное вознаграждение, полученное от заказчика, стоит того. Год с лишним назад, расследуя эти дела по горячим следам, он быстро зашёл в безнадёжный тупик и вскоре убедился в бесперспективности их на раскрытие. Причиной неудачи тогда была слабость доказательной базы преступлений: он располагал лишь актами судебно-медицинского вскрытия трупов двух мужчин, их посмертными фотографиями и отпечатками пальцев, поддельными паспортами и справками из информационного отдела полиции об отсутствии каких-либо сведений на этих людей в базе данных. И вещдоки были малочисленные: несколько пуль, извлечённых из тел убитых, две дозы кокаина в их карманах, гильзы расстрелянных пистолетных патронов, два пистолета с глушителем без отпечатков пальцев, брошенных преступниками на месте происшествия, предметы обстановки домика, на коих были отпечатки пальцев (некоторые из них принадлежали убитым, остальные идентифицировать не удалось), фотографии нечётких следов протекторов автомашин и обуви разных размеров. И всё. И ни одного свидетеля! В кругах наркоманов и известных наркоторговцев погибших по фотографиям никто не узнал. Что же касается дела пропавшей Наси Кармал Усамы, то по нему было допрошено много людей и без толку. Никто из них не смог указать на причины и на виновников исчезновения, равно как и на нынешнее местонахождение её. В деле имелись четыре фотографии Наси, но по понятным причинам не было отпечатков её пальцев.

Хозяина сильно интересовали графические материалы, включённые во все три тома уголовных дел. Он с помощью эксперта на специальном компьютере сравнивал неидентифицированные криминалистами полицией отпечатки пальцев из уголовного дела с теми, которые были у него на флеш-карте. Они не совпадали. Это означало, что на месте преступления сам он и его люди не оставили отпечатков пальцев! Кроме того, у полиции не было и отпечатков пальцев Наси. Что же касается брошенных тогда на месте пистолетов, то они до того нигде не были использованы. Хозяин это знал хорошо! Снимки следов протекторов автомашин и обуви людей – настолько примитивные улики, что на этот крючок в наше время вряд ли кого поймашь. В данном конкретном случае с этими уликами обстояло так: одежда, обувь людей и шины машин, причастных к делу, уже на другой же день после той ночи были сожжены в безлюдном месте, в горах. Так что следователь тогда правильно поступил, сдав в архив бесперспективные на раскрытие дела. Да, получается, что он, Хозяин, и его люди тогда сработали чисто!

Однако, несмотря на благоприятные для себя результаты проводимых проверок, в душе его не затухала какая-то непонятная тревога. Почему она не проходит даже после того, как находящиеся в его руках тома тех дел доказывают его неуязвимость перед Уголовным кодексом любого государства мира? Он посидел молча минут пятнадцать, понял, в чём же причина его сомнений, и стал погружаться в нелёгкие размышления. В результате сложился план новых действий. Он обратился к эксперту:

– Скажите, эти четыре фотографии девушки вы тогда у кого взяли? Помните?

– Хорошо помню. Две фотографии взял у матери девушки из их семейного альбома. Ещё две – у двух её школьных подруг.

– У них ещё были другие её снимки?

– Да, были.

– Почему вы взяли у них именно эти?

– Видите ли, во-первых, сказалась моя профессиональная привычка. На двух фотографиях, вот здесь и здесь – она снята строго анфас, а на этой и на этой – чуть-чуть сбоку; получается приблизительно в профиль. Вы, должно быть, знаете, что в нашей работе мы, криминалисты, людей фотографируем анфас и профиль. Во-вторых, почему имеются по две фотографии её в каждой позе? Отвечаю: я хотел иметь её снимков побольше и разных. Это, прошу прощения, просто моя дань её необычайной красоте. Я был очарован ею по фотографиям! Помню, в те дни, придя утром на работу, я сначала раскрывал это дело, причём только для того, чтобы посмотреть на эти фотографии и полюбоваться этим лицом, этой шеей... Позже, даже получив указание начальства сдать дело в архив как «бесперспективное» на раскрытие, я откладывал исполнение ради возможности видеть эти снимки ещё несколько дней... Жалко, что эти фотографии не голографические! А то бы она, Наси, была перед нами как живая. Да я готов был рыть носом землю, чтобы её разыскать, чтобы посмотреть на неё в натуре хотя бы краешком глаз, но не было нужных фактов и улик, чтобы продолжить расследование и активный розыск.

– А люди из Интерпола взяли копии этих фотографий?

– Думаю, да. Я слышал, что впоследствии гражданка Наси Кармал Усама была объявлена в международный розыск. Но конкретно когда и кто из интерполовцев работал с этими документами – я не знаю. Вообще я незнаком с их методами работы.

– А в вашем заведении где-нибудь «пальчики» этой особы зафиксированы? Ну, у вас, у местных полицейских, или у интерполовцев?

– Твёрдо могу сказать, что нет. К сожалению, нет. Потом, позже, мы несколько раз находили трупы молодых красивых девушек. К опознаванию их привлекались родственники, близкие и знакомые пропавших и выводы делались на основании их показаний. В тех случаях в нашем распоряжении не было дактилограммы ни одной из разыскиваемых. И ещё вот что: в эти годы нам удалось разгромить несколько подпольных борделей, где насильно содержались секс-рабыни. Я надеялся обнаружить среди них Наси Кармал Усаму, но тщетно. Всё это я вспомнил в связи с вашим вопросом об отпечатках её пальцев. Некоторые из этих освобождённых из плена девушек-красавиц лицом были похожи на Наси, и в те моменты я очень жалел, что у меня нет её «пальчиков»...

– Вот что. Вам будет новое задание за отдельную плату, в таком же размере. Понятно?

– Смотря что нужно сделать...

– Нужно изъять все фотографии этой девушки из альбомов, ящиков столов, шкафов (ну, одним словом, где они только могут лежать) её матери, подруг и других сослассников. Не забудьте просмотреть и архивы школы. И ещё: в районной детской поликлинике, школьном медпункте изымите её медицинские карты. Сколько дней вам понадобится?

– Работа огромная. Но если трудиться не покладая рук, полторы недели было бы достаточно.

– Нет. Даю вам трое суток. Помогу транспортом и охраной. Зачту только максимально эффективную работу. По вашим следам в разное время, даже в отдалённом периоде, будет проверка. Я говорю о качестве вашей работы, то есть о полноте ... изъятия предметов. Ни у кого, кроме нас, не должно оставаться ни одной её фотографии. Усекли?

– Да. Гонорар надо будет удвоить. Половину – сейчас, налом.

– Хорошо. Дальше. Эти два тома дела наркодельцов втихаря верните на прежнее место.

– А дело Наси Кармал Усамы?

– Пока оно останется у меня. Первая половина гонорара вон в той сумке, возьмите.

Майор достал из сумки, лежавшей на полу, толстую пачку долларов, перетянутую резиновыми шпагатами, посидел немного в раздумьи, пересчитывать не стал и положил деньги в свою барсетку.

Появившиеся свободные от щепетильных забот дни Хозяин использовал на изучение тонкостей урановой отрасли в этой стране.

Только в конце пятых суток появился майор. На стол Хозяина лёг целый ворох цветных и чёрно-белых снимков, фотоплёнок, где имелось изображение малолетней Наси то в одиночку, то с матерью, то с соседями, то в группе, как и она сама, детей. Больше было снимков школьницы Наси, сделанных в разные годы, где она была запечатлена либо одна, либо с

друзьями и подружками. Фоном этим снимкам служили то различные помещения, то городской базар, то улицы города, то виноградник, то хлопчатник. Была здесь и медицинская карта с записями врачей о результатах наблюдений за развитием девочки, вакцинации против различных детских инфекций и лечебных процедурах, когда она хворала. Майор постарался: он принёс ещё и историю родов Зиты Бабур Ахмади, мамы Наси, когда она разрешилась в роддоме от бремени девочкой, наречённой потом Наси. Тщательно проверив все документы и фотографии, Хозяин остался доволен работой своего «подрядчика» и показал ему на сумку, лежавшую, как и в прошлый раз, на полу.

Судьба к майору отнеслась жестоко. На другой день вечером, возвращаясь домой с работы, он, едва достигший тридцатилетнего возраста, чемпион города по кик-боксингу, скоропостижно скончался на улице. Патологоанатомы, удивлённые такой неожиданной смертью, упорно искали в сердце умершего врождённые или приобретённые пороки, инфаркт миокарда, в головном мозге – кровоизлияние, в крупных артериальных сосудах – разрывы или тромбозы, отравление некачественным алкоголем и т.д., но тщетно. В протоколе вскрытия трупа они вынуждены были указать причиной смерти «острую сердечную слабость неясного генеза».

У покойного майора было двое помощников (их можно назвать и подельниками), которые участвовали в похищении из архива ГУВД трёх томов уголовных дел и в возвращении обратно только двух. Так вот, они тоже скоропостижно скончались (один – на работе, другой – дома) в день похорон своего шефа. Поскольку эти три смерти случились неожиданно и за короткое время, в одном и том же ведомстве, на них было обращено особенное сочувствующее внимание всего личного состава не только ГУВД, но и сотрудников других подразделений мэрии.

Впрочем, в течение тех двух суток в городе были и другие случаи смерти. Так, погибли двое граждан в дорожно-транспортной катастрофе, один пациент больницы – на операционном столе от кровотечения, ещё трое мужчин и четыре женщины среднего и пожилого возраста умерли от различных хронических болезней. Среди этих усопших значилась и некая Зита Бабур Ахмади, одинокая, работавшая воспитательницей в детском саде. По заключению врачей, в её кончине была повинна та же самая «острая сердечная недостаточность неясного генеза».

Что же касается тома уголовного дела об исчезновении Наси Кармал Усамы, её фотографий, медицинской карты и истории рождения, то эти документы за день до смерти майора сгорели во время пожара вместе с контейнером, стоявшим на базаре-барахолке. Автобусы, на которых по городу разъезжал Хозяин, тоже стали жертвами поджога.

Безжалостное всеиспепеляющее действие огня проявилось ещё в одной точке города. Через день после похорон Зиты Бабур Ахмади за одну ночь сгорел дотла домик, расположенный за низким полуразвалившимся саманным дувалом. По заключению инспектора противопожарной службы, повинны в том были двое пьяных бомжей, превративших указанное жильё в свою ночлежку.

Окончание в следующем номере.

Галина ХРАМЦОВА

“Безгранично милая земля...”

***

Если нет настроения
В телевизор глазеть,
Наскрести вдохновения
По сусекам газет.

Встретить имя из прошлого
Между бисерных строк
И вздохнуть по-хорошему:
Не про нас некролог.

И в ряды изобильные
Вперит взгляд объектив,
Люди честные, сильные
И сплошной позитив.

И газетные полосы
Не порвёт беспредел,
И шутить ниже пояса —
Не газетный удел.

Кто-то плачет о родине,
Кто-то славит деньгу,
О погоде, о моде ли,
Разве я не смогу?

Пусть не будет конкретики
И статьи заказной,
И цветного портретика,
Ну зачем мне цветной?

С бормотанья невнятного
Вдруг начнётся отчёт.
Привкус слова печатного —
Это уксус и мёд.

А не будет реакции
(С неба звёзд не прошу
И о них не мечтаю...)
«Дорогая редакция!
Я к вам снова пишу
И как прежде читаю...»

Родина

Ближний лес, ярки́, тропинки детства,
В пионерском лагере родник...
Нет не разделяет, а роднит
Наше небогатое наследство.

Дедов домик, банька у колодца...
Увивал ограду дикий хмель.
Раскатали дом, и в небо рвётся
С горя одичавший «журавель».

За другою дед теперь оградой
Без трудов проводит божий день,
И кучкуется на месте палисада
Пенная бездомная сирень.

Где-то тропок и колодцев станет.
Ставенки на окнах без затей.
Что ж сюда из забугорья тянет
Всех отпочковавшихся детей?

Где б ни процветали, издалече
Мы на зов родимый поспешим.
Может быть, и правда душу лечит
Облысевший, как и мы, Ишим?

Мать-природу любим поневоле:
Что-нибудь урвать любой готов.
Вот поляна летом..без цветов.
Вот и поле...Что нам делать в поле?

И берёзок матовое тело
(Рощами сваили под избу)
Под забором каждым онемело
Вылететь готовится в трубу.

Так вот неприглядно, ненарядно,
Что когда и сам себе не мил,
Мы живём под небом непарадным,
Притулившись у родных могил.

Выйдешь за щербатые ворота,
Взглянешь на постылый огород,
Слышишь, как за ближним поворотом
Проклинают кулики болото,
И решишь, порой у патриотов
Лишь один резон: а кто нас ждёт?

Нам Москва заказана и Вена,
Слыхом не слыхали про Париж.
Лишь во сне над собственной вселенной
Вольно, беспрепятственно паришь.

Видишь за смежёнными ресницами,
В разнотравье, в сизых ковылях,
Вся исполосована границами
Безгранично милая земля.

.....
Отбывают гости к месту жительства:
Неизменен проводов обряд,
Только почему они «держитесь»
Часто на прощанье говорят?

И с годами мы глядим покорней
Вслед, на поредевшую родню,
Ох как обнажились наши корни,
Как бы не засохнуть на корню!

А земля, она не виновата,
что другим-иным большая честь
Отчий дом ли, дедовская хата...
Нам любить её, какая есть.

Река

Моя река никак не называется,
Просто река.
Над ней плывут, в ней ясно отражаются
Облака.
Гранат заката взрывом кровавистым
В тиши дрожит.
На берегу два старых коммуниста
Молчат про жизнь.
Закат сочится свежей ранюю,
Пьянит вином.
Чем кончится, известно мне заранее
Это кино.
В моей реке не очень много рыбы –
Так, окуньки.
И всё равно я говорю спасибо
Воде реки.

Имя

Какое хорошее имя – Плетухин!
В нём слышатся всплески таинственных крыл,
Для русского уха и русского духа,
Родство своё помня, он много открыл.

Какое домашнее тёплое имя!
И чудится майским и ласковым днём,
Ещё дошколята в совхозе целинном,
Венки заплетая, сидим под плетнём.

Какое высокое доброе имя!
«Сплести воедино истоки корней»,
Недаром Иван и корнями своими
Уходит в Корнеевку, тужит по ней.

И соки земные ему открывались,
И звуки небесные в душу сошли,
И сколько б дороги не переплетались,
А всё-таки к отчему дому вели.

Кто он в этой жизни?
Творец и Мужчина,
Наполненный ясным сердечным огнём.
Плетухин. Надёжное славное имя.
Так пусть же и родина помнит о нём.

За вишней

Птицы невысокого полёта,
В поисках густого вишняка
По лесной дороге прёт «Тойота»
По наводке Витьки-лесника.

С командой бесконвойной,
В экипировке стильной,
В одной руке – подойник,
В другой руке – мобильник.

Глянцевым листочком шелестит,
Падает на дно кровавым сгустком...
Этот кустик долго не отпустит.
Мы стоим, доим вишнёвый кустик,
Ай да вишня! Тяжела в горсти!

Антошка поперечный
Ушёл искать костянку
И заблукал, конечно,
В берёзовой делянке.

Все за телефоны и аукать,
Сухостой кроссовками крушить,
Что б ещё за подвиг совершить:
На берёзу влезть? Пульнуть из лука?
Детская мудрёная наука.

Полтора часа держались бодро.
Дан приказ нам: силы зря не тратить.
С горкою наполненные вёдра
Дружно попадают в объектив,
Но витает в воздухе мотив:
«Никакого сахара не хватит!»

Мы лежим в траве крестообразно,
Хороши задумчивые лица,
Смотрим на припасы без соблазна:
Вишня отправляется в столицу.

P.S. Самовар зафыркал деловито,
Ну и фыркай, я ведь не сердита,
Если на моё стихотворенье
Капает вишнёвое варенье.

село Ильинка

Северо-Казахстанской обл.

Ирина КОСТЕВИЧ

Мне 14 уже два года

Роман о подростках

Глава 1. Двадцатое августа

Мне 14 уже два года. Ну тупо же «В контакте» признаваться, что тебе 13, и ты – малолетка. А 14 – это уже кое-что. Но теперь и это неважно.

Моя жизнь разрушена, Я В ПАНИКЕ! То есть взаправду, а не так, чтоб пожалели в Инете. У меня действительно всё очень-очень плохо.

Мой дом – его больше нет! Снесли неделю назад. Пока родители по контракту в Астане, я временно у бабушки. А потом мы с мамой и папой переедем в какое-то захолустье на 10-й этаж (который, кстати, ещё не достроили)! А мои летние каникулы... это не каникулы, это хуже, чем полный отстой.

А ведь ещё совсем недавно мы с Динкой, как две дуры, носились по терренкуру, а за нами гонялась Масяня, плюхаясь от полноты чувств в ледяную горную речку. Теперь Масяня подскуливает в лад моим мыслям, а перед глазами так и стоит эта мерзкая лысина вместо нашего дома. И любимые деревья, – с ветками, изломанными бульдозером. Я и сама готова заскулить – нет теперь ни нашей улицы, нет вообще НИЧЕГО. Терренкур – и тот начали передельвать. А квартал, где я жила, можно увидеть, только зайдя в программу «Google Планета Земля». Там съёмки со спутника ещё в мае делали.

Всё осталось в прошлом. Даже прежняя школа.

Не сказать, чтобы в школе было супер, и мальчики у нас какие-то уж слишком свои, как родственники, к тому же слегка придурковатые, но всё такое знакомое, привычное. Мальчики... Как любит говорить Дина, «и закрутить не с кем». Помню, мы всегда ждали прихода новичков, так мечтали, что вот придёт такой особенный. А приходили какие-то, ну... так себе.

А теперь мне самой предстоит стать новенькой. Или, если посмотреть на дело с моей стороны, то я, сама себе «старенькая», окажусь в целом классе сплочённых «новичков». А когда они увидят, что я... Даже думать об этом страшно!

Тут ещё Диниха моя укатила на Иссык-Куль, и Интернета у бабушки нет ни в доме, ни поблизости, а вместо кабельного у неё по телеку какие-то левые каналы...

Зато чего у бабуси много, так это «полезных лекарств от жизни», как шутит мой папа. Бабушка стала ходить в клуб «Здоровая жизнь» и совсем помешалась на этом. Даже манты уже не делает, а всё время пичкает меня какими-то солёными витамининами. А вместо «солнышка», как раньше, в порыве чувств называет.. б-р-р-р, даже говорить противно! Называет «больнушечкой»!!! Причём ладно бы наедине, а то и на улице может: «Больнушечка ты моя!». И стоишь, обтекаешь. А те, кто услышал, начинают выискивать, что же у тебя не так.

Ау меня вообще-то внешне всё так. Динка, хоть и подружка, время от

времени восклицает «везёт же некоторым!» с таким гневным пафосом, что я чувствую свою вину. Вот кто-то мечтает о том, чтобы быть красивой, а мне от этого никакой радости. Особенно когда тебя начинают ненавидеть из зависти. Даже не разобравшись, какой ты человек.

У меня так случилось раз в лагере. Там одна девочка была... меня выбрали гражданкой лагеря, а она втихомолку в сумку с моими вещами клей вылила. Хорошо, вожатые вмешались, а то б не знаю, до чего дошло.

А по-моему, не с чего переживать, ведь большинство людей красивые, особенно у нас в городе. Сколько раз это слышала: смешение кровей.

Зато как можно спокойно относиться к тому, что тебя считают дураком или тупицей?!

Моя страшная тайна: я очень боюсь показаться глупой. Все думают: если красивая, значит, тупая, как пробка. Блондинка... У меня блестящие тёмно-каштановые волосы, но, когда мальчишкам приспичило дразнить меня, то я стала для них «Тупая БЛОНДИНКА». Балбесы. Я же не виновата, что теряюсь до слёз, когда выхожу к доске, а учительница думает, что я не выучила. И тогда почему-то действительно забываю всё, и не могу разговаривать, а стою, как идиотка, и становлюсь вся красная, мысли путаются, к тому же ещё потею, мало того – пыхтю, э, то есть – пыхчу!!! Это ужасно.

По-моему, куда ужаснее, чем Динкины круглые щёки, которые она мечтает как-то там отрезать, когда вырастет и заработает кучу денег. Даже рассказывает, что уже клинику нашла... Ей проще.

Да и дом её не попал под снос, и ходить она будет всё в ту же добрую старую школу. А вот я... Учёба начинается через две недели, и с каждым днём мне всё хуже.

Глава 2. Первое сентября в новой школе

Вот и началось... «Кнопка взрыва школы» – первое, что замечаешь при входе в школу. Чёрная и вопиюще наглая на свежепокрашенном боку учебного корпуса, она привлекала все взгляды. Рядом суетился лысый мужичок, отдавая распоряжения старшеклассникам. Кажется, они решали: то ли закрасить безобразия, то ли прикрыть на время газетами...

Цветы на линейку я покупать не стала. Не дарю их с тех пор, как услышала про «дебильные веники, которые ставить некуда» от одной учительницы в автобусе. Она, конечно, не мне это говорила, но уши-то у меня есть.

У нас перед домом всегда много цветов, но они живые. То есть, я хотела сказать, всегда БЫЛО много цветов... Вот живые мне нравятся. А срезанные и проданные – нет. Чтобы цветы оставались живыми, их надо рисовать. Поэтому, если классная нормальная будет, я ей лучше после нарисованные подарю. Мне особенно батйки в холодной технике удаются – в изостудии хвалили. Хотя и она теперь накрылась – из-за этой дурацкой новой квартиры и дурацкой новой школы на другом конце города. Так что я теперь дикий художник – сама по себе.

Кабинет нашего класса оказался на втором этаже. Оказывается, когда попадаешь в незнакомую толпу, даже лиц не различить – так, туман какой-то. Иногда сквозь него пробиваются любознательные взгляды. Но в основном все притворяются, что ничего такого. И вообще – а меня видно? Я потихоньку скосила глаза на ноги – ага, видно. Вот я – колени, гольфы,

туфли. К сожалению, туфли у меня так себе, второй год ношу.

– Мадам, вы к нам или, может, дверью ошиблись? – мальчишка, похожий на воробья в очках, изогнулся в поклоне.

– Привет. Это же 7 «б»?

– О да, это он, моя несравненная пери!

Внезапно одноклассник брякнулся на колени и протянул ко мне руки. Я отшатнулась. Остальные заржали – игра понравилась. Кто-то поднял мобильник, чтобы сфотографировать сцену.

– Ух ты, Арсен, это что у тебя?

Одноклассники стали разглядывать крутой сотовый – даже не поняла, кого тут называли Арсеном, такая куча мала. Я села за классически свободную парту сзади – ну будто специально для меня.

Бывает, одна дурацкая мысль прицепится, и никак её не выгнать. Мысль в этот раз была такой: «Этой – ни за что, ни за какие деньги, ни-когда!». Если открутить немного назад, залезла она в голову вот почему.

Нашей классной оказалась вертлявая дамочка в полупрозрачной блузке и с огромным разрезом на юбке. Театрально окунув лицо в наваленные на стол букеты, она призывно обвела класс взглядом и выдохнула:

– Милые мои... Как же я соскучилась!

После пламенного приветствия настала моя очередь.

– И ещё одна радостная новость! У нас новенькая. Её зовут, зовут... Классная долго рылась в бумажках и, наконец, найдя моё имя, выпалила: Дуремара Пияз!¹

Одноклассники грохнули. Классная вопросительно смотрела на меня. Когда все отсмеялись, я встала и поправила:

– Доремира. Доремира Нияз. Можно просто – Мира. Там, наверное, опять неправильно написали.

– Извини, моя девочка, – смутилась классная. – А можно узнать, почему у тебя такое имя?

– Моя мама – украинка, папа – казах. Родственники долго спорили над именем, а потом, – я пожалала плечами и улыбнулась, – решили придумать своё. В честь дедушки-композитора. (То, что «на мою голову», я давно не добавляю даже мысленно – привыкла, и моё имя мне действительно нравится. А каждый реагирует в меру своей испорченности).

– Да-да-да, чудесно, – затараторила учительница. – Чудесное имя. Бывают и более странные имена. А фамилии, фамилии! Так, например, со мной в университете училась Майра Телекабель. Казалось бы – откуда в степи телекабель? Между тем, оказывается, при переписи населения переврали имя её деда, его звали Тлеукабыл, и получилась такая ерунда... Тут классная осеклась и посмотрела на меня. В тишине кто-то отчётливо прошептал:

– Дуремара Телекабель... Жесть...

– Но, надеюсь, ты будешь хорошо учиться, – чтобы как-то замять, свернула с темы классная.

Урок пошёл своим чередом, а я сидела и думала про батик с цветами:

¹Пияз – в переводе с казахского – лук.

«Этой – ни за что, ни за какие деньги, ни-ког-да!».

На перемене подошли девочки. Мы познакомились, и они сказали, что классная у них дура, и дура она классная, то есть высшей пробы, и ничего уж тут не поделаешь. Булатик про неё стихи сочинил, она узнала, так школьное собрание устраивали, такой шум был!

– А что за стихи?

Подозвали «Воробья в очках». Булатик, предварительно оглянувшись, выдал рэп с подвыванием:

«Дети! Я вас

Всех! Люблю!

Мне сдавайте

По рублю...» – тут он лихо крутанулся на пятках.

– А почему по «рублю?»

– Ну, «тенге» был бы не в рифму. Но можно придумать!

– Хватит, напридумывался! – одёрнула его очень крепкая и смуглая девочка по имени Фарида. – И вообще: иди уже отсюда, выступил – и иди, а то опять пацанам всё расскажешь, трепло малолитражное.

Булатик изобразил Фариде кое-что на пальцах и упорхнул, не дожидаясь пинка.

Потом меня спрашивали, где я живу, кем работают и сколько зарабатывают мои родители, есть ли у меня родные братья, братишки, сёстры и сестрёнки и что мне больше нравится: Linkin Park или Tokio Hotel, была ли я в Турции и в «Связисте»², ну и, конечно – хочу ли я стать моделью и есть ли у меня парень...

После уроков Фарида сказала:

– Знаешь, у нас тут свои дела. Ты, если что, готовься. Я на всякий случай, конечно... Но сегодня не было Светки.

Глава 3. Второе сентября

«Э-эх, дороги, пыль да ту-уман!» – обожаю, когда папа поёт. Его голос густой и бархатный, как вечернее небо.

Никак не соберусь записать папины песни. Вроде, чего проще? Ну да, «чего проще», если папа с мамой в Астане, а ты за тысячу километров от них трясешься в автобусе, уворачиваясь от дурацкой петли на поручне, которая, вроде, висит для удобства пассажиров, а на деле так и норовит долбануть тебя по голове. Уже час с лишним еду, а в прежнюю школу пешком ходила – рядом же! И постоянно опаздывала, потому что не торопилась. Эх, не ценила я своего счастья!

Родители долго думали, ехать им или нет. Но потом всё-таки решились: зарплату им предложили в Астане хорошую, а три месяца в разлуке со мной – это не так уж много, можно и потерпеть. Зато потом сможем красиво обставить нашу новую квартиру, и всё-всё там у нас будет, чего только захотим. Но без родителей оказалось жить не так уж весело. Конечно, никаких тупых нотаций типа: «Учись, жизнь жёсткая, потом будешь обижаться, что мы тебя не заставляли! и т.п.», но ведь и приласкаться не к кому.

²«Связист» – очень хороший подростковый лагерь в окрестностях Алматы.

Однажды мы с Динкой обсуждали, почему у всех такие скучные, жутко правильные и неинтересные родители. Нет, они, конечно, замечательные и любимые, но какие-то... как роботы, что ли. «Ты поела?». – «Поела». – «Ты тепло оделась?». – «Тепло». – «Мы уходим, никому не отпирай, спрашивай «Кто?». – «Да, папа». – «А ты воду-свет-газ проверила?». – «Да, мама».

ЗОМБИ-КОНТАКТ.

И, насколько я понимаю, вся их жизнь в том и состоит, что они родились, ходили в садик и съедали там всю кашу, и не боялись Деда Мороза, пусть даже он и был толстый, да ещё с бюстом и голосом поварихи, а потом они хорошо учились в школе, не прогуливали физкультуру, собирали макулатуру и металлолом, а потом поступили в институт, и там тоже хорошо учились, а потом встретились, поженились, прошли годы, и у них родилась долгожданная и единственная я. Какая скука. А где чувства, страхи, сомнения, провалы? Тупое животное существование, уж простите мне, мамочка с папочкой.

А Динка мне и отвечает: они всё скрывают. Самые неизвестные люди на свете – это наши собственные родители. У них много чего было в жизни – только они, чтобы перед нами хорошо выглядеть, ни о чём таком не говорят. Я вот, чтобы узнать, кто такая моя мама, подслушиваю её разговоры с подругами. То есть, я, конечно, и так её знаю, но вот какой она была и что делала – ни за что она мне не расскажет. А она, оказывается, первый раз поцеловалась в пятнадцать лет, а ещё её из университета отчислили за что-то – а мне она говорит, будто всё в порядке, и она закончила. А ещё я смотрела её медицинскую карту – а там та-а-кое. Честно если, не помню, что там у Динкиной мамы со здоровьем, но, может, это просто она такая. А у меня мама кристально, прозрачно, исключительно обыкновенная. Как можно так жить? Я бы не хотела.

Ну вот, и теперь я с бабушкой.

Бабушка обо мне заботится, и мы с ней разговариваем. Бабушка очень много знает всего. Чего не спросишь – выдаёт не хуже Википедии. Будто у неё в голове огромная библиотека. Но представьте себе – можно ли приласкаться к библиотеке? Нельзя, потому что там наверняка есть нудная книжка, где сказано: «Бабушки! Не позволяйте своим внукам лезть к вам с «обнималками-целовалками», потому что тогда внучки...». Даже не знаю, что тогда... Может, «сядут вам на голову»? Или «перенесут на вас свои микробы»? В общем, к моей бабушке не поластишься – она этого не одобряет.

А маму с папой я увижу только на осенних каникулах.

Достала эта дорога! Когда вырасту, не буду ездить в автобусах. Я хочу стать художницей. Тогда можно не торопиться на работу, не отчитываться ни перед кем. Художники делают, что захотят. Про них говорят: «Творческую личность надо оберегать!».

Ещё я люблю представлять, как стану мамой. У меня будет такая маленькая прикольная дочка, и я ей стану разрешать всё то, что родители запрещают мне. А ещё мечтаю о том, каким будет мой парень. Представляю наше первое свидание и даже первый поцелуй. Но это пока мой секрет!!!

Занятия начались с английского. Посмотрела на свою группу: эта половина класса вроде нормальная, мальчишки при девочках не матерятся, а в учебнике новом – легкотня. Мы пели песни, и всем англичанка поставила «пятёрки». Сказала, что в честь нового учебного года.

А вот перед историей, когда обе наши группы соединились, меня встретило дикое ржание. Уже не один, а несколько мальчишек метнулись мне под ноги, изображая рабов. При этом они орали:

– Фотосессия! Перезагрузка! Арсен, всё для тебя!

– Придурки! – высокий парень с косо подстриженной чёрной чёлкой рассмеялся.

Я ничего не поняла, а спросить постеснялась.

Перескочившая прямо на уроке за мою парту Фарида стала шептать в ухо так горячо, что я половину не понимала и всё время переспрашивала, но всё равно долетали только обрывки:

– ... а наша «англичанка» говорит: «Отдай немедленно, ты бы ещё саму эту подружку с собой привёл...» – (далее неразборчиво) – Арсен отвечает ... (опять неразборчиво) «... и вообще – это не подруга, отдайте, Вы не имее-те...».

– Что он, не расслышала?

– Блин, да стал требовать твою фотографию назад, вот что! – потеряв терпение, проорала Фарида на весь класс. Кто-то из учеников опять засмеялся. Арсен показал Фариде кулак и... И улыбнулся мне. А улыбка у него оказалась такая – будто гирлянду включили. Я почему-то сразу про Новый год вспомнила. Арсен – он не только ртом, он ещё глазами улыбнулся. И от этого стало тепло-тепло.

– А... А откуда у него моя фотография?

Ответа я не услышала. До того мирно объяснявшая что-то историчка вдруг так быстро подскочила к нашей парте, что Фарида даже пискнуть не успела. Но досталось не ей. Историчка за рукав потащила меня через весь класс!

– А теперь, голубушка, поболтай-ка у доски!

Я молчала. Если честно, просто испугалась.

– Ну, давай-давай, столько красноречия было, где оно? Поделись с классом!

Я молчала.

– Ну, хорошо. Может, повторишь, о чём я сейчас рассказывала?

Ответить было нечего, и я опять честно промолчала.

– Ты что, глухонемая или не в себе, может? Хоть как тебя зовут, скажи!

Я чувствовала, что происходит самое страшное – язык отказывался служить, и всё вокруг становилось как в тумане. От исторички исходила злая энергия, парализовавшая меня. Будто передо мной стоял робот-завоеватель. Лицо начало пылать, и я, казалось, потеряла способность разговаривать вообще.

Тут в наступившей тишине раздался чей-то ироничный голосок, который я раньше не слышала:

– А это, Софья Сергеевна, наша новенькая. Дуремара она.

Класс загудел, но училка схватила указку, страшно грохнув ею по столу:

– Тихо!

И, обращаясь ко мне, как к пустому месту, бросила:

– А с тобой мне уже всё ясно, красотка. Портновская культура... Садись.

Фарида под шумок смылась на своё место. Вот и случилось именно то, чего я боялась. Какой позор! И все видели, как я стою и ничего не могу сказать, как последняя курица. К тому же красная. Правда, блондинкой меня не назвали, но то, что я услышала, это ещё хуже. Дуремара... Теперь меня будут дразнить этой Дуремарой вечно! Зачем меня перевели в эту школу, доучилась бы в старой! Сегодня же позвоню маме, попрошу, чтобы она уговорила отца. Я не буду здесь учиться!

Я постаралась сделать так, чтобы историчке не было меня видно, и изо всех сил боролась со слезами. Ещё не хватало разреветься перед всеми! Плотая слёзы и еле высидев урок, я схватила сумку и ринулась к выходу. Мне необходим тайм-аут – хоть немного прийти в себя после такого позора.

Ноги несли подальше от школы, но к бабушке ехать было рано. Эту часть города возле новой школы я знала совсем плохо. Вот и посмотрю, что здесь есть. Только бы не заблудиться! Забрела в парк, села на скамейку. Устав переживать, стала думать про всякую ерунду. Тоже мне, осень! На улице жара, деревья зелёные стоят, вон очередь за мороженым, малышня на площадке резвится. Все такие яркие, как конфетки. Папа как-то говорил, что в нашем городе машин в два раза больше, чем детей. От нечего делать я стала представлять рядом с каждым малышом по два автомобиля. Машины получались тоже весёлые и разноцветные.

– А почему мы такие грустные? – на мою скамейку плюхнулся какой-то усатый прокуренный тип.

Я чуть не подпрыгнула. Опять! Ненавижу! Ко мне уже четыре раза приставали, и дважды – именно с этим идиотским вопросом. Вот зачем вообще пристают? Нормально знакомиться, что ли, нельзя? Всё настроение испортил!

Я молча встала и, не глядя на типа, быстро пошла прочь.

– Ой-ой, какие мы гордые, – крикнул он вдогонку, но догонять, слава богу, не стал.

Гулять расхотелось. А ещё я боялась, что этот мужик из парка окажется маньяком и начнёт следить за мной. У меня просто паника началась. Поэтому компьютерный клуб попался по дороге так вовремя!

Клуб назывался «Соб@чка». Наконец-то спокойно посижу в Инете. Маму я решила обработать насчёт школы по телефону – чтобы слышала мой несчастный, полный страдания голос. В письме этого не сделаешь. А сейчас неплохо бы найти Арсена в Интернете. Только я пока даже фамилии не знаю... А вдруг и он теперь считает меня идиоткой?! Впрочем, как и весь класс... Интересно, зачем ему моя фотка, и откуда он её взял? А, это же он фотографировал вчера на мобилу, когда Булатик кривлялся. И что же произошло на английском в их группе, что мои одноклассники так смеялись, когда я вошла? «Портновская культура...». Хм, надо в поисковике набрать.

Посетителей в клубе оказалось мало, наконец-то можно расслабиться,

и никто не будет.. Тут я хотела добавить «... до тебя докапываться...». Но не успела.

Глава 4. Всё ещё второе сентября. Операция «Подросток»

– А ты, девочка, из какой школы? – спросивший это мужчина явно не походил на пристава. Решив, что он кого-то ищет, я честно ответила, из какой.

Он вздохнул:

– И, конечно, ты учишься в седьмом-восьмом-девятом?

– В седьмом, – всё ещё не понимая, куда он клонит, ответила я.

– Ну тогда пойдём, – неожиданно голос его перестал казаться добрым.

– Куда пойдём???

– Операция «Подросток». Ты сбежала с уроков. И даже ничего не говори: все седьмые классы из вашей школы ещё учатся. Не рано тебе школа надоела – сегодня второе сентября только?!

– Мне... не надоела.

– Ага. Скажи ещё, что школу обожаешь, но у тебя началось сильнейшее компьютерное голодание плюс аллергия на учебники и, чтобы спасти свою жизнь... Короче, иди в «ГАЗель»!

«ГАЗель» оказалась набита школьниками разного возраста. Девочек, кроме меня, не было. Я села и натянула юбку на дрожащие почему-то колени.

Микроавтобус тронулся, и мальчишка рядом вдруг протянул каким-то гнусавым тонким голосочком:

– А чё, прикольно. Кому сегодня за проезд платить?

– А вот ты, Сана, уж лучше бы помолчала, – устало посоветовал сопровождавший нас мужчина, оказавшийся «школьным полицейским».

– Молчи-молчи и получи. стакан мочи. Уж лучше бы мы здесь молчали все, – проворчал мой сосед, оставляя последнее слово за собой. А я стала его разглядывать и всё не верила, что это дерзкое существо с синими прожилками вен по обеим сторонам бритого черепа может быть девочкой.

***

Ближе к ночи, еле уговорив принципиальную Динкину маму позвать дочь к телефону, я через силу пересказывала подружке дневные события. С удовольствием бы сейчас рухнула спать, но мне была необходима помощь. Хотя бы совет!!! Родители не в счёт – даже окажись они рядом. Про бабушку вообще молчу – с её-то давлением и «совестью без паразитов», как она любит повторять...

– Я бы тебе одолжила, – оправдывалась Динка, – вот были б – честно! Но у меня нет. Ты же знаешь, как мои к этому относятся.

Могла бы и не говорить. Динкины родители, обжёгшись на том, что её брат без спроса брал из родительского кошелька, решили младшую к деньгам не приучать. «Не приучать» в их понимании значило не давать их вообще.

Бедный мой Диныч! Она не в состоянии стащить даже бесплатную газету с рекламой из соседского почтового ящика! И уже который год

переживает, что самые близкие люди – мама с папой – считают её потенциальной воровкой. Помню, как мы с ней мечтали открыть приют для бездомных котят. Подсчитали, сколько это может стоить. И её, и мои родители чуть ли не хором сказали, что это всё чушь. И денег, конечно, не дали. Тогда мы решили, что нам обязательно повезёт в лотерею. Динка придумала так: мы стопроцентно выиграем, если купим лотерейки с тех денег, что найдём на улице. Ведь на улице часто валяются мелкие монетки, и люди их ленятся подбирать. Почти год мы наполняли копилку найденной мелочью. В итоге вышло 376 тенге «однушками», «двушками», «пятакими» и даже «двадцатками». Кроме того, в копилке лежал динозавр – 10 копеек советской эпохи. Его мы тоже нашли на улице, чем очень гордились.

Деньги, подаренные городом, казались чудом. И вот наконец мы торжественно собрались за билетами! Тётушка в киоске, увидев нашу мелочь, сначала разоралась. Но, когда мы ей рассказали, откуда у нас столько монет, притихла, подобрела и даже обменяла нашу мелочь на свои деньги. Сказав, что унесёт монетки домой «на счастье». А потом дала нам «самые выигрышные билеты»! Как мы ждали прямого эфира игры! Как... ревели после, не выиграв ничего.

Приют для котят сам собой забылся. Динка себе взяла двух котиков – сейчас это огромные сытые бандюги, а моя Лиска давно сбежала – у них с Масыней пошли разногласия.

Да, как давно это было, ещё в детстве. А вот теперь деньги действительно нужны. Выделенные родителями я истратила неделю назад, готовясь к школе. А отдать надо целых 12 тысяч! Крайний срок – пятница. Это уже послезавтра.

Для кого-то 12 тысяч тенге, может, и ерунда. Хвалились же в лагере девочки, что только в «Меге» по пять тысяч за один раз тратят. Для меня же это много. Но, если я не достану деньги, будет КОШМАР.

Я так устала, но уснуть почему-то не могу... Даже в постели мёрзну. Мамочка моя, как мне тебя не хватает! Ты такая мягкая и тёплая, такая нежная, и рядом с тобой мне ничего не страшно! И позвонить я тебе не могу, пока не выпутаюсь – ты ведь услышишь по голосу, что у меня неприятности.

Я постучалась в бабушкину комнату. Бабушка разговаривала по телефону и махнула мне рукой:

– Не мешай, больнушечка! Босиком не ходи!

Нет, бабушка мне, конечно же, ничем не поможет! И я тихонько побрела спать.

Ой, я же совсем забыла рассказать, зачем мне понадобились эти 12 тысяч!

Если честно, и говорить противно.

В общем, дело было так...

Пока мы ехали в «ГАЗели», вертлявая лысая Сана, которую, по её словам, забирала уже раз сто, рассказала, что меня ждёт. Из полиции позвонят в школу, сообщат маме и папе на работу, затем родители заплатят крупный штраф, меня поставят на учёт в отделе по делам несовершеннолетних. А в школе созовут собрание, где опозорят по полной программе.

– Но! – Сана подняла вверх худющий и невероятно длинный

указательный палец с синеватым ногтем. – Есть выход. Из ментовки могут отпустить прямо сейчас, если нам повезёт, и дежурить будет Нурик.

– Как могут отпустить? Пожалеют, что ли, потому что...

– Потому что ты заплатишь. Деньги есть с собой?

Я побренчала в кармане мелочью.

– Мобилу покажи!

Я показала.

– Можно в залог мобильник дать. Только не думай, что сбежишь, оставив старьё ментам на сувениры. В полиции координаты кого хочешь пробыют. А знаешь, какой он злой, Нурик, когда его кидают! Но я с ним договорюсь насчёт тебя...

Мне повезло, потому что дежурил действительно Нурик. Когда после Саны, так и не вышедшей из кабинета, зашла я, кроме полицейского там почему-то никого не было. Мужчина с удивительно бесстрастным лицом, не ответив на приветствие, молча написал «12 000», повертел бумажку перед моим носом и тут же убрал. Я кивнула. Он протянул руку. Я выложила на стол свой мобильный.

Полицейский подошёл к большому шкафу и открыл его дверцы. За шкафом неожиданно оказался коридор.

– Не позже пятницы, через этот вход, – единственные слова, которые я от него услышала. В конце коридора ярко светило солнце. И это было солнце моей свободы!!!

Вот только надолго ли эта свобода?

***

Утром поездка до школы превратилась в громадный пыльный шлейф, тянущийся, казалось, за автобусом. «Шлейф» этот содержал всего одну фразу: ГДЕ МНЕ ВЗЯТЬ 12 ТЫСЯЧ?!!

В классе на меня не обратили особого внимания. По сравнению с тем, что со мной случилось вчера после школы, позор у доски казался небольшим недоразумением. Я осторожно поискала глазами Арсена – его не было. Фарида, по дороге удачно метнув в Булатика учебником, подошла ко мне поболтать. Удивительно, но в школе-то ни одна живая душа не спросила, куда я вчера делась после второго урока. А у меня из-за этого теперь проблемы с полицией! Я решила занять денег у Фариды, а зачем – не уточнять. Пообещаю вернуть через несколько дней. А за это время придет тётя Роза, уж она-то любимой племяннице не откажет. Тётя работает в столовой при больнице, а на досуге увлекается психологией.

Отвела Фариду в уголок потише, где никого, кроме девочки-зубрилки с тугой косой, не было, и попросила. Просила я, наверное, неубедительно, но в конце, как мне показалось, очень жалобно добавила:

– Мне ОЧЕНЬ надо, понимаешь? И я не могу сказать, зачем.

Фарида понимающе поморгала круглыми глазками, потом округлила их ещё больше:

– Извини, конечно. А ты не наркоманка?

– То есть как... Да ты что!!! Нет, нет, нет, ты что!

Отпрянув от одноклассницы, я быстро прошла на своё место. «Зубрилка» перекинула косу через другое плечо и покрутила пальцем у виска.

Это она мне или дуре Фариде?

ГДЕ МНЕ ВЗЯТЬ 12 ТЫСЯЧ?

Вот откуда подростки берут деньги, если не у родителей? Те, кому уже есть четырнадцать, подрабатывают. Но пока на работу меня не возьмут, да и деньги нужны уже завтра. Вот Динкин братец работать не собирался, таская деньги у родителей. А у меня и родителей рядом нет. Только бабушка. Бабушка. БАБУШКА! То есть – я же знаю, куда она складывает свою пенсию!

Это, конечно, ужасно. Но это единственное, что мне остаётся. И потом – я ей всё верну. А сейчас мне нужно выиграть время.

***

День тянется бесконечно долго. Я в депрессии и ничего не могу поделать. Всё ужасно. А теперь мне предстоит ограбить родную бабушку.

Я решила взять деньги вечером, чтобы она точно ничего не успела заметить.

Бабушка хранила пенсию в коробочке-тайнике, сделанной из книги «Сборник рецептов блюд». Снаружи это была вроде книга, но, если её раскрыть, страницы в середине вырезаны, а их остатки склеены между собой так, что получились боковые стенки коробочки.

– И ни один поганец сюда не полезет, – хвалилась бабушка. – Они книг как чумы боятся, воруяги эти. Потому что в книгах – свет истины!

Я спросила, почему бабушка выбрала именно эту бедную книжку. Бабушка, уже спрыгнувшая с пафосного тона, ответила попросту:

– Да не нужен мне потому что сборник этот. Тут рецепты знаешь какие: возьми три ведра воды, полкило соли да полмешка картошки, веслом перемешай... Для столовок книжка, как по ней готовить?

Мы тогда ещё смеялись и придумывали дурацкие рецепты по этому сборнику.

Всё-таки у меня суперская бабушка. Ни у кого такой нет!

На всякий случай я выбирала купюры, лежавшие снизу, чтобы было незаметно. Две пятитысячные красные бумажки и две по тысяче. Самые обычные деньги. «Спасибо тебе, бабуля! Я всё отдам. И витаминки буду съедать по-честному, а не выплёвывать, как раньше».

Бабушка вернулась поздно, задержавшись на очередном собрании клуба здоровья. Всякий раз она приходит оттуда немного не в себе. Вот и сейчас, даже не спросив, как у меня дела, стала с пылом разоблачать подлые приёмы официальной медицины, выгружая из пакета банки с биодобавками.

Ну не спросила и не спросила. Возмись она пытаться: «Как, Мируша, тебе новая школа?» – что отвечать-то ей, если честно? «Школа, бабуля, у нас ничего так себе. А ты б видела, в какое крутое я вчера попала отделение полиции!». И хорошо, что не спрашивает. И хорошо, что никогда не звонит мне на «сотку». Вы, может, не поверите, но моя бабушка считает, что «сотки» – это зло. Честно!

У себя в комнате бабушка долго возилась, ходила, а я с замиранием сердца ждала, что вот-вот раздастся противное визжание выдвигаемого comodного ящика, где лежит «Сборник рецептов», а потом... Даже дышать перестала, прижав к себе Масяню.

Визг ящика действительно раздался! Тут же Масяня начала выдираться из моих рук – так сильно я её, оказывается, сжала. Однако ничего ТАКОГО УЖ дальше не произошло. Бабушка включила телевизор и мирно стала слушать какую-то очередную лекцию, которую им раздают в клубе.

Уф-ф-ф!

Ужасный день, ненавижу тебя, уходи скорее, тупое третье сентября!

Глава 5. Четвёртое сентября. Жизнь налаживается

Проснулась я очень рано и потихонечку собралась свалить. Однако Масяня учуяла это дело и решила лишний раз проветриться. Пришлось вывести собаку на улицу.

Утро совсем летнее. Розы вовсю цветут, воздух свежий-свежий. Погулять бы так часика два, оказаться в горах! И растает всё это, как дым – школа, полиция... Ох, хотя школа не надо, чтобы как дым – там же Арсен со своей новогодней улыбкой! А что, из нас может получиться неплохая парочка. Пока в меня влюблялись только какие-то ботаны. А чтобы и мне нравился... Весной один парень, Дэн (вроде ничего по фотке) предложил дружбу через Интернет, позвал в кино. Я так старалась – родителей уговаривала, чтобы пустили! Целую неделю уговаривала. Наконец они согласились, только мама сказала, что будет неподалёку и станет следить, чтобы со мной ничего не случилось. Я пошла даже на это! Кофточку новую у папы выпросила. И что же?! Этот Дэн взял под конец и... отказался. Его, видите ли, не отпускают, потому что доклад надо писать на выходные.

Так мы с Дэном и не встретились. Хотя переписываемся, потому что решили остаться друзьями. Ему уже 15. А ту кофточку я ношу, хорошая.

Из-за этих денег даже не успела Дине про Арсена рассказать! Поскорее бы всё уладить с полицией!

Закинув присмирившую собачью зануду обратно к бабушке, я помчалась к знакомому отделению полиции.

– Здравствуйте, я вам деньги принесла! – этими словами я встретила Нурика на входе. Казалось, он не замечает меня и не слышит.

– Извините, это же я! Помните, я была с Саной?

Тут лицо полицейского стало таким страшным, что я отскочила. На мгновение поймав мой застывший от ужаса взгляд, он усмехнулся и кивнул в сторону двери, откуда я выходила прошлый раз. Выждав, пошла к чёрному входу. Нурик уже стоял в том самом коридоре. Я отдала деньги.

Взял, даже не пересчитав! Сунул мне мою «сотку». На ней скотчем была прилеплена бумажка с чьим-то номером и стояла подпись – «О'к Сана».

– Ты ей позвони, – сказал, даже как-то, не знаю, попросил он, что ли.

Я очень удивилась:

– А Сана вам кто?

Он не ответил, развернулся и ушёл обратно в свой тёмный коридор.

Как говорится, ни тебе «спасибо», ни «до свиданья».

– Рахмет! – будто под гипнозом, крикнула я ему зачем-то вдогонку.

До школы оставалась масса времени. Я готова была петь от радости, танцевать – будто прошёл последний день учёбы, и вот начинаются каникулы. Вот бы сделать сейчас «колесо»! Жалко, не умею. Тогда я просто покружилась, не смотря на прохожих. Как хорошо!

Всё, сегодня буду самая счастливая. И «колесо» обязательно научусь делать. Сто лет собираюсь записаться на какой-нибудь спорт, где не надо соревноваться – вот пойду и запишусь! Но тут меня словно ножом полоснула одна мысль...

Я вспомнила, что полицейский просил меня позвонить Сане. Зачем ему о ней заботиться, если он из тех, которые ловят таких, как она? А что если они работают в паре?! Сана – подсадная утка, выбирает кого понаивнее и давай истории рассказывать, какой Нурик, то да сё... А он потом с ней, может, ещё и пожилой делится!

Меня начала душиить бессильная ярость. На Сану, Нурика. Я в бешенстве отцарапала Санину бумажку от своего мобильного, порвала её в мелкие клочья и бросила в арык. Потом мне стало так противно, что не поленилась, достала влажные салфетки и вытерла мобильник и руки, прикасавшиеся к этой бумажке. Символически разделавшись с Саной, теперь я стала злиться на себя. Может, и вправду я дура? Вся картина моего позора нарисовалась вдруг так явно: вот Сана травит байки в «ГАЗели», а я сию, развесив уши, вот Нурик берёт мой сотовый, а в коридоре за книжным шкафом, поди, хихикает надо мной эта мерзкая Сана. А вот я лезу за бабушкиной пенсией... Ой, какая же я дура-а!!!

«Стоп!» – сказала я себе. Но ведь то, что они заодно, ещё не доказано. Может, зря я злюсь? И почему тогда он попросил ей позвонить? Узнать бы, кстати, у самой Саны... Только теперь это невозможно. Ну не караулить же её, в самом деле, возле полиции? Или попробовать? Только одна я точно этого сделать не смогу.

Вдруг мне безумно захотелось крепкого, сладкого и горячего чаю с молоком. Ну и печеньница под это дело бы... Утром-то не до завтрака было.

Круглосуточная столовка с утра оказалась почти пустой. Жёлто-оранжевый кафель на стенах празднично сиял, цветы с подоконников кивали, как живые. Я сгрузила с подноса чай и коржик, села и... увидела, как в столовку заходит Арсен.

***

– А вообще я обожаю китайскую лапшу. Даже сухую ем – только никому не рассказывай!

Арсен говорил, а я рисовала в воздухе, комментируя его слова, кудрявую лапшу и воображаемый смайлик. Потом рассмеялась вслед за ним.

Мы болтали уже я не знаю даже сколько времени. И было так хорошо, что, казалось, можно просидеть так целую вечность.

– Слушай, опоздаем же, – спохватился Арсен, глянув время на «сотке».

– Мне ещё с тренировки переодеться надо.

– Да, конечно! О, кстати, ты только покажи ту фотку, ну, когда Булатик

ко мне...

В общем, Арсен так и не успел переодеться, а мы всё равно пришли после звонка. Наши с Арсеном фамилии дежурившие пятиклашки гордо внесли в список «Позор опоздавшим!», но это было даже приятно. В класс тоже завалились вдвоём. Все хором сказали «О-о-о!!!», и это прозвучало так мило! Я спокойно села на привычное место. Жизнь, безусловно, начала налаживаться!

На перемене девочки познакомили меня со Светкой, отдохавшей с родителями в Турции, а потому пришедшей в школу только сегодня. Внешне она напоминала героинь анимэ – большеглазая красотка с маленьким капризным ротиком. Злая или добрая – не поймёшь. Зато одета, как для фотосессии, а волосы... они были удивительно подстрижены, мало того, кое-где в копне светлых прядей вились тонкие локоны синего цвета.

– И мама тебе разрешила, или дома орали? – Сандугашка с Мархабо круги выписывали вокруг Светки, пожирая взглядами неземную красоту на её голове.

– Мама? – фыркнула Светка. – Ещё бы она мне что-то разрешала или запрещала. Это меня папа записал к стилисту в Анталье. Мы с ним двести «баксов» отдали!

Я все ещё думала, с чего можно начать разговор с этой Светкой, как она поманила пальчиком Арсена:

– Говорят, ты тут романы крутишь налево и направо? Поздравляю... Как говорится: стоит только отвернуться...

– Светка, детка, скажи, что ревнуешь! – Арсен явно кокетничал.

– Да было б к чему... – тут Светка обернулась и выразительно проплась по мне глазами. Причём ухитрилась сделать это так, что лицо будто и не задела, а вот мои туфли окинула очень презрительным взглядом.

– Ну всё, хватит, Света. Угомонись. Это уже не Турция – расслабься. – Арсен сказал это так властно, что Светка почему-то послушалась и, нараспев произнеся «Уговорил, живите пока...» – отвернулась.

Вот как он умеет! Что ж, такого парня и послушаться приятно. А «анимэшка»-то противная, не зря Фарида предупреждала. А может, Светка – девушка Арсена?

Глава 6. Бабушка и директор

Моя «сотка» замаякала прямо посреди урока. Душераздирающее «Мяу, мяу!» неслось по всему классу. Этот рингтон я выбрала сама: «мяу» звучит забавно. Но сейчас мне так не кажется. Кошачий концерт сводит с ума. А телефон завалился в сумку на самое дно. Если учесть, что у нас идёт история... «Робот-завоеватель» молча указывает рукой на дверь. С «соткой» выскакиваю в коридор. Это-то ладно. А вот то, что звонит мне не кто иной, как БАБУШКА...

– Да, бабуля!

– Зачем ты это сделала?

– Извини, извини, пожалуйста, мне было очень надо!

– Так значит, это действительно ты?

– Я.

– Зачем тебе деньги?

– Мне... меня поймала полиция.
– Что ты натворила!?
– Ничего. Я не пошла в школу.
– Не ври мне!
– Бабушка, я не вру.
– Я ведь позвоню, проверю...
– Бабушка, не звони, пожалуйста! Туда нельзя звонить ни в коем случае. Я...

– Воруешь, врешь... Будто сглазили тебя. А ты знала, что это не мои деньги? Как мне их отдавать, что я твоим родителям скажу?

– Бабуля, пожалуйста, я объясню!

– Раз не хочешь говорить, зачем тебе деньги, будем разбираться в школе...

– Бабуля, не надо!

– По-хорошему не понимаешь – может, поймёшь по-другому. Что, так трудно признаться? Что же ты натворила? Или связалась с кем?

– Я же сказала!

– Не лги мне, Мира!

И вместо гневного бабушкиного голоса в трубке раздались гудки.

Занятия шли своим чередом, пока не включилось школьное радио. Директриса объявила, что после уроков учителей ждёт экстренное собрание.

Вот никак не могу привыкнуть, что здесь директор выступает по радио. Впервые я услышала этот спокойный, но властный голос ещё первого сентября. Интересно, а как может выглядеть женщина с таким голосом? Наверное, похожа на актрису из старого советского фильма... Забыла, как же её...

Неожиданно к нам заглянула классная:

– Доремира, срочно к директору!

Ёлки, доразмышлялась! Неужели позвонили из полиции? Или это всё-таки бабушка? Прихватив сумку, я побрела к двери. Арсен обеспокоенно проводил меня глазами.

– Да оставь ты сумку свою, – скомандовала классная. – Надеюсь, быстро разберёмся, что к чему там.

Как я поняла, классная знала не больше меня. Но когда мы подошли к приёмной, я уже всё поняла: из-за двери лился возмущённый голос моей ненаглядной, «суперской» бабушки!

– Никогда раньше она такого не творила! Я одна, я за неё отвечаю! Это чьё-то дурное влияние! Деньги-то ладно б мои были, а то клиентка за лекарство передала. Стыд-то какой! Как людям в глаза глядеть? А что я её родителям скажу?! Разберитесь! Я требую, умоляю! Это она стала в вашу школу ходить, и сразу...

– Хорошо. Вы вас выслушали, а теперь давайте послушаем Миру, – тот самый завораживающий голос принадлежал, как оказалось, милой, но ничем не примечательной женщине. Вернее, она была бы непримечательна, если б не пронзительный взгляд. Я не могла его выдержать и всё время опускала глаза. На растрёпанную бабушку мне и вовсе было больно смотреть.

Слёзы комом стояли в горле. Все силы я бросила на то, чтобы не заплакать. Куда там! Разревелась посреди приёмной. Да так, что не могла остановиться, и от этого было ещё стыднее. Я плакала, захлёбывалась, будто наружу выходил весь страх, который я пережила за эти дни. Когда директор притянула меня к себе и стала гладить по голове, успокаивая, я вообще как с ума сошла. Потом меня поили водой. Воды в графине не хватило, и как сквозь туман я слышала, как просили у секретарши минералку. Всё это время бабушка скорбно молчала, а со мной возились – я даже не знаю – кто. Одним словом – какие-то добрые тётеньки. Наконец, проревевшись, я смогла говорить. Директор, улыбаясь, пыталась высушить салфетками мокрое пятно на своей груди.

Слёзы ушли, пришло безразличие. «Что воля, что неволя...». Я рассказала всё. Вернее, почти всё. Как мне было плохо, страшно и как я не хотела тревожить бабушку, потому что надеялась, что деньги быстро верну. Конечно, педагоги сразу в меня вцепились, спрашивая, кому именно я дала взятку. Но этого я решила не говорить. Сказала только, что они там все в полиции на одно лицо, да ещё в одинаковой форме. И про Сану не сказала. Всё-таки лучше самой разобраться в этой мутной истории. А может, Арсена попрошу. Вон какой он сильный и решительный!

Раздумывая о чём-то своём, директриса нехотя отпустила меня. Напоследок сказала, что проблем было бы меньше, если бы я не кинулась со своей взяткой, а вела себя честно. Бабушка по-прежнему сидела молча, сложив руки на коленях и глядя прямо перед собой. Меня переполняло раскаяние. Я кинулась к ней.

– Бабушка, пожалуйста, прости меня! Я всё верну!

Но бабушка молчала.

Плакать не было сил. Я прислонилась к двери и тихо спросила:

– Ты не простишь меня? Тогда можно я на выходные побуду у тёти, она уже приехала...

– Валяй! – вот и всё, что я услышала.

За дверь я ещё немного подождала бабушку, но она не выходила. Тут вынырнула классная, отвела меня умыться и так же под конвоем сопроводила в класс. Урок всё ещё шёл. В дверях классная обернулась и назидательно погрозила пальцем:

– Вот видишь, Мира, как плохо прогуливать и брать чужое без спроса! Поняла?! Поняли? – это она обратилась уже к моим одноклассникам, которые, ясное дело, ничего не поняли. Но поскольку ответ ей был и не нужен, она его и не дождалась – вышла.

Все головы разом повернулись ко мне. И напрасно взывала к дисциплине учительница. К тому же её крики заглушил звонок на перемену.

Глава 7. Кошмар продолжается

Меня окружили одноклассники, спрашивая, что это было. Но от пережитого я была не в состоянии что-либо говорить. Махнула рукой, хлопнула носом и закрыла глаза. Тут бы все и отстали, если бы не Фарида. И когда только она успела всё выведать у классной? Безразлично слушала я её рассказ, будто и не про меня. Зато про остальных так не скажешь – им будто детектив пересказывали! Потом мне принялись сочувствовать. Так,

будто соревновались, у кого душевнее получится. Даже противная Светка сказала в мою защиту что-то хорошее. Двое похожих друг на друга мальчишек, пока не помню, как их зовут, сказали, что они всех школьных полицейских «на районе» знают в лицо, поэтому не попадаются. Фарида извинилась за то, что приняла меня за наркоманку:

– Я иногда говорю что-то, говорю – остановиться не могу. А что говорю... Никто и не обижается. А ты ж не знала...

– Буду знать, – я нашла в себе силы улыбнуться.

И тут произошло та-акое! Вдруг Арсен ПРИ ВСЕХ(!) сказал, что если я влипаю во всякие истории, то за мной надо присматривать. И с этого дня он собирается меня провожать – на всякий случай! Кое-кто из девочек захихикал. А я постаралась скрыть волнение, чтобы по моему лицу никто не прочёл, что идея мне очень понравилась. Арсен будет меня провожать – вот это да!

Краешком глаза посмотрела, как реагирует на эту новость Светка. Но ей, похоже, было не до нас. Она увлечённо набивала кому-то эсэмэску. Всё-таки непонятно: может, Света – и не бывшая девушка Арсена, вообще не его девушка, а сама по себе? Да ну её – лучше потом у самого Арсена и узнаю. А как мне с ним себя вести? Это что, если он меня будет провожать, значит, теперь он мой парень? Или можно по-дружески провожать? Ладно, разберусь, главное – опять не начать волноваться. Но вообще-то мне с ним спокойно, Арсен такой уверенный. А! Знаю, о чём его попрошу! Раз уж взялся меня охранять, значит, поможет разоблачить Сану. Вот и дело общее будет. Он же не откажется, не струсит – чего ему какой-то лысой Саны бояться?

Я уже успокоилась, хотя по-прежнему мне было очень-очень стыдно. Занятия шли своим чередом, а мои мысли и чувства – своим. Что же будет после школы? Я, если честно, много чего уже навоображала. Всё-таки не всё так плохо. А сколько всего впереди!

Уроки почти закончились – кто «физру» за урок-то считает? На физкультуру никто особенно не торопился. Мы сидели в раздевалке и болтали обо всём на свете. Место было унылым, стены голые, холодные. Я представила, как можно будет попозже подбить девчонок на то, чтобы нарисовать здесь огромные цветы. Наверное, директор не будет ругаться, если у нас получится клёво.

В это время глупые пятиклассники пытались втолкнуть к нам какого-то мальчишку, который верещал, как резаный: «В бабскую раздевалку – ни за что!!!». Девчонкам надоело, и они припёрли дверь скамейкой. Тут к нам опять стали ломиться.

– Ну сколько можно! – Фарида схватила свёрнутый ватман для стенгазеты, резко пнула скамейку и... долбанула по башке влетевшего к нам Булатика.

Вот «везёт» же Булатику! Даже когда Фарида не хочет его задеть, всё равно он от неё получает! Наверное, издевался над ней в прошлой жизни. Это карма, не иначе...

– Вы чего? Блин! Я же по делу! Никто арсовскую «сотку» не видел? У Арсена мобила пропала!

Девочки пожали плечами. Светка протянула своё: «Поздра-авляю...».

Потом заинтересовалась:

– А вы ему звонили? Может, завалилась в сумке где...

– Эврика! – Булатик, вместо того чтобы хлопнуть по лбу себя, успел попасть по Фариде.

Ну почему это пришло в голову Светке, а не мне? Хотя... Пока я и номера Арсена не знаю.

Между тем практичная Света с большим чувством собственного превосходства звонила Арсену. Я представила, как он сейчас обрадуется, услышав знакомую трель откуда-нибудь со дна своей сумки. Или из потайного кармана. Всё-таки не хотелось верить, что его красивый телефон кто-то украл. Вот сейчас всё найдётся, он придёт благодарить Свету, а я буду стоять, как левая... Интересно, у него для Светкиных звонков есть особая мелодия? Хоть бы не было!

Тут, пока звонила Света, у кого-то из девчонок тоже зазвонил мобильник. Однако никто не торопился брать трубку. Светка разозлилась:

– Что, так трудно «сотку» заткнуть?

– А это чья? – хором спросили Мархабо и Сандугаш. Как они ухитряются одно и то же говорить? Я за ними не первый раз замечаю. Остальные только плечами пожали. Ни у кого, как оказалось, такой мелодии не было.

– Как у Арсена, – растерянно сказал Булатик. Света перестала звонить – телефон тут же смолк. Начала – и через секунду вновь раздалась знакомая трель. Это что же: если Арсена действительно обворовали, то «сотку» спрятали у нас в раздевалке? Значит, сюда приходил вор? Может, он ещё чего-нибудь утащил?

Меня прямо передёрнуло, так противно сделалось. Тут перед глазами так явно встала картина, как я лезу в бабушкину коробочку. Да, бабушке тоже не хотелось расставаться с деньгами. К тому же оказавшимися не её... Я почувствовала, как краснею.

В это время девчонки, молодцы, начали разыскивать «сотку» по звуку. Света капризничала и торопила, предупреждая, что у неё вот-вот кончится зарядка. Также мне, «звезда»! Как будто, кроме неё, ни у кого больше мобильного нет! В нашей раздевалке собрался уже весь класс, а позади этой толпы возвышалась огромная женщина в жёлто-фиолетовом спортивном костюме. Наверное, физрук... Наконец под грудой вещей нашли сумку, из которой доносилась мелодия.

Светка брезгливо, двумя пальцами, взяла сумку и подняла повыше:

– Чьё?!

Чёрная сумка с весёлым скелетиком, такая родная...

– Но это ж моя сумка! – закричала я.

– А чё «сотку» не брала? – тупо спросила Фаридка.

Я так же тупо показала ей свою – всё время машинально сжимала её в руках.

Тут я увидела, что Светка во все глаза смотрит на меня. Вид у неё был при этом какой-то отмороженный. Я оглянулась – отовсюду на меня смотрели такие же глаза. А потом я встретилась взглядом с Арсеном...

– Арсен, это же я, Мира! Я не воровка! Как ты можешь на меня так смотреть!!! Ты что, вместе со всеми не веришь мне??? – мне хотелось закричать это так громко, чтобы услышали вся школа, весь город, вся планета!

Но я не могла кричать. Я даже говорить не могла. А он... Никто никогда в жизни не смотрел на меня ТАК. С таким разочарованием, презрением...

– Дуремара, может, объяснишь, как это к тебе попало? Или бедняжка опять запуталась? – это сказала не Светка. Это сказала зубрилка Сабина с тугой косой. У неё был очень принципиальный вид.

Голос раздался будто не мой, а чей-то чужой, такой пересохший, будто из песка:

– Я не Дуремара!

– А кто же ты после этого, – закричала Светка. – Дуремара и есть. Бойкот Дуремаре!

Кто за бойкот?

Все подняли руки. Физручка почему-то – тоже.

Увидев, что я смотрю на неё, она хрустнула суставами пальцев:

– Я бы с тобой в разведку не пошла! Мы таким в команде тёмную устраивали! Вот не зря не хотела в школу идти работать – гнилое здесь всё! Ко мне на урок даже не приходи – ничего выше двойки я тебе никогда не поставлю! Воровка!

– Да она всё время крадёт! Её же только сегодня к директору вызывали! Наверное, и из той школы поэтому выгнали! – крики неслись со всех сторон.

– А вы её ещё жалели! – проходя мимо, Сабина так толкнула меня плечом, что я отлетела к стенке. Той самой стенке, которую я мечтала раскрасить вместе с одноклассниками.

– О-о! Дай пять! – Светка звонко крикнула это Сабине, их ладони встретились в едином порыве, и все одобрительно зааплодировали. Физручка – громче всех.

Неужели это именно те люди, которые так недавно утешали меня? Ещё и соревновались, у кого лучше выйдет...

– Уходи из раздевалки, у нас тут ценные вещи!

Какая разница, кто это сказал?

ЖИЗНЬ – ТАКОЙ НЕЛЕПЫЙ СОН!

Я НЕ ХОЧУ ЖИТЬ!

Глава 8. Чёрная полоса. Ночь на пятое сентября

Не помню, как доехала до тёти, что ей говорила, что она отвечала мне. Помню только ледяной градусник под мышкой, и как тонометр сдавливает руку, и запах дымящегося одраспана³, и шум дождя, когда ночью мне вызывали «Скорую». Потом тётя ворчала, подтирая пол за врачами, которые, не разувшись, наследили в комнате. А меня всю трясло, трясло, трясло, и я сосредоточенно стучала зубами, будто это было самым важным делом на свете.

Напротив кровати висит на стене мой батик. Я дарила его тёте этой

---

³Одраспан, местное название растения Гармала обыкновенная (*Peganum harmala*). Гармала в мусульманском мире и особенно в Центральной Азии является основным средством для окуривания. Имеет также названия: дикая рута, могильник, истрик, хармал.

весной. На батике – цветущая яблоня у реки, отражающаяся в ночной воде, а в небе три луны – как яблочки. Моя тётя очень хочет выйти замуж, и чтобы у неё были дети. Трое – как лун-яблочек на небе её батика. Хотя у некоторых её ровесниц уже и внуки есть, тётя всё равно верит в своё семейное счастье.

А ещё она верит, что у меня дар. И всё, что я рисую, сбывается. Как восхищалась она моими работами на выставке в изостудии – даже неловко было! А сейчас она прижимает меня к себе своими маленькими ручками, убаюкивает и говорит, что испытания даются людям, чтобы стать сильнее. «Испытания – тренажёр успеха!» – специально с сильным акцентом, чтобы рассмешить меня, изрекает она.

Со стороны, наверное, мы с ней прикольно разговариваем. Она, когда волнуется, переходит на казахский. Я её понимаю, но сама отвечаю на русском – быстро разговаривать по-казахски не умею. А раньше у меня с этим вообще плохо было. Помню, привезли из аула двоюродного брата и оставили у нас на несколько дней. Малыш не понимает по-русски и ничего не боится – ни машин, ни дорог. Бежит, куда захочет! Меня приставили за ним следить. Я родственников прошу: «Хоть скажите, как по-казахски «нельзя» будет, чтобы я могла Ануарку «пасти». – «Болады! Скажешь «Болады!» – Ануарка послушается». Пошли мы гулять. Тут он ка-а-ак рванёт на проезжую часть! Кругом машины носятся, я перепугалась так, что все слова из памяти вылетели, и кричу ему что есть сил: «Бельмеймын⁴, Ануар, бельмеймын!». Прохожие на меня оглядываются, а он сам остановился посреди дороги и так озадаченно смотрит. Тут я вспомнила, что «бельмеймын» на казахском будет «Не знаю!» Сейчас Ануар живёт во Франции, его папу назначили туда в дипкорпус. По-французски, родственники слышали, шпарит всюю.

Он-то с родителями, хоть и на чужбине. А я вот на родине одна-одинёшенька. Бабушка со мной, наверное, никогда в жизни теперь не заговорит. Хорошо что есть у меня тётя Роза!

Моя маленькая и очень быстрая. У неё любимая шутка – увидит меня, кричит: «Жаным⁵, просыпайся!». – «Тётя Роза, я не сплю!». – «Ты спишь, жаным!». Пока она это кричит, параллельно делает какое-нибудь дело. Р-раз – и тесто замесила. Р-раз – и яичница уже готова! «В Книгу рекордов Гиннеса занести меня нужно обязательно!» – хвастает всякий раз, а сама смеётся-заливается.

Работает она посменно, а в свободное время всё бегает по каким-то психологическим тренингам, ездит по святым местам – никогда на месте не сидит. Вот и сейчас – вернулась из Туркестана, рассказывает, чтобы меня отвлечь, что там видела. Её слова долетают до меня сквозь туман, по дороге теряя смысл. Иногда, чтобы она не обижалась, я киваю ей и что-то отвечаю. Всё внутри меня сжато – не только душа, но и где-то в глубине живота, и в голове – и давит всё сильнее, сильнее. Так, что невозможно дышать. За что мне это? Почему всё сразу? Может, это то, что взрослые называют чёрной полосой в жизни? Я никому не делала зла, не желала

⁴Бельмеймын – «не знаю» (пер. с казахского).

⁵Жаным – буквально «моя душа» (пер. с казахского).

плохого. Лица моих одноклассников сливаются в одно, и на нём – страшные глаза. Почему-то это лицо моей классной, она грозит мне, я бегу, мне надо прыгнуть в какую-то яму, но я не могу – слишком глубоко, я всё медлю и не решаюсь прыгнуть. За мной гонятся, догоняют, сейчас схватят... Я кричу, а голоса не слышу, весь мой крик уходит в немую тоску, хочу выдохнуть её – и не могу.

– Жаным, просыпайся, едем! – трясёт меня тётя. – Едем, айналайын⁶, моя красавица, одевайся быстрее! Давай помогу!

– Куда? Я никуда не поеду! Оставьте меня, тётя Роза, я никуда не поеду. Я вообще больше на улицу не выйду, никогда больше не выйду!

– Не оставляю тебя, детка, и не мечтай! Ал⁷, давай, поехали!

За окном – ночь. Или это день такой чёрный? Чёрная полоса в жизни – это когда всё вокруг становится чёрного цвета. Теперь я знаю.

– Никого не хочу видеть!

– Оделась? Молодец!

– Который час?

– Уже шесть. Поедем к Кажы-бабэ, жаным, тебе надо, поехали прямо сейчас!

Тётя тянет меня к выходу, вот я уже сижу у неё в машине. Мне всё равно. Но только я не хочу сейчас никого видеть, ни с кем разговаривать. Если этот человек, как там его, начнёт меня расспрашивать, я буду молчать. И слушать его я тоже не хочу!

Попали бы мы сейчас в аварию, вот было бы здорово! Тётя, конечно, пусть останется жива и здорова, хорошо, если и машина её тоже не пострадает – тётя Роза так с ней носится, гладит внутри по обшивке салона, ласкает. Говорит про машину: «Мой зонтик, моё пальто!». Кредит за неё платит. А вот я бы сейчас очень хотела мгновенно оказаться в другой жизни, потому что эта – невыносима. Может, хоть тогда одноклассники и моя бабушка поняли бы, кого потеряли, над кем издевались. Я даже пристёгиваться специально не стала.

Мы ехали, как и всегда с тётей, очень быстро. Утренний город проносился мимо, как в каком-то боевике. Мосты развязок, где раньше мне хотелось взлететь, сейчас оставляли равнодушной. «Всё это теперь не для меня...». Даже свет фонарей казался мне чёрным.

На лобовом стекле мотались из стороны в сторону перья совы. Утром все ездят быстро – а машин в этот час на улицах уже много. Хватило десяти минут, чтобы выехать за город, в горы. Или сколько там прошло времени... Хотя, какая разница? К сожалению, никто на нас не налетел, и вообще никаких происшествий по дороге не было.

Тётя открыла окна – сладкий утренний воздух ворвался в машину, окружил голову.

Подъехав к какому-то посёлку, зажатому между холмов, она остановила машину.

– Пойдём, жаным!

---

⁶Айналайын – буквально «вокруг тебя хожу» (очень ласковое, трепетное обращение к близким и любимым (пер. с казахского)).

⁷Ал – «давай» (пер. с казахского).

И потянула меня за собой. Собачий оркестр, грянувший с нашим приездом со всех дворов, остался позади и потихоньку смолк. Мы взбирались на холм по неожиданно хорошим ступенькам. Начинался рассвет.

– Тётя Роза, я боюсь. Он будет ругаться, что мы его разбудили. Давайте уйдём, пока не поздно!

– Он не будет ругаться. Ты не знаешь, кто такой Кажы-баба́?

– Какой-нибудь нудный старик?

– Не говори так, не обижай его. Кажы-баба – покровитель нашего города. Те, кто знает, ни одно дело не начинают без его благословения. А закончив, идут к нему с благодарностью.

– Он что, типа городского акима? Зачем мы ему нужны? Он тут живёт?

– Он здесь похоронен.

Мне стало страшно:

– Тате, пойдёте отсюда побыстрее, я боюсь! Мы что, в такое время на кладбище идём?!

Глава 9. Самое необычное утро

Тётя Роза остановилась, подождала, пока я поднимусь к ней на ступеньку, обняла и стала рассказывать:

– Давным-давно, когда тебя ещё не было на свете, в 1990 году, одному человеку стал сниться странный сон, который повторялся несколько раз. Во сне приходил Некто с длинной белой бородой и говорил, что на даче этого человека закопан клад. Давал точные приметы, где именно. Наконец этот человек решился, позвал родственников – с тем, чтобы якобы выкопать погреб. Копали-копали, для погреба уже хватит, но в земле ничего особенного не было. Тогда этот человек, которому снился сон, попросил копать глубже. И в земле оказался гигантский скелет человека.

Мне опять стало страшно, и я крепче прижалась к тётке Розе – так оно надёжнее. Я уже перестала бояться, что на нас нападут какие-нибудь злые люди в посёлке, и здесь, на подъёме, всё хорошо просматривалось и было безопаснее. Но я пока так ничего и не понимала, и от этого тоже мутило.

– Выкопанный скелет был два с половиной метра в длину! Учёные, исследовавшие его, сказали, что он очень-очень древний – ровесник расцвета Древней Греции!

Люди назвали его Кажы-баба́ и увидели в нём покровителя нашего города.

Находка долго была в руках учёных, но потом Человек в белом снова стал являться во сне к выкопавшему, прося предать его останки земле. Через десять лет Кажы-бабу́ повторно захоронили – на холме, неподалёку от того места, где был обнаружен его скелет.

– Кажы-баба́ очень добрый, не бойся! Теперь пойдём, – тётя опять двинулась вперёд. Стало ещё светлее, запели птицы. Только сейчас я заметила, что тётя Роза зачем-то несёт с собой буханку хлеба. Вот мы и на холме. Город отсюда виден, как с колеса обозрения. Какая красотища, дух захватывает! На секунду я даже забыла о своей беде. Мы стояли на краю холма. А за нами находилось нечто, сверху прикрытое полупрозрачной крышей – такими ещё остановки автобусов бывают.

– Айналайын, пойдём, не бойся, – позвала тётя Роза. – Сейчас под землю спустимся, тут не страшно, иди – видишь, ступенечки вырыты. После успеешь наверху постоять.

Она крепко взяла меня за руку, включила фонарик на «сотке», освещая спуск. Вокруг захоронения был прокопан коридор. Та стена коридора, за которой было захоронение, выложена бетонными плитами, холодными и шероховатыми на ощупь. Внизу темно и удивительно безопасно. Тётя приникла лбом к плите и затихла. Фонарик она выключила. Сумерки, тишина, спокойствие... Меня вдруг так обволокло всем этим, что я почувствовала, будто уже умерла, и теперь ни о чём не надо тревожиться или волноваться. Всё так хорошо, спокойно, и всё уже позади. Я в могиле, и мне ничего больше не надо. Я приложила руку к бетонной плите. Там, в глубине, покоились останки огромного человека, жившего так давно, но захотевшего, чтобы о нём знали сейчас. Ладони сделалось удивительно приятно, хотелось касаться и касаться этого грубого бетона, будто бы он – нежный шёлк. Или – чья-то живая рука. Рука любящего меня. Я обогнула тётю и пошла вдоль по коридору вокруг могилы. В полумраке разглядела стул. Мне захотелось присесть на него. Сев, почувствовала себя такой защищённой – будто рядом были и мама, и папа, а я – совсем маленькая, и всё мне нипочём.

Потом вновь нахлынула печаль. Но она стала не такая удушающая, понемногу начала таять. Будто я пожаловалась кому-то очень близкому и доброму, и он утешил меня и сказал, что всё будет хорошо.

И тогда произошло нечто странное, необъяснимое и неожиданное.

Нахлынувшая волна любви, как водопад, смывала весь ужас прошедших дней.

Не знаю, сколько я так просидела – в коридоре по-прежнему стояла ласковая темнота.

– Я люблю, – вдруг прошептала я, сама не знаю кому, и слёзы брызнули у меня из глаз.

Прошло ещё какое-то время – то ли сна, то ли яви.

– Жаным, деточка, где ты? – позвала из полумрака тётя. – Давай оставим Кажу-бабе хлебушка.

Мне тоже захотелось что-нибудь оставить. Я нащупала в кармане носовой платок – сколько раз за последние дни был он промочен слезами!

– Оставляю Вам свой платок – он красивый, с цветами, и дорог мне. Не обижайтесь, что на нём мои слёзы – пусть это будут мои последние слёзы! Я хочу быть счастливой, и я докажу, что имею на это право! И я обязательно ещё вернусь к Вам. И приведу своих близких. Спасибо, спасибо! – я провела ладонями по лицу так, как это делают женщины-мусульманки. Хотя Кажу-баба – он же общий покровитель, и жил так давно, когда ещё не было ни христиан, ни мусульман, но мне почему-то захотелось сделать именно так.

– Теперь надо обойти вокруг него три раза, – мягко сказала тётя, как-то изменившаяся после нашего общего молчания. Она мне показалась моложе и красивее. И такая беззащитная! Куда только делся этот «Мамай», как она иногда себя в шутку называла. Мы обошли вокруг захоронения три раза, каждый раз спускаясь в коридор и поднимаясь по

ступенькам. Мягкий сумрак сменялся светом начинающегося дня, а потом опять наступала темнота.

– Вот так, наверное, люди рождаются и умирают, и снова рождаются, – мысли плыли сами собой, освобождённые от страшной тоски, терзавшей меня ещё так недавно.

Выбравшись в третий и последний раз из подземелья, мы с тётёй Розой остановились на краю холма.

Господи, как хорошо!

Я почувствовала себя птицей! Словно крылья выросли – такая панорама раскинулась под ногами. Казалось, не на холме стою, а парю в воздухе. Любовь, которую я ощутила, сидя в темноте, не отпускала меня – её потоки лились навстречу солнцу, струились щедрыми волнами в город. Это было так странно и необычно, что я раскинула руки и запрокинула голову в небо. На разных краях неба одновременно были и Солнце, и Луна. Позади возвышались снежные горы.

Жизнь изумительна. Как могла я желать смерти? В этот миг то, чему я раньше не придавала особого значения, считая само собой разумеющимся, стало вдруг очень важным: и как стоит моя тётя, и птичья песенка, и город, и небо, и горы, а главное – я сама!

А вот беды мои как-то отодвинулись, слившись в невнятную серую массу. Я даже не смогла вспомнить в деталях то плохое, что произошло со мной за эти дни. Из несчастья – в счастье. Только бы всё не вернулось назад!

Я сжала руки и поклялась себе, глядя на сверкающие новые здания любимого города, что сохраню это чувство радости, которое испытываю сейчас, на всю жизнь. А ещё пообещала себе, что теперь буду не только мечтать, но и выполнять задуманное. Ведь я всё могу! Я представляла, как разрисовываю серые унылые стены – ведь я часто представляю, каким будет город, если его как следует раскрасить! Вообразила, как распускаются цветы на домах благодаря стараниям нашей команды художников. Именно команды – я буду не одна, а с друзьями! Стоп. Друзья? «Обязательно их найду!» – пообещала я себе. И ещё одно «обязательно»: Арсен обязательно поймёт, что был неправ.

– А если не поймёт, то и жить не стоит? – спросил вдруг во мне какой-то ехидный голосочек.

– Если не поймёт, не поверит – значит, ошибалась в нём, и Арсен – не тот человек, которого буду любить, – твёрдо ответила я себе.

Тут волна чувств опять захлестнула меня. Чувствуя спиной поддержку Кажи-бабы, я вдруг задохнулась от радости: неужели это я, Мира, стою здесь и думаю о любви?! Мне даже показалось, что я стала выше ростом. И я могла так стоять и стоять, казалось, весь день.

– Жаным, хочешь, пойдём вон туда в юрту, нам Коран почитают, – предложила тётя.

Но я так боялась расплескать это удивительное ощущение, посетившее меня, что только тихонечко обняла свою тётю Розу, помотала отрицательно головой и пошла вниз с холма.

Продолжение в следующем номере.

Ирина МАТВЕЕВА

“Мне снится дождь...”

***

Жизнь вся, нет, ещё не рассказана.

В. Щукин

Остались рассветы,
 Где жил и не жил.
 Остались все сны лишь в стихах.
 Остались улыбки и горя обвал.
 Вдруг стало ненужным то, что искал.
 Не все стали явью мечты.
 Но снова приходит весна.
 У порога — другие сюжеты.
 Нет, не прожита жизнь
 И ещё не рассказана.

***

Душа — потёмки.
 Свет — душа.
 Играем мы порой на парадоксах.
 То дождь, то солнце — эта игра.
 Алмазные грани слов.
 И паутина стихов.
 Игра ли жизнь?
 Игра вслепую.
 Но нам её не прекратить.
 И заново её нам не начать.
 Игра ли жизнь?
 Игра чужая.
 Свою ты не сыграешь — проживёшь.

***

Счастье моё запоздалое
 Где-то бродит по оврагам.
 Как будто играет в прятки.
 Ищет оно меня,
 Я же его ищу.
 Какие на нём одежды?
 Узнаю ли я его?
 Блеснёшь ли радугою в небе,
 Засмеёшься ли лунным светом,
 Брызги дождя мелькнут на стекле.
 Лики у счастья разные.
 Кто-то кого-то ищет,
 Находит на этой земле.
 Счастье, кажется, возвращается,
 Еле слышны его шаги.
 Где-то оно, где-то рядом.
 Пусть и позднее. Но моё!

***

Вечерний час — это преддверие сна.
Приоткроется ль ночи завеса?
Этот час в преддверии мглы.
Та граница меж светом и тенью,
Где чувства зыбки — полутьма полутонов.
Что мы ждём, что хотим?
Всего лишь за порогом ночи
Новый день обрести и новый покой.

Диалог

Последний раз я еду по этому шоссе.
Крутой вираж один, второй...
Мелькают сосны в лобовом стекле.
— Остановись, прошу! Хочу я выйти, на полянку побежать.
Хочу дышать свободно, полной грудью.
Хочу послушать тишину.
— Но снег сырой и мокрый. Ты утонешь, до поляны не дойдя.
— Хочу я по тропинке в горы подняться, посмотреть вокруг.
— А поезд ждать не будет.
— Хочу на небо я взглянуть и поваляться на снегу! Сюда я больше не вернусь!
Но руки руль безжалостно сжимают.
Ещё немного — и оборвётся лес.
Ещё чуть-чуть — и первые дома
заглянут к нам в окно.
Часы секунды лишь считают.
И в горле спазм — что не дано нам их остановить.

Мне снится дождь

Мне снится дождь в разгар зимы.
Как будто он стучит по крыше.
А я вспоминаю горы в тумане.
Кажется, я говорю с тобой в глубине призрачных улиц.
Здесь ничего не существует.
Дотронуся до двери — сгорит одинокая спичка.
Тусклое солнце не греет.
Прозрачно низка колыбель небосвода, и воздух чужой.
А жизнь нереальна — сплошной перевёртыш.
Мне снится дождь...

***

В одной упряжке мы теперь навек —
 Хоть дождь идёт, хоть снег.
 Жизнь, закуси удила!
 А если не хватит сил?
 Или разбиться придётся на полном скаку?
 Нам приходилось собирать осколки и ранеными быть.
 А если это повторится вновь?
 Что молодость беспечно рассыпает — то зрелость никогда не соберёт.

Тайна

Бережно тайну свою несу,
 Хрупкое счастье оберегая.
 Никто не узнает о тайне моей.
 Это зёрнышко-кроха на донце души.
 Никто не отнимет её у меня.
 Есть тайное счастье, есть!
 Я самая счастливая! Сегодня!
 А завтра — будет завтра.

***

Беспечно время.
 Время жалости не знает.
 Сегодня лето — осень завтра.
 Сегодня дождь — а завтра снег.
 И ночь меняет день.
 Вот час, а вот другой —
 Исчезли, растворились.
 Короткого свиданья боль.
 Утраты сладость.
 Здесь не похож и миг на миг.
 Время отразится на телах.
 Время отразится и на душах.
 Беспечно ль время?
 Беспечен человек!

***

Мы в поиске всегда, везде.
 Но что мы ищем?
 Мечта мерцает и манит.
 Достигнем цели — ну и что?
 Жизнь отцветёт быстрее травы.
 Как время счастья незаметно.
 А время горя — свинец пудовый.
 Мы жаждем новых встреч и новых впечатлений.
 Забыв про всё, мы ищем новых наслаждений!
 Мы ищем призрак!
 А не лучше ль Истину искать?

Страшный суд

... Человекам положено однажды умереть, а потом суд.

Послание к евреям святого апостола Павла. Гл.9, ст.27

Когда-нибудь нас время позовёт на суд.

И жизнь земная мелькнёт калейдоскопом дней и лет.

Жизнь развернётся свитком новым.

А время потеряет смысл.

– Ты мысли прятал от людей?

– Напрасно.

– Скрывал поступки?

– Зря.

Откроются постыдные деянья.

Все тайные движения души, все – обнажатся.

И нечем стыд прикрыть. Да, стыд и сожаленье.

Нам оправдаться нечем.

Лишь чёрным дымом – шлейф грехов.

Душа мытарствам горьким обречена.

О, Страшный суд! О, справедливый суд...

***

Порву засушенный цветок.

Тот, что ты мне дарил однажды.

Порву любовь сентябрьским вечером унылым.

Что легче: на клочья сердце разорвать

Иль выбросить засушенный цветок?

А сколько ты разбил сердец?

Пусть лепестки летят и мокнут под дождём.

Ах, роза! В мае ты была свежа.

Живой цветок, ты стал сухим.

А май сменился сентябрём.

Порву любовь как горько-сладкий хмель.

Порву воспоминания о ней.

Мелькнули наши лица на миг

В изломанном стекле.

Прости! Никто ни в чём не виноват.

г. Петропавловск.

Сауле БЕККУЛОВА

Наурыз – праздник Солнца

*Если в лучах ты надежды –
сердце ищи себе, сердце,
Если ты в обществе друга –
сердцем гляди в его сердце,
Храм и бесчисленность храмов
меньше, чем малое сердце,
Брось же свою ты Каабу,
сердцем ищи себе сердце, –*

это Омар Хайям звал человека и человечество много веков тому назад в день завтрашний, приближая вечно новую радость жизни с верой в Завтра, как в себя и в Космос. Новый день, как Год, и Век, и Тысячелетие – всегда ожидание праздника, Любви и Солнца. Восток этот праздник ведёт от седой древности, именуя его Наурыз – «новый день» (от первоисточников фарси). Улыбается юная весна, освобождаясь от снежной пелены и ненастья, поют небесными голосами птицы, настраивая душу на свет и предчувствие любви, бережно раскрывает ладони степей и гор мудрая Мать-Земля – всё просыпается навстречу близкому грядущему. День весеннего равноденствия – день отсчёта для дел добрых и великих. И текут ручьи людские, сливаясь в потоки, раскрывая души, поднимая лица к Небу, прощая и принимая прощение, плача и смеясь, навстречу друг другу, на встречу с самим собой – каждый.

Завершается в эти дни очищающий тело и душу мусульманина священный месяц Рамазан, и в преддверии всего нового встречает он доброе время Восхода. Хорошо бы помнить об истоках Наурыза, возникшего ещё до зороастризма, до прихода мусульманства в Казахстан, до... «История идёт всегда следом за литературой», – говорил ещё Аристотель. Исследуя природу его учений, Аль-Фараби в трактатах по философии, музыке, астрономии, математике и теософии вознёс идею о высшем назначении человека на пьедестал духовности. И именно из тех легендарных дней ведут в день сегодняшний пути познания природы человеческой души, её настрой на космическую глубину и ширь познания мира. Природа, даря нам в эти волшебные весенние дни Наурыза – а он длится месяц! – солнечную энергию радости, требует взамен послушания своим законам. Они на редкость просты. «Самое верное доказательство бытия Бога – это то, что хоть каждый и изъясняется по-разному, но уже в течение многих тысячелетий все утверждают, что есть некий великий бог. И то обстоятельство, что превеликое множество различных религий называли Справедливость и Любовь свойствами, украшающими Бога.

Мы – не творцы, а смертные, познающие Творца по его отражению в творении. Наша цель – эти самые Любовь и Справедливость.

Ибо люди превосходят друг друга степенью осознания сокровеннейших тайн Творца. Веруют не для того, чтобы убедить других (а из осознанной внутренней необходимости).

Начала добродетели – это чувства Любви и Справедливости. Они нужны везде и влияют на всё. Ибо так положено Богом. Даже жеребец, овладевший кобылой, испытывает к ней чувство любви. В ком много чувства справедливости и любви, тот – знающий, тот – разумный.

Наука не выдумывается, она проистекает из того, что мы чувствуем и осознаём уже созданный мир при помощи зрения и разума. Так велел нам мудрый Абай в одном из своих монологов-размышлений.

Выдающийся мыслитель и поэт современности Магжан Жумабаев написал о Наурызе в начале прошлого века (1921-27 гг.): «Новый год празднуют все народы. И у разных народов он начинается в разное время года. Например, у одних народов Европы Новый год начинается 1 января, у других – 1 сентября. Во многих странах Азии – весной, у казахов – 22 марта.

Но в какое бы время года ни начинался Новый год, связан он прежде всего с сельским хозяйством. В основе установления начала года у всех народов обязательно присутствует фактор, обусловленный работой крестьянина на земле.

... Казахский Новый год свободен от религиозных представлений и влияний. В этот праздник не совершаются религиозные обряды. Встречаясь друг с другом, люди говорят: «Жасын кутты болсын!» (Счастливых лет!).

По погоде первого дня нового года казахи определяли и предсказывали, каким будет предстоящий год, благоприятным, плодородным или же наоборот.

По казахскому обычаю в Новый год в каждой семье варится праздничный суп – коже. Варится он только из головы зимнего убоя – согыма. В казан, где варится мясо, наливают много молока, добавляют злаки. Лобную часть головы едят пожилые, уши дают детям, остальное съедают все, кто заходит в этот дом. Перед кушанием произносят такое благословение-бата: «Пусть в доме не переводится молочная пища, мяса пусть будет в досталь зимой, долгих лет жизни всем».

Смысл подобного обряда, когда варится и съедается коже, заключается в том, чтобы встретить, наконец, лето и после зимних кушаний, состоящих из красного (мясо), перейти на молочную (белую) пищу. То, что варится только голова, означает расставание со снежной зимой, зимней мясной пищей.

Казахский Новый год – 22 марта – день весеннего равноденствия, когда сутки разделены поровну на день и ночь. Со следующего дня нового года день становится длиннее ночи. Свет и тепло увеличиваются. Холод и тьма отступают... Казахский Новый год зовётся Наурызом... Этот праздник надо отмечать особо, с пользой для общества. Его необходимо связать с наукой, бытом, жизнью простого человека. В учебную программу для учащихся школ тему «Наурыз»

ввести как комплексную программу отличия классов... Поздравляем с Новым годом учителей, учащихся, аульных бедняков. Желаем процветания, новой жизни, новых достижений на новом пути развития!».

А в поэзии Магжана весна предстаёт в таком обличьи:

*... Свежею водой умылась,
празднично принарядилась,
и красуется земля,
радуясь и веселя
разнотравьем и цветами,
многоцветными шелками,
многозвучием речей.
И с неё, своей отрады,
целый день не сводит взгляда
Солнце – ласковая мать...*

И вторит ему Мукагали Макатаев:

*Мой день короткий пронесётся тенью,
Но вечна жизнь
В цветении весеннем.
Взойди же, солнце завтрашнего дня,
И улыбнись, и озарись весельем!*

Мир улыбается, откликаясь на наши чистые помыслы и деяния. И тогда весна наступает в сердце каждого. Новый день, Наурыз, приходит в каждый дом, по всей земле. С праздником, дорогие сограждане маленькой планеты с драгоценным именем Земля! Кто лучше Олжаса спел о ней:

*Кружись, айналайн, Земля моя!
Как никто,
я сегодня тебя понимаю!
Все болезни твои на себя принимаю,
Я кочую, кружусь по дорогам твоим...*

г. Алматы.

Татьяна НИКИТИНА

У Вселенной на ладони

Уходящей Душе

Ты ушла из рассвета	Пусть обличье немое
Не с тем, чтоб уснуть.	Тебя не страшит.
Чтоб на краешке лета	Вечность песню не смоет
В закате блеснуть!	На струнах души.

Мы склонились сердцами	Твои слёзы, как росы
Над ярким огнём,	В том райском саду,
Чтоб, любовью мерцая,	Где Душа станет взрослой
Быть в Храме твоём!	У звёзд на виду.

Не уйду, а возвращаюсь...

Белой птицею над садом
Я ещё в объятьях дома,
Чтоб побыть с тобою рядом
В ощущении знакомом.

Уношу я день вчерашний
Незаконченного лета...
Всё погасло, но не страшно, —
Во Вселенной столько света!

Миг побыть в луче рассветном
И в твоём сердцебиенье.
Мой уход с исходом лета
Он всего лишь возвращенье.

Мои мысли в ходе странствий
Не отбрасывают тени.
Мы живём в одном пространстве,
Только с разным освещеньем.

В том потоке ярко-белом
Так приятно возноситься,
Чтобы жить в огромном Целом
Моей маленькой частице!

Я в твои проникну взгляды,
Чтоб ушли навеки слёзы
И зажглись над лунным садом
Росы звёздные на розах!

Звёздные цветы

Как безмятежности порыв,
Как сон волшебный наяву,
Ты проникаешь сквозь миры,
Поскольку я тебя зову.

Во мне, проснувшейся от сна,
Ты так таинственно звучишь.

Во вдохе каждом — новизна
И ароматные лучи.

Как дар Великой Пустоты,
Всепроникающим огнём
Пылают звёздные цветы
Для заблудившихся вдвоём.

Услышь

Проникаю любя
В измеренье спокойств.
Я меняю себя
До неведомых свойств.

Ощущаю семью, —
Настоящий мой дом.
Резонирую. Вью
Во Вселенной гнездо.

Не касаются тени
Этой мирной игры.
В ней умиротворенье
Наполняет миры.

Смоет время-вода
Тех, кто бродит звеня.
Ты не сможешь тогда
Не услышать меня.

Через детство

Лишь над собой предвижу власть,
Беру в пути сознанья след.
И словно вновь я родилась,
Чтобы понять причины бед.

С какой-то прошлой высоты
В ненастье душу веселя,
Спустились детские мечты
Очистить память от быльях.

Чтоб с изумлённым блеском глаз
Я постаралась день прожить
И возвела, как в первый раз,
Грядущей жизни этажи.

Благодарение

Благодарю тебя, Всевышний,
За то, что ты хранишь мой дом,
Что не была ни дня я лишней
В твоём потоке световом.

Что многократно вдохновляя
Меня в преддверье разных дат,
Ты мне дарил блаженство рая,
В котором трудно верить в ад.

В любви, признание и успехе
Стою среди твоих щедрот.
Ещё другие будут веки.
Жизнь продолжается. Вперёд!

В пространстве сердца...

Прими сияющую весть, —
Где отыскать заветный рай.
Всё, что желанно в мире есть,
Ты не смущайся — выбирай.

Раскрой таинственный секрет
В пространстве сердца твоего.
Не для него понятие — «нет»
И все «нельзя» не для него.

Любовь потребуй у судьбы,
В тебе заложен этот взлёт.
Дорогу к сердцу не забыть —
И всё само произойдёт.

Рассветных душ прикосновенье

Мечта то ходит где-то мимо,
То обнимает тёплым маем.
Природа чувств необъяснима,
А мы так ясности желаем.

Рискуя образом трёхмерным,
Дух зажигает атом каждый.
Мы излучились бы, наверно,
Но всё восполнится однажды.

Нахлынет пламя ярких радуг.
И лёгкой поступью, по кромке, —
К заветным судьбам выйдет радость
И аромат подарит тонкий.

Рассветных душ прикосновенье
Таким изысканным случится,
Что вдруг исчезнут в мире тени
И озарятся счастьем лица!

У Вселенной на ладони

Разобщённости метели
Отменили мы до срока.
На межзвёздных параллелях
Нам с тобой не одиноко.
Сколько можно притворяться,
Что я девушка простая?!
В млечном веере абстракций
Я себя, как мир, листаю.

Очутившись утром рано
У Вселенной на ладони,
Я лучом рассветным стану,
Чтобы быть ещё бездонней.
Сколько можно собираться
Покорять миры любовью?!
Как волна твоих вибраций
Я в тебе чего-то стою.

Не пройди заветной дверцы!
Ты нашёл её! И славно..
Это я в пространстве сердца
Говорю тебе о главном.
Это я иду из ниши
По нехоженому свету.
Ты незримо мною дышишь,
Но не смеешь верить в это.

Это я в лучах нетленных,
Это я в твоих вселенных.
У Вселенной на ладони
На межзвёздных параллелях.

г. Астана.

В Павлодаре вышел в свет сборник воспоминаний павлодарцев об А.И. Цветаевой, замечательной русской писательнице, чья жизнь многие годы была связана с городом на Иртыше. Это издание выпущено при поддержке редакции газеты «Звезда Прииртышья», Центра аналитической информации управления внутренней политики акимата Павлодарской области и Дома-музея Н.Г. Шафера. Составители сборника – обозреватель «Звезды Прииртышья» Ольга Григорьева и директор Дома-музея Шафера Татьяна Корешкова.

Предисловие

Анастасия Цветаева.

«...Мы жили 18 лет в Павлодаре, где он работал фининспектором строительства. На пенсию он вышел 63-х лет и после долгих хлопот получил квартиру и прописку в Москве...» – так писала о своём сыне, Андрее Борисовиче Трухачёве (в книге «Памятник сыну») Анастасия Ивановна Цветаева, замечательная русская писательница, уникальная личность, младшая сестра великого русского поэта Марины Цветаевой. Да, судьба А.И. Цветаевой была связана с Павлодаром многие годы. С 1957 по 1959 годы она жила здесь постоянно, а до 1974-го ежегодно приезжала и подолгу гостила в семье сына, воспитывая внучек Риту и Олю, не прекращая работать над главной книгой своей жизни «Воспоминания» и другими произведениями. Павлодарцы хорошо помнят и «бабушку Асю», и всю семью Трухачёвых. К сожалению, всё меньше остаётся в живых старожилов города, кто непосредственно общался с Анастасией Ивановной. Но, слава Богу, живут в Павлодаре её приёмный внук Геннадий Васильевич Зеленин и его жена Раиса Иосифовна; вспоминают Андрея Борисовича Трухачёва его сослуживцы; помнят сестёр Трухачёвых и «бабушку Асю» одноклассницы Риты и Оли.

Новый всплеск интереса к творчеству Марины и Анастасии Цветаевых возник в Павлодаре уже в 21-м веке, когда в нашем городе стали проводиться ежегодные осенние праздники поэзии – Цветаевские костры. На каждом из них звучат не только стихи Марины Цветаевой, отрывки из произведений Анастасии Ивановны, но и воспоминания павлодарцев. В 2011 году состоялся уже седьмой павлодарский Цветаевский костёр.

Его организаторы – павлодарский Дом-музей Н.Г. Шафера и редакция областной газеты «Звезда Прииртышья» решили отметить это событие выпуском сборника, в котором представлены воспоминания павлодарцев об Анастасии Ивановне Цветаевой. Благодаря её имени наш город стал яркой точкой на карте мировой литературы, А.И. Цветаевой писали в Павлодар Борис Пастернак и Павел Антокольский, название Павлодара встречается во многих произведениях А.И. Цветаевой.

В книге «Последний луч Серебряного века», вышедшей в Москве в

2010 году, были собраны воспоминания, касающиеся в основном московского периода жизни А.И. Цветаевой. Во вступительной статье «От составителей» говорится: «...Пришло время воздать долг памяти последней современнице двух эпох – Серебряного века русской культуры и «века-волкодава», стремившегося обратиться в лагерную пыль лучших представителей своего предшественника. Долг за нами. Если она сохранила память о многих, то теперь – время многим отдать дань памяти одной неповторимой личности: Анастасии Цветаевой».

Пусть эти воспоминания павлодарцев станут знаком любви и признательности горожан к «последнему лучу Серебряного века», человеку нелёгкой судьбы, поразительного мужества и неповторимого таланта – Анастасии Ивановне Цветаевой.

Ольга ГРИГОРЬЕВА,

*поэт, журналист, лауреат литературной премии
им. Марины Цветаевой.*

!

Воспоминания павлодарцев:

Геннадий Васильевич ЗЕЛЕНИН, внук Анастасии Ивановны Цветаевой (сын Нины Андреевны Трухачёвой от первого брака):

– В деревню Пихтовку Новосибирской области, где отбывала ссылку А.И. Цветаева, мы с мамой и моей младшей сестрой Ритой приехали летом 1951 года. Наш приезд Анастасия Ивановна потом подробно описала в своей повести «Моя Сибирь». Мне было 13 лет, Рите – три с половиной года. Бабушка занималась со мной русским языком, арифметикой, немецким.

В бытовом отношении жили тяжело. Хорошо помню избушку, в которой пришлось нам зимовать вчетвером: три на три метра, тепло не держится... Ни одеть, ни обуть, ни покушать...

Мы застали Анастасию Ивановну в очень тяжёлом состоянии. В то время со всех ссыльных взяли подписку о невыезде, это означало, что жить им всем в этой глухомани до смерти. Анастасия Ивановна была на грани срыва. Мы по очереди дежурили ночами, чтоб она с собой ничего не сделала. Могла повториться судьба Марины... Слава Богу, всё обошлось. Заботы о хлебе насущном, о маленькой Рите вернули её к жизни. В Пихтовке мы жили до 1956 года, потом уехали в Салават, в Башкирию, где в то время был А.Б. Трухачёв. Но пожил там недолго. Андрею Борисовичу город не нравился – очень загазованный, грязный, к тому же он сидел в тех местах – тяжёлые воспоминания. В начале 1957 года мама, отчим, бабушка и Рита переехали в Павлодар. А я приехал попозже, в сентябре. Уже родилась моя вторая сестра – Ольга. Мы жили по ул. К. Маркса, на квартире у Хариных.

В апреле 1958 года в этот дом приезжала в гости дочь Марины Ивановны Цветаевой – Ариадна Сергеевна Эфрон. Я в это время служил в армии, но мама прислала мне фотографию, где они все вместе в этом доме.

... Анастасия Ивановна была глубоко верующим человеком, знала много молитв. И в Павлодаре, и в Москве ходила в церковь. Не эта ли вера

помогала ей выжить в лагерях, тюрьмах, ссылке?..

Раиса Иосифовна ЗЕЛЕНИНА, жена Г.В. Зеленина:

– На Пасху бабушка всегда была здесь, в Павлодаре. И всегда привозила всем подарки. Пусть какой-то пустячок, сувенир, набор открыток, но – обязательно всем, никого не забывала!

Зоя Петровна ЦЕРБИНКО, педагог:

– Конец 50-х годов. Конец августа. Стоят тёплые, ясные дни. Мы с дочерью пошли прогуляться к берегу Иртыша (жили недалеко). Пляж был пустынный, уже никто не купался. Вслед за нами прибежала девочка примерно того же возраста, что и моя (11-12 лет), они быстро познакомились, стали играть в песке. За нею пришла пожилая женщина, ниже среднего роста, с быстрыми стремительными движениями сухощавой фигуры, одетая более чем скромно. Приблизилась к играющим девочкам и обратилась к своей явно не на русском языке. Я насторожилась, прислушалась, они обменивались фразами на английском. Мне показалось это странным. Захотелось узнать, кто они, чем объяснить их английскую речь. Слово за слово, мы разговорились. Моя собеседница оказалась очень общительной, интеллигентной женщиной, владеющей чистым русским литературным языком...

В моей новой знакомой сразу же обозначилась очень интересная собеседница, и я с большим вниманием слушала её рассказы об отце – Иване Владимировиче Цветаеве, основателе Музея изящных искусств в Москве, о семье, о матери – талантливой пианистке, наконец, о себе, как она попала сюда, что эта девочка Рита – её внучка, и она готовит её к поступлению на факультет иностранных языков...

Так мы познакомились. Подружились и наши девочки.

Встречались мы с Анастасией Ивановной не очень часто, но даже в эти редкие встречи удалось узнать многое. Анастасия Ивановна была удивительно живой рассказчицей. Её можно было слушать часами с неослабевающим интересом. Любая тема вызывала в ней живой отклик – это результат начитанности и большого жизненного опыта...

Получив за книгу «Воспоминания» энную сумму денег, Анастасия Ивановна потратила их не на приобретение вещей, казалось бы, так необходимых для неё (не было тёплого зимнего пальто), а на поездку в Ригу, для совершенствования навыков игры на фортепиано младшей внучки Ольги...

По отношению к своим внучкам, Рите и Оле, Анастасия Ивановна старалась продолжать традиции семейного домашнего воспитания, которое они с Мариной получили в семье родителей.

А.И. Цветаева с внучками.

...В моей памяти она запечатлелась как человек с неиссякаемо жизнерадостным мироощущением, несмотря на все невзгоды и превратности судьбы.

Юрий Моисеевич РЕЗНИКОВ, в 70-е годы работал заведующим областным Домом политпросвещения:

– Я познакомился с Анастасией Ивановной в 1970 году, в семье Щербинко, куда она пришла в гости. Завязалась беседа. Я никогда не задал Анастасии Ивановне ни одного вопроса о прошлом. Считаю, это было бы бестактным. Она была истинная дворянка, настоящий интеллигент, интеллеktуал. Мы говорили о литературе, искусстве. В нашу первую встречу речь шла, в частности, о поэзии Осипа Мандельштама, Бориса Пастернака, современного поэта Евгения Винокурова, чьи стихи Анастасии Ивановне нравились.

Я следил за творчеством А.И. Цветаевой и к следующей встрече переплёл главы из будущей книги «Воспоминания», которые печатались в «Новом мире» за 1966 год, № 1,2. Анастасия Ивановна подписала эту книжку так: «Юрию Моисеевичу Резникову на добрую память о встрече в гостеприимном доме Щербинко в Павлодаре в марте 1970 г. В надежде на настоящую мою книгу «Воспоминаний». Анастасия Цветаева». 19 мая 1972 года Анастасия Ивановна подарила нам и долгожданные «Воспоминания», причём подписала книги мне и моей супруге Нине Викторовне.

С автографами Анастасии Ивановны у нас хранятся журналы «Москва» за 1977 и 1981 годы, «Юность» за 1988 год, «Звезда» за 1984, «Даугава» за 1980, 2-е и 3-е издание «Воспоминаний», «Моя Сибирь», «Мастер волшебного звона». Подпись на последней книге начинается так: «Верному любителю книг Юрию Моисеевичу Резникову...».

После 1972 года я дважды был у А.И. Цветаевой в Москве. При первом посещении встретился там с литературоведом С.В. Грибановым, который нашёл, где похоронен сын М. Цветаевой – Мур (Георгий). Грибанов сказал, что его статья о судьбе сына М. Цветаевой опубликована в журнале «Неман» № 8 за 1975 год. Я стал искать эту публикацию и в одном из букинистических магазинов Москвы купил журнал.

На этой первой встрече в Москве разговор шёл также об увековечении памяти отца, профессора И.В. Цветаева. 24 года жизни он отдал созданию Музея изящных искусств, об экспозиции которого писал в 1912 году Илья Репин: «Какую жемчужину подарил нам Цветаев – ай да экспозиция! Продуман каждый шаг...». Я даже ездил в музей, разговаривал с его директором на эту тему.

Одна стена в комнате А.И. Цветаевой была полностью увешена фотографиями. Анастасия Ивановна рассказывала об этих людях – представителях старой русской интеллигенции, большинство из которых были репрессированы.

Во вторую встречу в Москве, уже в квартире Цветаевой на Большой Спасской, мы беседовали о замечательной польской певице Анне Герман, очерк Цветаевой о которой будет потом опубликован. Потом речь зашла о просмотренной ею накануне новой постановке спектакля «Анна Каренина» в театре Вахтангова. Хорошо что я успел его посмотреть до встречи с

Анастасией Ивановной. Как бы я выглядел... Я довольно критически отозвался о новой постановке вахтанговцев, проанализировал работу режиссёра и игру актёров, и Цветаева полностью со мной согласилась...

Валентина Ивановна ПИШКИНА, врач:

– В 1957 году я закончила медицинский институт и начала работать в Павлодаре участковым терапевтом. Однажды на приём ко мне зашли двое – маленькая сухонькая бабушка и симпатичный мужчина лет пятидесяти, интеллигентного вида. В этом не было ничего удивительного, нередко взрослые дети приводят к врачу престарелых родителей... Но оказалось – наоборот. Это бабушка привела на приём сына! Это была Анастасия Ивановна Цветаева. Она сказала, что её очень беспокоит кашель Андрея, попросила направление на рентген. «У нас в семье плохая наследственность по туберкулёзу, – добавила она, – моя мама умерла от туберкулёза, сводный брат...». К счастью, обследование Андрея Борисовича не подтвердило её опасений, у него был катар верхних дыхательных путей... Эта необычная семья запомнилась мне надолго. Потом не раз бывала я у них дома, по вызову, на улице Карла Маркса.

Галина Ивановна ПИШКИНА, педагог:

–... Две встречи с писательницей Анастасией Ивановной Цветаевой выпадают на начало моей педагогической работы. Дружила я с семьёй Васильевых. С главой семьи, Иваном Игнатьевичем, я работала один год в вечерней школе № 1, а затем в педучилище. Он историк по специальности, но любил литературу, как и историю. Последние годы жизни в Павлодаре (семья уехала в Москву) он служил в КГБ, так как в совершенстве владел английским языком. Как-то (это была середина 60-х годов) звонит мне его жена Зинаида Ивановна и говорит, что приехала А.И. Цветаева к сыну. О приезде узнал и сообщил ей Иван Игнатьевич. Незадолго до этого мы с Зинаидой Ивановной купили книгу стихов Марины Цветаевой в серии «Большая библиотека поэта». Я увлеклась поэзией Марины, полюбила её стихи, знала несколько её стихов наизусть. Договорились, что возьмём книги и пойдём к её сестре – Анастасии Ивановне, живущей у сына в городке молзавода. Встреча была недолгой, неудобно было задерживаться: мы пришли не по приглашению. Разговаривали о Марине, стихах её. Получили автографы. Разве мы знали тогда, что Анастасия Ивановна станет известной талантливой писательницей! Для нас она была просто сестрой любимой нами поэтессы. Когда я смотрю на фотографии Анастасии Ивановны этого времени, то вспоминается внешний облик её. А манера разговора её была проста, речь – литературно грамотна. Вот это я помню.

Однажды по рекомендации Ларисы Яковлевны Летинской (окулист, с которой работала и была дружна моя сестра Валентина Ивановна), Анастасия Ивановна вдруг пришла с внучкой ко мне домой. Встреча была недолгой. Помню, что Анастасия Ивановна просила меня позаниматься русским языком с её внучкой. Я отказала ей из-за нехватки времени. А может, испугалась ответственности, хотя и мало представляла, кто передо мной.

Это была женщина, которой Богом дано было прожить долгую-долгую жизнь и стать известной русской писательницей.

Татьяна КОКОРЕВА (ПАХОМОВА), одноклассница Риты Трухачёвой:

– Когда бы мы ни пришли к Рите, бабушка всегда работала – писала, писала, писала... Везде лежали рукописи. Иногда она устраивала себе перерыв на 15 минут и говорила, чтобы в доме была тишина. Мы ходили на цыпочках... Отдыхала она ровно 15 минут, а потом снова работала.

... Многие павлодарцы специально приходили на каток посмотреть, как 70-летняя бабушка вместе с внучкой и её подружками катается на коньках. Анастасия Ивановна каталась с нами на беговых коньках. Бывали и курьёзы. Она ведь была худенькая, стройная, даже вёрткая. Слышим, мальчишки за нашими спинами договариваются: «Давай толкнём вон ту девчонку!». С двух сторон подъезжают, глядь – а это бабушка!

Ела Анастасия Ивановна только вегетарианскую пищу, «пичкала кашами» Риту и Олю, а порой и нам доставалось... Иногда забежим к ним, позвать Риту на прогулку, а бабушка усадит нас за стол и заставляет в обязательном порядке съесть кашу. Были случаи, когда мы незаметно складывали густую кашу в карманы и делали вид, что съели всё. Тогда Анастасия Ивановна отпускала нас гулять...

Удивлялись мы тому, как бабушка кормила внучек ягодами и фруктами, она всегда обдавала ягоды кипятком, да не один раз. Понятно, что малина превращалась в кашу. Мы-то всегда ели её с куста, немьгую... Только много лет спустя, узнав о том, что в Крыму в 1917 году умер от дизентерии младший сын Анастасии Ивановны Алёша, мы поняли такое её поведение. Она страшно беспокоилась о здоровье Риты и Оли...

Лидия Петровна СОТНИК (ГАТЫЧ), одноклассница Риты:

– В доме Трухачёвых в Павлодаре везде были иконы, много икон, чего в наших домах не было. Нас это удивляло...

Помню, что когда к Анастасии Ивановне в Москву должна была приехать жена Романа Роллана (Майя Кювилье-Кудашева, подруга сестёр Цветаевых с 1911 года. – **О.Г.**), бабушка вызвала Риту к себе из Павлодара. Когда Рита вернулась, мы с трепетом её расспрашивали, какая она, супруга самого Роллана? Для нас она была легендой...

Анастасия Ивановна занималась с внучками языками, музыкой. И, конечно, они выделялись среди одноклассников. Оля вспоминает, что даже в поезде, когда они ехали с бабушкой из Павлодара в Москву, Анастасия Ивановна рисовала на бумаге клавиши пианино, раскладывала на столике в купе и заставляла «играть». Она учила их беречь время. Обращалась она с девочками довольно строго...

Галина Яковлевна БЕСПАЛОВА, художница, член Союза художников Казахстана:

– Я родилась в городе Павлодаре и всё детство провела в городке завода молконсервов. В основном там жили начальники, к примеру, директор завода, прокурор. Мама случайно там получила квартиру. Там же проживали и ссыльные, несколько семей ссыльных. Среди них семья Трухачёвых. К своему сыну Андрею Борисовичу и приезжала Анастасия Цветаева. Приезжала она часто: весной, осенью, бывала зимой, реже летом. Летом они вообще уезжали с внучками в путешествие.

Анастасия Ивановна не походила на всех нас, живущих в нашем

городе. Она была поджарая, суховатая женщина. Одевалась абсолютно во всё чёрное, носила шляпку, которую в городе редко в те времена можно было увидеть... Ходила она с большим зонтом. И я, конечно же, обращала на неё внимание и следила за ней. Мне довелось быть в их квартире, т.к. они были нашими соседями, и моя мама была очень дружна с Анастасией Ивановной. Как-то Анастасия Ивановна подарила маме красивую белую шаль с огромными кистями.

Уходя на работу, мама очень часто оставляла меня одну. Тогда Трухачёвы брали меня к себе домой, иногда кормили... Да нет, не иногда, а всегда, когда я там оставалась и играла! Я часто наблюдала такую сцену, как она обучала своих внучек Риту и Ольгу иностранным языкам. Нас садили всех за стол, и она велела внучкам называть все обиходные слова: тарелка, ложка и т.д. – на немецком, французском и английском языках.

Я помню красивое старинное пианино с подсвечниками. Такого я раньше нигде не видела... Ярким впечатлением осталось в памяти то, что там, в обстановке комнаты, время от времени появлялись какие-то ленинградские, московские вещи, которых у нас невозможно было увидеть. И посуда, и что-то из обихода...

Ещё одно незабываемое воспоминание – Анастасия Ивановна на беговых коньках. Она выходила на стадион (он находится рядом с нашими домами), на лёд, чаще всего одна. Днём стадион был обычно закрыт, но она договаривалась со сторожем. Сторож был страшно удивлён, что «бабуля» становится на беговые коньки и нарезает круги!

И ещё одно событие запало в память. Для меня это было неожиданно, но она вообще была непредсказуема, она была не нашего круга... Так вот. Когда Рита заболела ангиной, а она училась уже в старших классах – такая дородная девочка крепенькая – так бабушка её на саночках везла из школы, дабы она не шла пешком, потому что ангина... Она очень переживала за здоровье внучек.

Анастасия Ивановна приезжала в Павлодар каждый год обязательно, и я её всегда видела. Для меня она была неординарной, необычной личностью.

Именно она привезла мне в подарок настоящие ленинградские акварельные краски с хорошей кисточкой! Она обратила внимание на то, что я рисую, и специально для меня привезла их. И это был самый дорогой, самый драгоценный подарок в моей жизни, потому что такой кисточкой и настоящими красками рисовать для меня было необыкновенным счастьем. Возможно, именно эти краски, подаренные Анастасией Ивановной, и определили всю мою дальнейшую судьбу.

Гуляра Шамильевна ЧИСТЯКОВА, педагог:

– Наверное, я счастливый человек. Судьба подарила мне несколько встреч с интересными людьми 20-го века. В моей памяти живут воспоминания о встречах (пусть коротких, но они были!) с Василием Лановым, Алексеем Кузнецовым, Виталием Соломиным, Иннокентием Смоктуновским, Андреем Мироновым. Бережно храню автографы, совместные снимки.

Но с особым чувством гордости я вспоминаю дни, проведённые

рядом с талантливой писательницей, удивительным человеком Анастасией Цветаевой, сестрой великого поэта Марины Цветаевой.

В 60-е годы, когда я работала в музыкальной школе, расположенной тогда на берегу Иртыша, ко мне на урок по классу фортепиано пришла Оля Трухачёва. Худенькая, несколько рассеянная, она занималась неровно, немного отставала от намеченной мной программы. На мою обеспокоенность директор школы Любовь Петровна Малинина сказала, что весной приедет из Москвы её бабушка, которая поможет внучке подтянуться. Бабушка действительно приехала. И каково же было моё удивление, когда в класс вместе с моей ученицей вошла не просто бабушка, а знаменитая писательница, дочь известного Ивана Владимировича Цветаева – Анастасия Ивановна Цветаева! Бабушка присутствовала на всех наших занятиях, внимательно слушала замечания, записывала каждое моё слово. Разумеется, контролировала домашние занятия. Оля благополучно выполнила программу и перешла во второй класс.

На летние каникулы Анастасия Ивановна увозила Ольгу в Прибалтику, в Крым, где они отдыхали в Доме писателей и продолжали заниматься музыкой. Занималась бабушка с Олей даже в поезде по пути следования, заставляя её играть на... картонном листе, где собственноручно рисовала клавиатуру фортепиано и сверяла по моим записям точность аппликатуры и нотного текста. Постепенно Оля стала делать большие успехи, во многом благодаря стараниям своей необыкновенной бабушки, которую любовно называла «баб».

Встречались мы с Анастасией Ивановной и вне уроков. Всегда меня поражала её энергичность, её интерес к Павлодару, городу, в котором она пребывала, к новым постановкам в драмтеатре, к новым строительным объектам. Она любила общаться и с известными людьми, и с простыми людьми «из народа». Когда я пригласила её в музыкальное училище, где тогда работала, на встречу со студентами, то, несмотря на свою занятость, писательница любезно согласилась. Зал встретил её стоя и долго не отпускал после необыкновенной встречи, потому что она была удивительно интересным собеседником.

Две незабываемые встречи были у меня с Анастасией Ивановной. Тогда она рассказывала о своей трудной судьбе и той несправедливости, с которой пришлось ей столкнуться в жизни. Но, что меня поразило, – не было в ней озлобленности, обиды на тех, из-за кого пришлось ей незаслуженно страдать. Деликатно обходила она тему трагичности последних дней и кончины своей сестры Марины. Но охотно отвечала на мои вопросы о поэтах, писателях. Меня удивил её рассказ о том, что Владимир Маяковский дома, в быту, был тихим, скромным человеком, любящим сыном. Восторженно рассказывала Анастасия Ивановна о переписке с Максимом Горьким, о встрече с ним в Италии. Она высоко ценила мнение Горького о своих произведениях. Помню её слова, что был он очень высокий, с короткой стрижкой, рыжими длинными усами, довольно строгий и в разговоре «окал». Помню её рассказ о встречах с вдовой Ромена Роллана, о том,

что они любили сидеть на диванчике, поджав ноги, как это принято на Востоке, и часами говорили о литературе, искусстве.

Говорила Анастасия Ивановна быстро, фразы были довольно витиеваты, с лирическими отступлениями. Но как интересно было слушать такую необычную для обихода речь! Когда она уехала в Москву, мы продолжали общаться через переписку. К праздникам я отправляла ей бандероли с шарфами, беретами, которые она любила носить, тканями. Она обещала выслать свою книгу «Воспоминаний», как только она будет опубликована. И выполнила своё обещание! Какова была моя радость, когда я получила бандероль с книгой и с такой замечательной дарственной надписью. Кроме того, была приписка, что на фотографии, размещённой на титульном листе, она снята в сарафане и блузке из тканей, которые я ей высылала! А через 2 года я получила от неё и второе издание книги с такими же тёплыми словами ко мне.

Анастасия Ивановна до преклонного возраста любила кататься на коньках. Я смеялась до слёз её рассказу о том, что когда не было денег на входной билет на каток – она «перемахивала» через забор с помощью мальчишек-«безбилетников».

Однажды, будучи проездом в Москве, я по адресу нашла её квартиру, но, к великому сожалению, её не оказалось дома. Меня любезно впустили в квартиру, и я окунулась в мир её жизни, творчества, духа того времени: рояль, иконостас, кровать и – книги, книги, папки с рукописями, картины, портреты.

Через многие годы, когда уже не было в живых Анастасии Ивановны, состоялась незабываемая встреча с её внучкой, а моей бывшей ученицей, маленькой Оленькой Трухачёвой – здесь, в Павлодаре. Но это была уже Ольга Андреевна Трухачёва – высокая, красивая, интеллигентная, уверенная в себе деловая женщина. Теперь уже она так же интересно, как её знаменитая бабушка, рассказывала о семье Цветаевых, об архивных документах, рукописях Анастасии Ивановны Цветаевой.

Я благодарна судьбе, что мне выпало редкое счастье общения с такой яркой личностью, знаменитой писательницей и удивительно интересным человеком – Анастасией Ивановной Цветаевой.

Наталья ЩЕПКО

“На даче сакура цветёт...”

Размышления о конце Света

Принимаем себя как данность,
Как горящий в прихожей свет,
Но при этом такая странность —
Щёлкнешь кнопкой, и света нет!

Где-то есть во Вселенной кнопка —
Чья-то тянется к ней рука —
Зарастает травой тропка,
И мелеет, мелеет река.

Принимаем Землю как Данность
В миллиардах космических лет,
Но при этом такая странность —
Щёлкнет кнопка, и Света нет!

20.05.2011 г.

На даче сакура цветёт...

На даче сакура цветёт...
Моя соседка Мариванна
Вестей о Фукусиме ждёт,
Теряя пульт в углу дивана...

...Зачем тогда сажать картошку,
Коль скорый близится конец?
Придёт разгневанный Творец,
И всем воздастся понемножку!

На даче сакура цветёт...
Моя соседка Мариванна
Находит пульт в углу дивана...
А впрочем, всё наоборот:

Утерян пульт — проблемы нет,
Стоит надёжно белый свет!
Давно пора сажать картошку...
И всем воздастся, понемножку...
26.05.2011 г.

Золотая конница

Вот и лето к закату клонится,
Уступая бразды правления...
И помчит Золотая Конница
С Высочайшего позволения!

Для законов, Природой изданных,
Не считаются сроки давности —
Для неё нет ни квот, ни избранных,
Ни назначенных в этой данности...

И летит Золотая Конница,
Принимая бразды правления —
Возвещает народу звонница
Зимним воздухом исцеления...

Благовест над землёю стелется,
А Звонарь на погоду сетует:
Подождать до весны советует
Всем, кому в Благодать не верится...
01.06.2011 г.

Всё может быть...
(Читая Гундарева)

Вплывает величаво стадо
В деревню летним вечерком —
Мне это вновь увидеть надо,
Уклад мне этот так знаком!

Клубится пыль среди дороги,
Спадает надоевший зной...
Затихнут мирные тревоги,
Лишь сенокос — денёк-другой.

Я в той деревне побывала,
Где проживает чудный люд.
Где озимь дружно поспевала,
Где пьют вино, но ценят труд...

Где мужики у палисада
Ведут душевный разговор,
И за сигаркой самосада
Стихает безобидный спор...

Я словно окунулась в детство,
Вдохнула ширь степи родной:

Какое славное соседство —
Земля и воздух голубой!

Всё пропиталось ароматом
Травы со скошенных лугов,
Багрово-яростным закатом
Среди причёсанных стогов.

И даже образ дяди Сани
Мне удивительно знаком!
В таком же «мареве-тумане»
И мой остался отчий дом...

«Всё может быть...» — я это знаю,
Лишь не вернётся никогда
Всё то, о чём я вспоминаю,
Всё то, что в сердце навсегда!

И пусть Вы родились в России,
А я среди седых степей,
Мы одинаково грустили
О «малой» родине своей!
05.06.2011 г.

***

Еду на «перекладных»
В Актогай,
Как в прошлом веке —
Поприветствовать родных:
Как живётся, Человеки?

Как вам дышится, как спится,
В череде земных забот
Как мечтается, что снится?
Завтра праздник — Новый год!

Отложить бы вам тревоги,
Повседневные дела —
Угостить меня с дороги
Чашкой чая и тепла...

Дом за крашеным забором,
Тускло светят фонари...

Просидим за разговором
Возле печки до зари:

Кто родился? Кто женился?
Кто уехал навсегда?
Кто когда в кого влюбился?
Где веселье, где беда...

За окном едва мерцает
Бесполезная луна —
Ночь прошла, уже светает,
И такая тишина!

Печь давным-давно остыла,
Мирно дремлет рыжий кот...
Что-то я сказать забыла:
С добрым утром, Новый год!

г. Павлодар.

Любовь КАШИНА

«Жизнь свою попробуй сделать чудом...»

В прошлом году исполнилось 105 лет со дня рождения поэта, прозаика, исследователя Сергея Николаевича Маркова, судьба которого тесно связана с Казахстаном. Здесь он сделал свои первые шаги в творчестве, здесь он выбрал свой жизненный путь. Здесь жили его друзья, с которыми он сохранил тёплые отношения до конца своих дней.

Детство

С. Марков в своём кабинете.

*В годы тяжёлых скорбей,
Когда созвездья блестели,
Простое имя Сергей
Пришло к моей колыбели...*

Родился Сергей Николаевич в сентябре 1906 года в посаде Парфентьеве Кологривского уезда Костромской губернии. Отец его был землеустроителем, проводил межевые работы в Костромской и Вологодской губерниях, а с 1914 по 1917 год возглавлял уездную землеустроительную комиссию в городе Грязовце, где Сергей Марков поступил учиться в гимназию. Грамоте он обучился самостоятельно ещё раньше.

«Грамоте я обучился неожиданно. Ходил играть с детьми врача И. А. Виноградовой-Фёдоровской, а у них были всякие азбуки с картинками, на картонках и кубиках. И в один прекрасный день я, радуясь и изумляясь, прочёл на зеленоватой обложке слово «Нива» – название журнала, исправно приходившего в наш дом. Он был для меня первым окном в безграничный мир.

Тихий Парфентьев в базарные дни шумел и пел. Наш костромской звук «о», круглый, как обруч, так и катался в говоре толпы над головами людей. Мы с бабушкой ходили по базару, и велика была моя радость, когда она покупала мне, наряду с лакомствами и игрушками, книжки в издании Сытина, Ступина, Саблина. А сытинский настольный календарь в пурпурно-золотой, как жар-птица, обложке! В нём рассказы о героях Русской земли и стихи, стихи!» – вспоминал Сергей Марков.

Но счастливое детство длилось недолго. Он окончил два класса гимназии, когда семья переехала сначала на Урал, а потом в Акмолинск. Этот степной город оказался трагическим для семьи Марковых: сначала умер от тифа отец, затем и мать. На плечи тринадцатилетнего Серёжи ложится забота о пяти младших братьях и сёстрах. Его мечты продолжить учёбу в школе были неосуществимы, так как нужно было кормить семью. Младшие

были определены по приютам, но Сергей считал своим долгом помогать им. В это время Марковым уже были написаны первые стихотворения.

Истоки творчества

В январе 1920 года Сергей Марков устраивается на работу в редакцию местной газеты «Красный вестник». Это было время Гражданской войны. Старый мир уходил, наступала новая жизнь. Сергей писал краткие репортажи обо всём, что волновало, что он наблюдал в повседневной жизни. Здесь же он стал печатать свои первые стихи. И пусть они были несовершенны, прозаичны, но они стали первыми пробами пера, робкими шагами Сергея Маркова в поэзию. Работа в газете позволила ему путешествовать по Казахстану. Он видел новые места, интересных людей, изучал историю, быт, язык народа.

Жизнь сложилась так, что ему довелось работать и в упродкоме, и в уездной прокуратуре, в канцелярии, но Сергей не терял связей с газетой, публиковал стихи, фельетоны, заметки.

В 1924 году С. Марков впервые приезжает в Москву. Вскоре и в московском журнале «Красная нива» появилось стихотворение Маркова «Горячий ветер»:

*Горячий ветер, солью горя
Сегодня губы не вяжи!
На землю пляшущие зори
Бросают алые ножи.
О чём звенит камышный ворох,
Где, как скопившаяся боль,
Сочится в стынувших озёрах
Слезами мраморная соль?..*

В 1925 году Сергея Маркова пригласили работать в газету «Мир труда» города Петропавловска, где он также печатал свои стихи. Ответственным редактором газеты в то время был Николай Феоктистов. Издатель – Акмолгубком ВКП(б). Марков публикует очерки, свои первые рассказы, часто под псевдонимом.

*... С чуть розоватой горькой пылью
Смешался огненный песок .
Я жар солончаковый вьюлю
В клопочущие русла строк ...*

В государственном архиве города Петропавловска сохранились подшивки газеты «Мир труда» с пометками на очерках, статьях С. Маркова, напечатанных под псевдонимом. Чаще всего ставились буквы **С.В.** Кем сделаны эти пометки, мне пояснить не смогли.

Николай Феоктистов не только был редактором газеты, но и сплотил вокруг себя талантливую молодёжь, отшлифовывал их мастерство. В 1926 году в Петропавловске был издан первый сборник произведений местных авторов под редакцией Н. Феоктистова. В нём были напечатаны и стихи С. Маркова «Печенег» и «Земля»:

*Эту ночь на высохших озёрах
Не вспугни и удалю не тронь!*

*Синих туч качающихся ворох
Затаил мерцающий огонь.
Знаю, чёрный камень дышит смертью
И блестит изломами руды,
Там, где волк под взвихренною твердью
Замечает алые следы...*

Как-то Сергей Марков по служебным делам был направлен в город Омск. Пришёл в редакцию омской газеты «Рабочий путь» и познакомился с уже известным сибирским поэтом Георгием Вяткиным. Сергей Марков принёс в редакцию свои стихи. Некоторые из них были отобраны для печати. Эта встреча окончательно определила его дальнейший путь в литературу. Стихи Маркова стали появляться в сибирских газетах, даже в московских журналах. Его приглашают в Новосибирск. Он работает в редакции газеты «Советская Сибирь», печатается в журналах «Сибирские огни» и «Сибирь».

«Работа в «Советской Сибири» увлекала меня. Я повседневно был связан с исследователями Сибири и стран Азии: путешественниками, геологами, историками, этнографами – принимал участие в делах Общества по изучению Сибири. Одновременно в различных газетах и журналах печатались мои очерки, рассказы и стихи», – вспоминал Сергей Николаевич.

В Новосибирске Марков знакомится с уже известными в Сибири литераторами: Вл. Зазубриным, Ф. Березовским, Н. Ановым, П. Драверттом, Л. Мартыновым, В. Итиным, с начинающими поэтами — П. Васильевым, Н. Титовым. В это время в Новосибирск переехал и Николай Феоктистов, который возглавил Сибирскую ассоциацию пролетарских писателей.

Общение с ведущими исследователями Сибири и Азии расширяет кругозор Сергея Маркова, подпитывает стремление к исследованиям.

«Мне поручали вести информацию о работе путешественников, геологов, гидрографов, этнографов, историков, – пишет Марков. – Я брал интервью то у датского капитана Ботведа, совершавшего кругосветный перелёт, то у членов воздушной экспедиции «Люфт-Ганза», то у советских мореплавателей, приведших корабли к устьям сибирских рек...

Первым из советских авторов, я опубликовал материалы о жизни и деятельности выдающегося полярного исследователя Н.А.Беличева».

С 1927 по 1928 год С. Марков жил и работал в Ленинграде. Он был вынужден уехать из Новосибирска, так как на него, как в своё время на Павла Васильева и Николая Титова, началась охота «лефовцев», представлявших журнал «Настоящее». Отрицая художественную литературу, поэзию, они проповедовали «литературу факта», оптимизированные очерки, статьи, репортажи. По воспоминаниям Николая Анова, в то время даже проводился диспут «Нужна ли нам художественная литература?».

«Я помню выступления Сергея Маркова. Он яростно доказывал, что стихи необходимы человеку так же, как хлеб и солнце», – писал Н. Анов.

Вскоре Марков был объявлен неблагонадёжным, классовым врагом. В этот же список вошли Н. Анов, И. Ерошин, Н. Феоктистов, П. Васильев, В. Зазубрин – редактор журнала «Сибирские огни», и другие прогрессивные литераторы. С. Марков вынужден был покинуть

Новосибирск, ответив недругам стихотворением, которое было опубликовано только после смерти поэта:

*Вы не умеете острить,
А лишь дрожать в улыбке вязкой,
Мозгов разжиженная пруть
Покрыта лефовской замазкой.
Я анонимок не пишу,
Не знаю лефовское вымя.
Я под памфлетом подпишу
Всегда фамилию и имя....*

В архиве Н. Анова в Алматы хранится стихотворение Н. Феокистова «Памир», написанное в 1928 году.

*... Вы помните: в Кызыл-Орде
Мы встретились, идя к Памиру?!
С тех пор, где б ни был я – везде,
«Вещаю» сумрачному миру
О нашей радостной мечте,
О том, что мы идём к вершинам,
Что с нами в путь собрались все.
Кто мерил жизнь своим аршином...*

*Серёжа Марков! Друг опальный! –
Теперь он «на берегах Невы»
Сидит голодный и печальный,
Не внемля голосу молвы...
Его мечты на крыше мира.
Давно готовый в дальний путь,
Он в Ленинграде пред Памиром
Присел... Немного отдохнуть.*

Просто удивительно, как Н. Анову, также прошедшему ссылку на Север, испытывавшему преследования и аресты, удалось сохранить это поэтическое послание своего друга.

А Сергей Марков продолжал работать, его стихи печатались в журналах «Звезда», «Красная панорама». В журнале «Мир приключений» был напечатан его рассказ «Камень чёрного Калмыка». Вскоре С. Марков переезжает в Москву.

Рассказ Маркова «Голубая ящерица», опубликованный в журнале «Сибирские огни», попал на глаза М. Горькому, и он разыскал молодого писателя.

«1 июня 1929 года я и пришёл к нему в Машков переулок. В конце беседы Горький попросил меня подготовить рукопись первой книги рассказов; он будет хлопотать о её издании!.. Так, благодаря заботам А.М. Горького, я стал прозаиком, стал сотрудничать в «Наших достижениях» и других горьковских изданиях».

Редакция «Наших достижений» в 1930 году предоставила возможность Сергею Маркову посетить Акмолинск.

«Там к тому времени произошли большие перемены. Открылось движение по железной дороге Петропавловск – Акмолинск. Но в крае не хватало воды. А тут ещё как на грех река Нура весной прорвала свой берег и

ушла, оставив без воды Карагандинский район. Мне пришлось заняться убежавшей рекой. Я напечатал статью в «Известиях». Статья обратила на себя внимание Президиума Госплана СССР; меня пригласили туда, просили более подробно рассказать обо всём и приняли решение о борьбе с безводьем», – вспоминал впоследствии С. Марков. А Николай Анов напишет: «Правительство, в результате, отпустило значительные средства на работы по регулированию русла Нуры».

В начале 30-х Сергей Марков вновь приехал в Казахстан. Побывал в Алма-Ате, Джаркенте, Чар-Даре, в пустыне Кызылкум, в Голодной степи. Изучал хлопководство, посетил места, где строились оросительные каналы. В результате этих поездок были изданы две его книги «Арабские часы» и «Солёный колодец».

«Дело сибирской бригады»

В 1927 году Сергею Маркову удалось избежать расправы. Но недоброжелатели не успокоились. Весной 1932 года Сергей Марков был арестован по делу «Сибирской бригады». Это наиболее крупное коллективное писательское дело до 1937 года. Маркова арестовали в Джаркенте, где он был в командировке, и отправили в Алма-Ату. Московский писатель, исследователь Сергей Куняев в своей книге «Растерзанные тени» публикует материалы НКВД за 1932 год, в том числе и об аресте С. Маркова. «Литер. А» направляется Марков в Ваше распоряжение (ОГПУ Алма-Ата), направляется из Джаркента в Москву». Подписано: «помощник начальника УСО Гринбаум».

Целый месяц С. Маркову не сообщали причины ареста, о чём свидетельствует его заявление от 11 мая 1932 года. Как стало известно, в одной камере с Марковым сидел и Павел Васильев.

Сергей Марков, как и члены группы «Памир», обвинялись в сочувствии белому движению, в воспевании в своей поэзии Колчака, контрреволюционными считались его стихотворение «Сексотка», баллада «Адмирал Колчак». Обвинили Маркова и в близости к террористу Гумилёву, которому посвящено его стихотворение «Расстрел Гумилёва». Как добывались показания от политических заключённых, сейчас уже общеизвестно...

«В камере на Лубянке С. Марков устроил бунт, – рассказывал В. Приходько – исследователь жизни и творчества С. Маркова. — Карцер. Голодовка. На вопрос: «Если выпустим, что будете делать?» – отвечал: «Пойду к Горькому жаловаться на Вас».

Объявили сумасшедшим, вызвали психиатра, но тот не подтвердил диагноз. Мучили, угрожали, шантажировали. В конце концов, он, как и все остальные, дал признательные показания.

Пребывание в карцере отразилось на здоровье С. Маркова, он стал почти инвалидом. К протоколу допроса С. Маркова приложено ранее неопубликованное стихотворение «Полярный Адмирал Колчак»:

*... Там, где волны дикий камень мылят,
Кольхая сумеречный свет,
Я встаю, прострелянный навyleт,
Поправляя сгнивший эполет.*

*В смертный час последнего аврала
Я взгляну в лицо нежданным снам,
Гордое величье адмирала
Подарив заплёванным волнам...
И тоскуя по морскому валу,
И с лицом скоробленным, как жесть,
Я прошу «Отдайте адмиралу
Перед смертью боевую честь»...*

*С. Марков в ссылке.
1932-35гг., г. Архангельск.*

Лев Черноморцев посвятил Маркову стихотворение «Сергей»:

*Как древний некогда – святитель –
Обрёл он дальнюю обитель.
В трудах и подвигах мужая,
Живёт в прославленном Можаяе.
Загоскин, Шелехов, Баранов!
К нам из аляскинской земли,
Вы, под пером его воспрянув,
Сюда, в XX-й век пришли!*

З. IX-40 г. Кунцево.

Марков был сослан на Север, сначала в Мезень, затем в Архангельск, на три года. Период ссылки стал для Сергея Николаевича своего рода «университетами». Он по крупницам собирал материал о полярных экспедициях, изучил путешествия русских мореходов, приобрёл определённые познания в области истории и географии. В Архангельске, в 1934 году С. Марков нашёл документы по истории загадочных взрывов в 1916-1917 годах под Архангельском. Оказалось, что эти взрывы были произведены немецкими диверсантами. Работал С. Марков на Севере до 1937 года. Затем вернулся в Москву, но ему поставили штамп в паспорте с поражением в правах и «загнали за Можай».

В суровые годы войны

Несмотря на отсидку, Сергея Николаевича мобилизовали на фронт в первые месяцы войны. Он защищал Москву. Служил под Муромом, но жестокая болезнь вновь сковала его. По состоянию здоровья Сергей Марков был комиссован.

Сергей Николаевич продолжил работу по подготовке к печати своих книг. В начале 1944 года в газете «Комсомольская правда» было опубликовано стихотворение Маркова «Суворов».

Вспоминает поэт Сергей Поделков:

«Я со своим отделением подготавливал предместье и вдруг услышал, как кто-то за спиной произнёс нараспев:

*Суворов хмурит старческую бровь:
«Что есть мечта? Прошедшего наследство».
И тот поход, как первая любовь,
А может быть, как радостное детство.*

Я обернулся – и увидел девятнадцатилетнего солдата А. Потапова, вылезавшего из чёрной реки.

- Откуда тебе известны эти стихи? – полюбопытствовал я.*
- В газете прочитал и запомнил. Там есть ещё и такие строки:
Он вспоминал шестидесятый год,
Осенний дождь, разбрызганную глину,
Струилась кровь у городских ворот,
И казаки скакали по Берлину.*
- Скоро и мы ворвёмся в Берлин, – уверенно добавил он. Традиция».*

Стихотворение «Суворов» звало на подвиги солдат Великой Отечественной. Поделков считал, что лучшим о великом полководце является стихотворение С. Маркова. В стихотворениях «Багратион», «Слово о Евпатии Коловрате», «Илья Муромец», «Козьма Минин», «Памяти Чокана Валиханова», «В долине Абая», «Джамбул» им воспеты великие исторические деятели. И это не случайно, потому что история, исторические факты всегда интересовали его, и на первом плане — историческая личность, характер, сила:

*Был гений беззащитен, прост
И кроток, как дитя...
Он светоч свой поднял до звёзд,
Иным векам светя.
Незримые лучи прошли
Сквозь звёздный частокол;
Пределов Огненной земли
Достиг его глагол...
А вдруг в долину Жидебай
В невероятный час
Шагнёт из вечности Абай
И встанет среди нас!*

Сергей Николаевич, несмотря на плохое самочувствие, пытался поддержать своих друзей в трудное время, интересовался их жизнью. В архиве Маркова я нашла письмо от Ивана Ерошина, написанное 18 июля 1942 года:

Друже Сергей! Грамотку твою малую получив, днесь возрадовался. Яко тепло апрельское, повеяло на душу мою то чистое, что так давно озаряло нас при встречах, и чудом ещё сохранившееся в наши дни. Ты спрашиваешь о моих делах, жизни и достатках. На данные вопросы отвечу одним словом: плохо... Перо моё давно не касалось листа бумаги. У меня даже нет дня отдыха. Ты с трудом поверишь, чем я занят на сей день. Жизнь всё же прекрасна тем, что она часто ставит людей в такое положение, о каком он совершенно не мыслил. Такое случилось и со мной. Работаю ямщиком, встаю в пять утра, работу кончаю в пять, шесть вечера. Начисляют мне за данный труд один трудодень, двадцать пять сотых. Хлеба дают пятьсот грамм на сутки. Жизнь буквально похожа на круг. От военной службы

освобождён совсем. Чтоб достать что покушать стоит больших трудов и денег. Последних я не имею... Рад тому, что ты ещё жив и преданно служишь дорогому для нас отечеству. Очень хочу, чтоб ты вернулся бодрым, здоровым, полным замыслов и рвения к любимому труду.

И. Ерошин.

«Я искал к бессмертью мост...»

После демобилизации Сергей Николаевич стал усиленно работать. Он считал, что своим трудом как-то сможет приблизить победу, вдохновляя солдат на подвиг, обостряя чувства любви к Родине.

В 1944 году увидела свет книга Маркова «Люди великой цели». В 1946 году был закончен и издан роман «Юконский ворон». В том же году вышел первый сборник стихов Маркова «Радуга-река», который был принят далеко неоднозначно. Появилась критическая статья С. Трегуба «Куда течёт «Радуга-река». В ней Сергей Николаевич, представленный реакционером и мистиком, обвинялся в раболепии перед силами природы. Так был встречен критикой первый сборник стихов Сергея Маркова.

Но жизнь закалила его. и, несмотря ни на что, он продолжал работать.

Сергей Николаевич добился увековечения памяти великих исследователей-первопроходцев. Благодаря его упорству, возник город Пржевальск, именем Миклухо-Маклая был назван один из кораблей. На мысе Дежнёва установлен памятник первопроходцу, а одному из островов на Тихом океане присвоено имя А.Грина, которому С. Марков посвятил поэтические строки:

*Я гимназистом ножик перочинный
Менял на повесть Александра Грина,
И снились мне гремучие пучины
И небеса синей аквамарина.*

*Я выросстал. На подбородке волос
Кололся, как упрямая щетина,
И всё упорней хриловатый голос
Искал и звал таинственного Грина...*

Особенно ценными в его исследованиях и находках были архивы по истории освоения русскими мореходами и землепроходцами Аляски и Северной Калифорнии. Сергей Николаевич болел душой за советскую историческую науку. В марте 1947 года он имел смелость со своими предложениями обратиться лично к И.В.Сталину, приложив к письму свою книгу «Юконский ворон».

«Однажды раздался телефонный звонок. На другом конце провода послышался голос Сталина:

– Товарищу Марков, это правда, что у Вас есть картотека, запечатлевшая историю открытия русскими Аляски?

– Правда, Иосиф Виссарионович.

– А Вы не могли бы на основании материалов этой картотеки в короткий срок написать книгу об освоении русскими американских земель и

об их приоритете в этом направлении?».

Книга «Летопись Аляски» была написана за два месяца, отмечает в своей книге С. Куняев, встречавшийся с Сергеем Марковым, который и поведал ему об этом случае сам.

А его супруга Галина Петровна рассказывала, как все испугались, когда услышали имя Сталина.

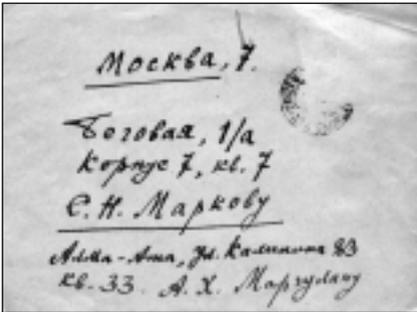
Но всё обошлось, и все вздохнули с облегчением. Хотя Сергей Николаевич очень волновался, выполняя это ответственное поручение.

В 1948 году вышли в свет «Летопись Аляски», «Подвиг Семёна Дежнёва». Годом позже – сборник стихотворений «Золотая пчела». В 1961 году – поэтические сборники С. Маркова «Небесные горы» и «Земные корни». В 1966 году были изданы книга «Земной круг» и сборник стихотворений «Топаз».

О книге «Земной круг» Николай Тихонов писал: *«Столько тайн, столько сопоставлений смелых и удивительных. Самые разные времена проходят перед читателем, и он наслаждается пёстрой мудростью мира и трагичности судеб, и историей, переходящей в географию, и географией, становящейся историей».*

Имя Сергея Маркова, как исследователя, учёного, было известно не только в Москве, но и в Казахстане. В архиве С. Маркова много писем от маститых учёных СССР. С ним советуются, обсуждают новые открытия, достижения, приглашают на научные форумы.

Казахстан в жизни С. Маркова

Среди массы писем я обнаружила письмо Алькея Хакановича Маргулана из Алма-Аты. Письмо датировано маем 1951 года. Доктор филологических наук, академик АН Казахской ССР, профессор, основатель казахской археологической школы, видный учёный во многих областях знаний – от этнографии, востоковедения, истории до литературоведения и искусствоведения – пишет Сергею Маркову, как хорошему другу:

«Дорогой Сергей Николаевич, только вчера вернулся из командировки в Ленинград и очень жалею, что не удалось повидаться с Вами в Москве (по телефону я узнал, что Вы находитесь в каком-то санатории под Москвой). Спасибо за лестный отзыв на мою книжку «Из истории городов и строительного искусства». Безусловно, хорошо было бы, если бы Вы набросали Ваше впечатление в виде рецензии и направили бы в редакцию газеты «Казахстанская правда»... Наших архитекторов и географов заинтересовала мысль о том, что некоторые поселения в условиях Казахстана возникли из строя повозок или кочевого стана. Они считают это положение весьма интересным, оригинальным и до сих пор никем не замеченным. Большое значение они придадут вопросу о сочетании оседлого и кочевого хозяйства

на территории Казахстана, и только на основе чередования этих двух важных форм хозяйства возникают те или иные поселения в древнем Казахстане...

Жаль, что Вас не было в Москве во время сессии отделения истории и философии Акад. Наук СССР за последнее пятилетие... Библиографические сведения о Чокане Валиханове пришлю Вам в ближайшее время.

С приветом Ваш Алькей Маргулан».

Неизвестно, присылал ли А. Маргулан Маркову какие-то сведения о Ч. Валиханове, но в 1963 году увидела свет книга «Идущие к вершинам», над которой С. Марков долго и с любовью работал. Это историко-библиографическая повесть, рассказывающая о жизни и деятельности выдающегося исследователя Средней Азии и Казахстана Чокана Валиханова. В ней автор знакомит читателя с жизнью и бытом, обычаями и традициями народов и племён, населявших Среднюю Азию. Здесь же описаны путешествия П. Г. Семёнова на Тянь-Шань, жизнь Ф. М. Достоевского и его крепкая дружба с Чоканом Валихановым, большая дружба передовых русских людей с казахским народом. Этому Сергей Марков и сам придавал огромное значение, пропагандировал язык, культуру, быт казахского народа:

*Я – русский. Дышу и живу
Широкой, свободною речью.
Утратить её наяву –
Подобно чуме иль увечью...*

*Я мерил жизнь (и этим горд)
И на степной салтык,
Живя в стране трёх диких орд,
Я слушал их язык...*

*В бессмертном «Слове о полку»,
Как буйная трава,
Вросли в славянскую строку
Кыпчакские слова...*

*Ещё напишет в добрый час
О пламенной строке
Мой юный друг, кыпчак Олжас
На русском языке.*

Тема Казахстана была близка и дорога сердцу Сергея Николаевича. Неслучайно в его поэзии звучат казахские слова, а в названии произведений – природа и топонимика Казахстана: «В степи», «Кумыс», «Казахский беглец», «В городе Верном», «Акмола» и т. д. Он любит землю, взрастившую его, тоскует по ней:

*В небе гонит птичью стаю,
От подковы вдавленной — дуга.
К вам пришёл и вас благословляю,
Белые, горячие снега!..*

*Лик земли необозрим и гладок!
Так и блещет голубой огонь.*

*Где же в сердце горячей осадок?
Соль топчи подковой лёгкой, конь!*

Его стихи пронизаны темой дружеских встреч людей разных национальностей, в них воспевается гостеприимство казахского народа:

*Измазав рты бараньим жиром,
Пускай глотают тёплый рис
Друзья из Западной Сибири,
С которыми я пью кумыс.*

*Гостям польнного базара
Дарю я знаки дальних стран –
Над жёлтой степью Атбасара
Встаёт Великий Океан!*

С.Марков вспоминает Акмолу, город, ставший его творческой колыбелью.

*... Мы вспомним тех, кто оставил след
На жаркой степной земле.
Ведь я — современник славных лет
И свой человек в Акмоле.*

Как вспоминал А.Синдицкий: «Даже на экслибрисе, принадлежащем Маркову, его муза изображена в виде восточной женщины, сидящей поджавши под себя ноги, держащей в левой руке сосуд». Экслибрис выполнен художником Робертом Андреевичем Грабе.

23 июня 1966 года по Казахскому радио шла программа о С.Н. Маркове. Автор программы – писатель Михаил Роговой. Называлась рецензия «Искатель живой воды». Автор восхищается поэзией Маркова, считает его нашим казахстанским поэтом. Копия этой рецензии с авторской подписью и письмо М. Рогового находятся в архиве С. Маркова.

«Исписан лист бумаги голубой...»

«Дорогой Владимир Александрович! Сегодня примечательное совпадение. Утром пришло Ваше дружеское письмо, а в полдень — звонок из издательства, чтобы я приехал за первыми авторскими экземплярами книги «Земные корни». Меня радует, что в ней некоторые стихи, печатающиеся впервые. Все они дороги мне, а вот – не судьба была – сколько лет они не видели печати!.. Очень тронут вашими добрыми словами о моих стихах. Уж очень дорого обходилось мне их печатанье, выход к читателю. Приятно сознание, что стихи оказались не лишними, нашли тех, кому они в какой-то мере стали нужны...» – так писал Сергей Марков Владимиру Приходько в ответ на его письмо.

В архиве С.Маркова я нашла ещё одно письмо по поводу книги «Земные корни», написанное современником П. Васильева и его другом Львом Озеровым.

«Глубоко уважаемый Сергей Николаевич!

Большое спасибо за присланную книгу «Земные корни» и за надпись на ней. Давно люблю я Ваши стихи, давно ценю я отборное золотое зерно Вашего слова. Читаю и – верю Вам, увлечённый «взяью песни», резной очерченностью строки Вашей, глубоко продуманной и пережитой (исторически и лично) образностью. Живопись словом у Вас такова, что ставит книгу в

ряд лучших наших поэтических книг. Казалось бы, об этом можно и должно говорить вслух, во весь голос. Ан нет! Ваше имя ещё не входит в список тех, кому быть хвалимыми и в почёте. Однако моего желания сказать доброе слово о честности и отличном труде старшего товарища – мало. ...Кстати, Вы недооцениваете себя как поэта мысли. Давняя Ваша вещь – «Пчела» говорит ясно: Вы можете в немногих строчках выразить большую мысль... Я получил большое удовольствие, читая Вашу книгу. Желаю всего, всего доброго!

Ваш Лев Озеров».

Московский поэт, друг Павла Васильева Сергей Поделков писал:

«Жизнь и поэзия для Маркова одно и то же: Чудо! Диалектическое чудо, в котором человеческая мысль и чувства неразрывно соединены с природой».

Человеческий поиск в природе, жажда познания — для поэта высшее проявление этого чуда. Эту мысль подтверждает и сам Марков:

*Жизнь свою попробуй сделать чудом,
Не на месяц, а на много лет...*

Стихи его, как считали многие его современники, обладают тайным притяжением, от их необычности становится празднично и тепло на сердце:

*Хочу, но не могу сказать,
Хоть чувств своих я не неволю,
Но горло полнится опять
Растущей радостною болью...*

«В его стихах разнообразие тематики и формы. Они проникают в душу словно мелодия, – пишет в предисловии к книге С. Маркова «Горячий снег» Ксения Курова. – Жизнелюбие, чистота помыслов, душевная энергия пронизывают почти все его стихи».

В книгах Маркова проявляется особое отношение к миру.

*Нет, я, наверное, не устану
Жить и бродить по этой земле,
Хоть сердце, подобно аэроплану,
Порой скользит на одном крыле...
А может быть, сам упрямые звенья
Порву я, как беркуты рвут кусты?
Я научусь не бояться паденья,
А если уж падать – так с высоты.
Лохмата зари багровая грива,
И губы с трудом говорят слова...
А можешь ли ты идти над обрывом
Так, чтоб кругом не шла голова?*

Этот вопрос С. Марков, скорее всего, задаёт, в первую очередь, себе. Он был оптимистом, в жизни часто Сергей Николаевич оказывался на краю пропасти, но сохранил в себе простоту, скромность, ему было чуждо высокомерие. У него не кружилась голова от высоты полёта и признания.

Несмотря на спокойный уравновешенный характер, который отмечают его близкие, в С.Н. Маркове всегда были гордость, чувство собственного достоинства. Неслучайно он написал такие строки:

*Земля! Я здесь теперь стою,
И сердцем многое забыто,
Я вяжу песни обовью
Следы остывшего копыта.*

*Ветрами выбитым лицом
Косится каменная гряда.
Я идолу перед концом,
Как предок, кланяться не буду!*

Он верит в свой народ, в его светлое будущее:

*... Любым злодеям не под силу,
Копай хоть тысячи могил,
Загнать в глубокую могилу
Живой источник светлых сил.*

Язык его произведений прост и безупречен. Каждое слово продумано, отточено. В его поэзии чувствуется любовь к языку, к культуре народов:

*На свете тот народ велик,
Что слово бережёт,
И чем древней его язык,
Тем дольше он живёт!*

Человек глубоко порядочный, С. Марков не терпел лжи, зависти, пренебрегал дружбой тех, кто вёл себя нечестно, непорядочно по отношению к соратникам по перу и всячески поддерживал и помогал тем, кого ценил, уважал. Он старался помочь непризнанным, несостоявшимся литераторам, поэтам, чьи судьбы его глубоко волновали.

В письме И. Ерошину от 15 декабря 1937 года из Калининна, куда забросила его судьба, когда он лишился жилья в Москве, С. Марков посоветует: «Займись теперь хакасами. Может замечательно получиться. Этнографические источники есть, и ты сам живёшь в их стране...».

Его волнует судьба друзей. В 1965 году он пишет К. Урманову в Новосибирск: «У Ерошиных – тяжёлое положение. Оба только что вернулись из больницы; находились там, ничего не зная друг о друге. Денег у них нет... По книге стихов им до сих пор ничего не переводили. Пожалуйста, срочно позвони в издательство — проси перевести сколько можно по договору на книгу. Иначе – Ерошины погибнут...».

Он проявляет заботу о М. Зуеве-Ордынце из Караганды. Обращается в письме к Тине Ивановне Кечекмадзе, чтобы она посодействовала вовлечению Михаила Ефимовича в активную деятельность, привлекла к нему внимание общественности. И, главное, помогла в общении с читателями, в чём он очень нуждался.

Огромную привязанность он питал к семье поэта Николая Титова, завершившего свою жизнь трагически. В письмах к Титову он пишет:

«А я всё, Коля, болею, болею нудно и страшно. Как, видимо, застудился в Казани в марте ещё, застудил главную ветвь нерва. Так до сих пор и мучаюсь... но в деревне до чего же хорошо. Таких соловьиных песен я не слышал никогда в жизни. Леса – как в Сибири! Река похожа на горную речку, быстрая. Чистая. Наполненная голавлями, которых я думаю ловить вместе с дочкой. Доченька моя стала солнечно-коричневой, как

абрикос, купается в речке, ловит бабочек, пьёт крынками молоко. Собака Вега в один день обучилась плавать в реке, храбро кидается прямо в стремнину, ныряет головою вниз, гоняется, плавая за несчастными утками. Дома у меня тоже неплохо, под окном – белые табачки и маттиолы. Гвоздика и золотистый калифорнийский мак, который, обычно, растёт на берегах залива Сан-Франциско. Ночью – тихо, лишь рычит гончий пёс, приобретённый Яшиным для охоты за гонорарами. Сейчас светает, и я собираюсь отходить ко сну, заканчивая это письмо и завершив очередную «летопись» (30.06.50 г.).

«... Я охлопотал А.В. Герману командировку от «Литературной газеты» в Орловскую область. Он просто не верил такому счастью. Поскольку столько лет был в чёрном теле. А тут – полсотни рублей в сутки, мягкий салон, гостиница и уважение земляков к корреспонденту влиятельной газеты! На днях он должен оттуда вернуться».

«Дорогой Николай Ильич!

Рад. Очень рад буду встретиться в Москве. Как человек догадливый, привези той самой влаги, что разбавляют потом водой. Её продают у вас с жизнерадостной лазурно-белой наклейкой, а в Москве, увы, нет! И ещё вымогательская просьба – привези Ольге нашей десяток добрых верненских яблок... Sergius» (14.03.1956 г.).

Марков писал часто на почтовых карточках, исписывая всё пространство. Писал самое главное, что его волновало. Есть и большие, основательные письма, которые он оформлял собственными поэтическими строками. Читать его письма, написанные красивым каллиграфическим почерком, порой старославянской вязью, очень интересно. Они наполнены заботой, дружеским участием, в них проявлялась большая душа Сергея Николаевича, в которой всем находилось место.

«Знаю я – малиновою ранью ...»

Стихи о любви у Сергея Маркова звучат таинственно, интимно, чувства спокойные, целомудренные, нежные:

*Исписан лист бумаги голубой –
Про всё, что в сердце трепетном хранила.
Стоит, перо держа перед собой,
И дышит на прохладные чернила.
И капля тихо шепчет: «Упаду»,
Судьбу свою угадывая злую.
Перо роняет чёрную звезду
На строчку, где написано: «Целую».*

В стихотворении «Походка» чувствуются нотки васильевской «Натальи». Может быть, это невольное подражание, но и походка, и кора «рябая» – васильевские.

*Забуть сейчас, что есть глаза и уши,
Не вымолвить ни слова до утра,
Бродить с тобой и чутким телом слушать
Волнующую музыку бедра.*

*Чтоб чудилось дрожанье лёгкой лодки
И листьев пляска над корой рябой,
Упругое качание походки,
Похожее на ветер и прибой!*

С годами всё отчётливее звучит собственный, неповторимый голос поэта:

*Если голубая стрекоза
На твои опустится глаза,
Крыльями заденет о ресницы,
В сладком сне едва ли вздрогнешь ты.
Скоро на зелёные кусты
Сядут надоедливые птицы...
Спишь и спишь...А солнце горячо
Пригревает круглое плечо,
А в долине — горная прохлада.
Ровно дышат тёплые уста.
Пусть приснится: наша жизнь чиста
И крепка, как ветка винограда!*

Стихи Сергея Маркова завораживают, звенят. Поэт околдован и окружающей природой, и любимой:

*Знаю я – малиновою ранью
Лебеди плывут над Лебедянью,
А в Медыни золотится мёд...
Ты проснулась. И лебяжий пух
Лепестком на брови соболиной,
Губы веют тёплойю малиной,
Звоном утра околдован слух.
Белое окошко отвори!
От тебя, от ветра, от зари
Вздрыгнут ветви яблони тяжёлой,
И росой омытые плоды
В грудь толкнут, чтоб засмеялась ты
И цвела у солнечной черты,
Босоногой, тёплой и весёлой...*

«Мир исполнен радостного смысла...»

Галина Петровна, жена С. Маркова, по воспоминаниям сверстников, была очень красива, на голову выше Сергея Николаевича. Разница в возрасте – 14 лет. Родом она из-под Вязьмы. Родилась в деревне Алексеевской в семье Петра и Пелагеи Бабаевых. Окончила курсы подготовки учителей русского языка, работала в школе. Летом 1940 года гостила у родителей в Можайске. Дом стоял недалеко от вокзала. Полдома с отдельным входом Литфонд снял для писателя С. Маркова, высланного из столицы за сотый километр.

«Зрелый мужчина, а практичности лишён: керосинка плохая, чаю два часа будет дожидаться», – обмолвилась мать. Галина и подошла: «Может, Вам, Сергей Николаевич, самовар поставить?». Он обрадовался. Завязалась беседа. Рассказал о своей жизни. Галина сказала ему, что любит стихи Пушкина, Надсона. Сергей Николаевич прочёл ей свои.

Вид у жильца был жалкий: потрёпанные короткие штаны, застиранная рубашка. Измождённый, больной. Она пожалела его, не по-женски, а по-человечески. Несколько вечеров Галина слушала его интересные рассказы. Держала в руках письма самого Горького.

Однажды вместе они поехали в Москву. Закупили продукты и решили съездить на ВДНХ. Когда вернулись, Галина, как прежде, поставила ему самовар. И вдруг Сергей Николаевич предложил ей руку и сердце. *«Всю ночь я не могла сомкнуть глаз, всё думала, как отказаться и не обидеть Маркова, жаль мне было его очень. Наутро, когда мы остались одни, я ему сказала, что не собираюсь ещё замуж, хочу продолжить учёбу»*, – рассказывала Галина Петровна, а глаза её наполнялись теплотой и печалью. Марков тогда просто ушёл. Но по-прежнему приглашал Галину к себе вечерами. Постепенно она привыкла к писателю, к его внешнему виду, стала чувствовать уважение к его знаниям, восхищаться умением вести диалог. А Марков ждал удобного момента, чтобы сделать предложение ещё раз. И Галина согласилась. Сергей Николаевич был на седьмом небе от счастья. Жизнь его приобрела иной смысл. В сентябре они поженились. С тех пор она была с ним рядом и в радости и в горе.

*Я узнаю, где стоит твой дом!
Я люблю тебя, как любят гром,
Яблоко, сосну в седом уборе.
Если я когда-нибудь умру,
Всё равно услышишь на ветру
Голос мой в серебряном просторе.*

Это стихотворение он посвятил Галине Петровне в 1940 году.

Когда грянула Великая Отечественная война и Сергей Николаевич ушёл на фронт, Галина работала на заводе, на котором изготавливались гранаты «лимонки». Враг наступал, заводы эвакуировали. При отъезде Галина взяла самое главное: архив мужа. Беременная, в пути она попала в железнодорожную катастрофу. К счастью, всё обошлось благополучно. Она добралась до станции Муром, где в это время была расформирована часть С. Маркова. Ему дали недельный отпуск. Затем Галина должна была ехать дальше.

Пришло время рожать. В больнице мальчика заразили пузырьчаткой новорождённых. Жила Галина Петровна в угарной избе, где кроме неё с угасающим сыном и хозяйки с детьми в загородке находилась коза с козлятами. Спасти ребёнка не удалось. Первенец, которого так ждал Сергей Николаевич, умер.

В 1946 году у Марковых родилась дочь Ольга, в которой родители души не чаяли:

*Погляди на облако. Оно
Только по краям озарено;
В холоде прозрачном, не дыша,
Там моя покоится душа.
Льдинкой града, каплей дождевой
Пролечу над милой головой.
Да не крикнуть: «Помнишь? Это я,
Доченька любимая моя!».*

Из воспоминаний современников: «В 60-70-х годах С. Марков печатался мало. Давала о себе знать старая болезнь. Он постарел. Выглядел рядом с красавицей женой старцем».

10 апреля 1979 года Сергея Николаевича Маркова не стало. А Галина Петровна осталась хранительницей наследия мужа. Она составляла и переиздавала его сборники. Выступала на мероприятиях, посвящённых творчеству С. Маркова, где читала его стихи на память. Она обрабатывала архив мужа для передачи его в РГАЛИ, чтобы материалы писателя были доступны людям. Перебирая материалы, она видела, как сегодня, их встречу, трудную, но интересную жизнь. Эти воспоминания давали ей силы жить и работать.

В доме Марковых

Небольшая трёхкомнатная квартирка в Астраханском переулке, которая казалась им раньше дворцом, выглядит ещё меньше от наполняющих комнату книг, папок, рукописей, сувениров Сергея Николаевича. В

его кабинете сохранился антикварный письменный стол-бюро, о котором он когда-то мечтал и который они смогли приобрести. Здесь хранится его уникальная картотека, которую он составлял всю свою жизнь, без которой не появились бы ни «Летописи Аляски», ни «Земной круг», ни повести об исследователях, первопроходцах. В переднем углу стоит бюст Ч. Валихана

нова работы скульптора М. Ващенко. Много сувениров, памятных подарков из разных концов некогда огромной страны. В шкафу, где собраны книги о Казахстане, лежит тубетейка, и всюду папки: рукописи уже изданных книг и неопубликованных стихов, которые Галина Петровна надеялась издать.

Я видела, как трепетно Галина Петровна относится к архиву мужа. Она даже дочери не доверяла что-то доставать, боялась, что Ольга всё перепутает. Такой я её увидела в первый раз.

Несмотря на серьёзную болезнь и почтенный возраст, Галина Петровна по-прежнему хорошо выглядела, в ней чувствовалась прежняя стать. Она прочитала мне стихи мужа наизусть, рассказала о его творческой жизни: «*Нас всегда очень тепло встречали в Казахстане. Сергея Николаевича любили и ценили не только русские литераторы, но и казахские. Тогда не было разделения ы*

Г.П. Маркова и Л.С. Кашина. 2007 г.

талант. Все приглашали нас в гости в свой дом, и мы старались никого не обидеть. Часто собирались все вместе на юбилейные даты писателей, которые всегда были тёплыми и дружескими.

У нас очень много книг, подаренных Маркову казахскими литераторами с авторскими надписями. Много книг о Казахстане, который Сергей Николаевич всегда считал своей родиной. Там, в казахстанской земле, покоится прах его родителей. Он до конца своих дней любил эту землю». Тогда ещё она планировала написать воспоминания о Маркове.

Галина Петровна подарила для Дома-музея книги мужа, газетные публикации о нём, пластинку с его голосом, несколько рукописных стихотворений. Всё это пополнило фонд С. Маркова в Доме-музее П. Васильева.

Во второй раз я побывала в доме Марковых после опубликования моей статьи в журнале «Простор», посвящённой столетию Сергея Николаевича.

Галина Петровна была очень рада, что в Казахстане вышла статья о Маркове, что его вспомнили, была очень благодарна мне и поэтому разрешила взять для Дома-музея всё, что я посчитаю важным. На следующий день мы снова встретились. Галина Петровна, внимательно прочитав статью, поблагодарила меня и сказала, что это очень интересный материал о Сергее Николаевиче. Мы сфотографировались на память. Это была наша последняя встреча. Вскоре Галины Петровны не стало. И теперь возможность работать с архивом Маркова предоставляла мне уже Ольга Сергеевна.

Дом-музей С. Маркова

В селе Парфентьево Костромской области, на ул. Советской находится Дом-музей С.Н.Маркова. Дом был построен по собственному проекту земским врачом Алексеем Трифионовичем Виноградовым. После его смерти был передан по наследству его единственной дочери. Она поселилась на втором этаже, а первый сдавала под жильё.

Долгое время семья Марковых арендовала жильё в этом доме. Здесь и родился Сергей Марков. Здесь прошло его раннее детство. Здесь он был счастлив.

В 1986 году семьи, проживавшие в этом доме, были переселены, и был открыт Дом-музей С. Маркова. Много материалов для экспозиции передала Галина Петровна. Она выступала на встречах, пропагандировала творчество мужа. И сейчас работники Дома-музея делают всё возможное, чтобы имя известного земляка хранилось в сердцах всё новых поколений села Парфентьево. Сергей Николаевич Марков достоин памяти земляков.

Яркий след на земле

В одном из печатных материалов мне запала в душу мысль о вечности: «Есть у нас кроме всех суетных обязательств перед вечностью, обязательства перед памятью о тех, кто ушёл в мир иной, но остался с нами своим творчеством, оставил яркий след на земле». Это можно сказать и о Сергее Николаевиче Маркове:

*Отчизна- мать! Не забудь меня.
Я – искра от могучего кремня.*

*Я не сгорел в пустынях и снегу,
Придёт мой час – я океан зажгу.
Погасну я... Тебе, Отчизна- мать,
От полюса до полюса сиять!*

*... Сочти сейчас мои скитанья,
Мои заботы и труды
И награды высоким званьем
Искателя живой воды.*

Разве можно перечислить всё, что сделано в жизни этим неутомимым человеком, учёным, географом, исследователем, поэтом? Его вклад по достоинству оценён. В 1948 году С.Н. Маркову было присвоено звание действительного члена географического общества Советского Союза. Он был награждён орденом «Знак Почёта», орденом Дружбы народов, медалью «За доблестный труд в годы Великой Отечественной войны» (1946 г.), Почётной грамотой Верховного Совета Казахской ССР (1964 г.). Но теперь ему не нужны ни звания, ни награды. Самой высокой наградой является наша память, признание таланта Сергея Маркова и его огромного вклада в литературу, заслуг перед страной.

*Бедовый, молодой, солончаковый,
Проколет ветер огненной стрелой
В моём окне российском прочный слой
Цветущего узора ледяного,
Примчав издалека...
И в сердце снова
Проснётся клич, безудержен и лих!
И я уйду стезёй купца тверского,
Стезями тысяч прадедов моих.
И хлынут на меня потоки света,
Горячего, сухого, как земля,
Где горы к небу яростно воздеты,
А небеса соперничают цветом
С немеркнувшей эмалью минарета;*

*И, горьковато-сладкий дым стеля,
Окутав им арчу и тополя,
Дымят тандыры,
докрасна прогреты,
Свой хлеб свежайший звёздами соля...*

Автор этого стихотворения, посвящённого памяти Сергея Маркова и предисловия к книге Маркова «Баллада о столетии», Станислав Золотцев пишет: «Сергей Марков всей своей жизнью подтверждает традицию неразрывности слова и дела, поэта и народа, слитности художественного творчества с деяниями огромной социальной общности, объединённой языком, землёй, историей и грядущим».

г. Павлодар.

Шушан ХАЧАТРЯН

Նօւ յեւ ի անի Են անօն օեանեան Եսօն

(О художественных достоинствах рассказов Жолтая Жумата)

Развитие человечества приносит с собой новые ценности и подходы. Разумеется, каждый этнос реагирует на это по-своему. Выбирает свой путь, с которым и представляется миру. Этот переход бывает особенно сложным для народов, имеющих богатое искусство прошлого, и которые с трудом привыкают к новым системам. Казахи являются одним из таких народов. У казахской нации многовековое историческое прошлое и богатое культурное наследие во всех аспектах. Казахам присущи многообразные традиции и обычаи, которые обуславливают индивидуальные яркие черты национального характера.

Переход в «новый мир» глобализации не может приниматься единообразно обществом, которое закономерно пытается сопротивляться новому, стараясь сохранить глубоко национальное. И мудр тот народ, который принимает только те ценности, которые не размывают национальные черты и обеспечивают разумное сочетание. В этот ответственный процесс вносит свой вклад интеллигенция, и писатели в первую очередь.

Настоящая казахская интеллигенция, в том числе и писатель Жолтай Алмашулы Жумат, формирует собственные подходы к новым ценностям. Эта тематика занимает важную часть в произведениях Ж. Жумата. Как представитель современного казахского общества, он отображает это столкновение. Часто противоречащие друг другу ценности Востока и Запада, столкновение взглядов, борьба старого с новым, несовместимость традиций и новшеств являются темами, которым уделяется особое внимание в его рассказах, составивших книгу «Терзания души» (Алматы, 2007). Всё это представлено с мастерством и высокой художественностью, как, например, в рассказе «Сэм и Сэмиха». Главная героиня скромная казашка Сапаргуль получила традиционное семейное воспитание, тогда как её муж Сатымсай – полная противоположность, её антипод. Сатымсай и его друзья – богатые, «модные», самовлюблённые, «высокоинтеллектуальные» молодые люди. В собирательном образе мужа Сапаргуль передано отрицательное и часто губительное влияние Запада: он даже меняет своё имя и имя жены на американский лад, обосновывая это тем, что так «модно и принято».

**Шушан
ХАЧАТРЯН**

родилась в 1990 году в городе Талин, Республика Армения. В 2011 году закончила факультет востоковедения Ереванского государственного университета по специальности «тюркология». Написала дипломную работу по теме «Роман-эпопея Мухтара Ауэзова «Путь Абая». Магистрант 1 курса ЕГУ. Знает казахский язык, интересуется общностью уклада жизни, культур, мышления и миропонимания армянско-казахского народов.

Автор скрупулёзно проводит целостный психологический анализ образа героини, давая читателю возможность проследить, как человек под давлением обстоятельств постепенно лишается своей индивидуальности, нивелируется как личность и волей-неволей покоряется веяниям времени.

Другая особенность рассказа – тесная связь отдельных героев с природой: то, что в частности творится в душе Сапаргуль, все её чувства, переживания изображены в органичном единении с явлениями природы.

Несовместимые ценности, столкновение двух цивилизаций – основная тема другого рассказа писателя – «Очарованный красотой». В этом произведении тоже два главных героя, противостоящих друг другу, каждый из них представитель одной цивилизации, у каждого свой характер, у них противоположные представления о жизни, они живут по своим принципам. Один из них – Жарасхан – обладал серьёзным жизненным опытом, отличался трудолюбием и основательностью, в то время как Серибек был молодым, шустрым, поверхностным и не имеющим прочной духовной основы. Это может восприниматься как аллегория: через образ Жарасхана дано общее описание Востока: ведь у Востока древнейшая история, у него свои духовные ценности, понятия, между тем Запад представлен образом Серибека. Кроме того, главная мысль рассказа, вокруг которой развивается действие, представлена аллегорией: это осмысление одного и того же понятия совсем по-разному со стороны двух персонажей. Они исповедуют один и тот же принцип: «Человек дважды не рождается, жизнь только одна», но каждый из них понимает это по-своему. Серибек считает его побудительным обстоятельством для наслаждения жизнью и сиюминутных удовольствий, живёт без чувства ответственности, между тем как Жарасхан всё время упорно трудился и постоянно был занят делом. У каждого из них свои представления и о красоте. И в финале рассказа читатель уже видит «гибель» Жарасхана: юная девушка предлагает Жарасхану своё тело, которое было для него символом красоты... «Неужели красота, должная возвышать человека, нести гармонию, при соприкосновении с равнодушной реальностью оказывается беззащитной, беспомощной и хрупкой, как хрусталь, становится пагубной, ведёт к падению и гибели? И кто в этом виноват?» – спрашивает себя герой.

В этом рассказе внутренняя жизнь персонажей тоже показывается в слиянии с природой. И ещё одна особенность двух рассказов: главные герои – обычные люди, приехавшие в город из аула в надежде найти себя, своё место под солнцем в новых реалиях противоречивого бытия.

Видимо, неслучайно автор создал собирательные образы молодых людей, которые легко поддаются идеологическому воздействию со стороны, вульгарному влиянию пошлости и безнравственности. Возможно, писатель поступил так специально, в надежде, что большинство читателей сами являются представителями молодого поколения и, читая рассказ, каждый из них может представить себя на месте героев. Кроме того, действие происходит не в далёком прошлом – события развиваются в наши дни и прямо сейчас. Наверное,

это авторский умысел ненавязчиво, в подтексте показать: будущее народа и страны можно увидеть в молодёжи, следовательно, правильное её воспитание является предпосылкой дальнейшего развития народа.

Схожая ситуация и в рассказе «Эхо студенческих лет». После длительного времени встречаются Елтаныс и его однокурсница Жансулу. Глубина нравственных противоречий между ними замечается с самого начала: Елтаныс сохранил свои представления о крепкой семье, о гордости и человеческих достоинствах, между тем как время резко изменило характер Жансулу в худшую сторону. В конце концов Жансулу предлагает Елтанысу своё тело. (Вспомните сюжет рассказа «Очарованный красотой»). Естественно, Елтаныс отказывается.

В рассказе «Эхо студенческих лет» действие тоже развивается вокруг противоречий, которые можно принять за аллегорические, и которые исследуются во всех трёх рассказах. Всё это побуждает читателя сравнить Запад и Восток, понять, с чего начинается и к чему ведёт разница и зачастую несовместимость культур, мышления, мировоззрения, представлений о нравственности. Может быть, каждый из них прав и справедлив в своём роде, ведь как личность, так и цивилизация разные, но агрессивное навязывание иных ценностей другому нельзя оправдать никак.

В рассказе более обстоятельно и ярко показана любовь. Так как любовная тема более понятная и приемлемая для читателя любого возраста, тем более для молодых, передачу главной идеи посредством любви можно считать художественной находкой. И вообще любовная тема, с помощью которой показываются противоречия в ощущении и характере героев, одна из особенностей произведений Жолтая Жумата.

Другая особенность рассказов проявляется в несовместимости городской и сельской жизни и представлений о нравственности. Здесь чётко высказано и мнение автора: поскольку в городе жизнь меняется быстрее, и она легко подчиняется внешним стимулам и влияниям, там труднее сохранить не только характер и моральные, этические постулаты человека, но и традиции, обычаи, национальные черты народа. Следовательно, прежде всего «в опасности» находятся молодые городские жители, и персонажи из города являются носителями новых веяний, новых представлений о жизни, новой нравственности. Автор даёт читателю возможность увидеть закономерное падение и гибель этих героев.

В сборнике рассказов писателя Ж. Жумата «Терзания души» немало и других талантливых произведений, поднимающих актуальные проблемы действительности и интересных для современного литературоведения, как концепт художественного текста. Я думаю, что казахская молодёжь в массе своей обережёт свои духовные ценности и сможет сопротивляться вызовам сегодняшнего мира с помощью богатой национальной культуры и многовековой истории своего народа.

г. Ереван.

Всероссийская историко-литературная премия

«Александр Невский»

Оргкомитет Всероссийской историко-литературной премии «Александр Невский» объявляет о начале конкурсного года 2011-2012. С 1 декабря начался приём заявок на участие в двух конкурсах: литературных исторических произведений и музейных мемориальных проектов.

Всероссийская историко-литературная премия «Александр Невский» учреждена в 2004 году (учредители ОАО «Галион» и Союз писателей России). Она призвана поддержать интерес наших соотечественников к истории своей Родины, к лучшим музейным мемориальным проектам и литературным произведениям, посвящённым историческим личностям нашего Отечества.

«Семь пройденных лет стали тем рубежом, который позволяет говорить о премии как о состоявшемся и успешном начинании, востребованность которого со стороны нашего общества с годами не снижается. Это общественное признание придаёт нам уверенность в силах и позволяет поставить перед собой новые цели и задачи, – отмечает Марина Гусева, руководитель оргкомитета Всероссийской историко-литературной премии «Александр Невский». – Первое изменение, которое ждёт конкурс в новом году – это смягчение ограничений по историческому периоду, который могут затрагивать участвующие в конкурсе произведения (ранее этот период включал историю от древнейших времён до 1945 года, теперь – до 1991 года включительно). В начале 2000-х годов мы возвращали наш литературно-исторический конкурс в условиях явного кризиса в исторической науке и литературе, сопровождавшегося насаждением мифов и тенденциозностью в освещении событий и персонажей истории нашего Отечества. В этой обстановке во главу угла при оценке произведений мы поставили их историческую объективность, в том числе сознательно ограничив себя 45-м годом для дополнительных гарантий полноты и доступности исторических сведений. Но годы идут, и новые герои уже становятся объектами истории. К тому же за семь лет комиссия нашей премии стала авторитетным институтом по изучению современной русскоязычной исторической литературы, для обеспечения объективности и корректности решений которого, пожалуй, уже не требуется таких жёстких самоограничений. И второе: сегодня мы столкнулись с новым вызовом – в нашем обществе окончательно обозначился новый кризис – кризис морали и общепринятых ценностей, кризис нравственный, захвативший элиты, всё общество сверху донизу. И поэтому мы не можем больше ограничиваться задачей содействия только объективной оценке значения и роли исторических личностей в судьбе нашей Родины, так же объективно и ярко освещены должны быть их идеалы, система ценностей и моральных принципов, сделавших этих людей героями истории нашего Отечества и ориентиром для потомков, либо антигероями и предупреждением для деятелей дня сегодняшнего. Эта новая сверхзадача и дополнение к критериям оценки лучших литературных произведений и музейных проектов нашли своё отражение в Положении о премии на очередной конкурсный год 2011-2012 гг.»

Сбор конкурсных заявок продлится до 12 июня 2012 года, а церемония награждения лауреатов приурочена к 12 сентября, дню Святого благоверного князя Александра Невского.

Премияльный фонд составит 1 800 000 рублей. Для каждого конкурса предусмотрены первая, вторая и третья премии и ряд специальных премий. Кроме денежных премий, лауреаты первых трёх премий будут награждены скульптурным изображением Святого благоверного князя Александра Невского работы скульптора Эдуарда Мхояна. Все лауреаты, вошедшие в отборный список, также получат денежное вознаграждение.

Дополнительную информацию Вы можете получить на сайте премии (www.alexander-nevsky.ru) или по телефонам в Москве: (495) 775-44-31/32, контактное лицо – Елена Доперчук; в Санкт-Петербурге: (812) 324-99-56, контактное лицо – Наталья Кисель.

Наталья КУРПЯКОВА

Земля и время

Есть выставки, на посещение которых надо обязательно выкроить время. Одна из таких прошла в столичном музее современного искусства, где можно было увидеть произведения трёх выдающихся отечественных мастеров – Сабура Мамбеева, Камиля Муллашева и Вагифа Рахманова.

Эти имена давно известны далеко за пределами Казахстана. А в обширной экспозиции, занявшей все выставочные залы музея, разместились произведения, рассказывающие об истории нашей страны с 1950-х годов до дня сегодняшнего. Представлены работы из собраний Государственного музея изобразительных искусств им. А. Кастеева (Алматы), музея современного искусства Астаны и частных коллекций.

Народный художник Казахстана Сабур Мамбеев, в 1953 году окончивший Ленинградский художественный институт им. И. Репина, признан сегодня «аристократом живописной формы». Его портреты и пейзажи, написанные несколько десятилетий назад, приобрели сейчас историческую ценность и являются образцом отражения естественности мира и глубины осмысления образов. Увидеть эти работы – большая удача для ценителя искусства.

Заслуженный деятель РК, народный художник Татарстана Камиль Муллашев – выпускник Московского государственного художественного института им. В. Сурикова – ярко заявил о себе уже своей дипломной работой «Земля и время. Казахстан» (1978), которая стала не только визитной карточкой художника, но и «романтическим символом республики, живописной поэмой о преображении казахской степи». Камиль Муллашев чуток к своему времени, точен в выборе темы, умело сочетает реализм и авангард, монументальность мышления и романтический пафос, достоверность и символическую иную сказание.

Из стен знаменитого Суриковского института вышел и заслуженный деятель РК Вагиф Рахманов – замечательный скульптор, приверженец постмодерна. В своих произведениях ему удаётся «обыграть» и форму, и объём, и цвет, и сочетание материалов (например, металл и стекло), максимально использовать возможности естественного светового освещения.

Произведения мастеров разнообразны как по тематике – художников вдохновляют история и традиции казахского народа, современные реалии, философские и метафорические образы, так и в жанровом плане: выставляются тематические картины, пейзажи, портреты, натюрморты, скульптура.

Сабура Мамбеева, Камиля Муллашева и Вагифа Рахманова справедливо называют классиками отечественного изобразительного искусства. На вернисаже зрители имели уникальную возможность встретиться с самими художниками, нашими современниками.

Фото Игоря БУРГАНДИНОВА.

Нурлан МАХАМБЕТОВ

Наследие

Повесть

(Окончание. Начало в № 2 за 2012 г.)

22

Сентябрьским солнечным утром немного взволнованный столь торжественным событием Есен направился в новую школу. Его табеля успеваемости уже находились в кабинете завуча – дородной, белокурой женщины, к которой на следующий день после приезда и зашли дядя с Есеном. Посмотрев оценки, завуч зачислила Есена в пятый класс, сформированный наполовину из интернатовских ребят. Интернат располагался на окраине городка в старинном красивом здании. В нём воспитывались дети со всех близлежащих сёл и аулов. Так как интернат не был укомплектован должным образом – не имелось парт, досок, учебников, ну и, конечно, учителей, то воспитанники учились в обычной районной школе. Между местными ребятами и интернатовскими была не то что вражда, скорее, что-то вроде соревнования. Каждая из сторон старалась показать себя лучшей в учёбе и в поведении. Кроме того, постоянно проводились смотры художественной самодеятельности, учащиеся ставили концерты, спектакли, участвовали в спортивных состязаниях. Благодаря этому ребята старались, болели за свою команду, сближались, становились дружнее, активнее, подтягивали неуспевающих. В классе к новичку отнеслись подозрительно, все смотрели с завистью на его новенький, с иголки, костюм и туфли. «Пижон какой-то», – услышал Есен за своей спиной чей-то голос. Но когда учительница математики Таисия Моисеевна вызвала его к доске решить задачу, с которой он блестяще справился, одноклассники одобрительно загудели. «Молодец новичок, так держать!» – шепнул кто-то. Обернувшись, Есен увидел рослого темноволосого паренька, по-свойски подмигнувшего ему и затем подсевшего к нему на перемене.

– Откуда будешь, Баталов? Давай знакомиться, что ли, меня Славкой зовут. Я из Николаевки, это рядом здесь, километров тридцать будет.

– Меня Есеном звать, из Бурлей. Не слышал? 26-й разъезд, короче, тоже недалеко отсюда. У нас в селе только начальная школа, вот и приехал сюда учиться.

Пообщавшись со Славкой, Есен отметил его скромность и прямоту. Учился Вячеслав Рязанов неплохо, хорошо рисовал и был редактором классной стенгазеты. Будучи высокого роста и здоровенным, он нисколько не задибался, всегда улыбался. Помогал в учёбе отстающим, переживал за каждого из своих ребят и не давал в обиду слабым. Постепенно Есен сдружился с ним.

23

После школы Есен спешил домой. Настала зима, и перечень вменяемых ему обязанностей значительно расширился. Теперь приходилось чаще

топить печь, потому как семья увеличилась – тётя Алтын родила мальчика, которого назвали Канатом. Первенец дяди Сартая родился не только болезненным и беспокойным, но и ещё таким крикливым, что ночами его истошные вопли никому в доме не давали спать. Тогда Есену не раз приходилось вставать, греть и менять воду для грелки. Уже под утро, ворочаясь и слушая завывания ветра, Есен думал о доме – как там сейчас мама, батя, сестрёнка и братишки. В этот год зима выдалась лютая, бураны свирепствовали почти месяц, наметая такие сугробы, что Есену приходилось часами откапываться во дворе и за забором. «Уставшая» и резко «захворавшая» тётя почти не готовила, приходила домработница, вернее кухарка, которая и стряпала до самого вечера. На кухне с утра постоянно варилось мясо, так как дядя зачастую приходил с друзьями, устраивая весёлые посиделки. Тогда и Есену прибавляло забот: уносить-приносить посуду, бегать в магазин и развозить на санях подвыпивших гостей по домам. Спать, разумеется, ложился за полночь. В такие дни было не до уроков, да и в будни, бывало, Есену перепадало так, что под вечер он был не в состоянии что-либо сделать. Всё это отражалось на его успеваемости. Классная руководительница недоумевала, почему Есен резко скатился на тройки, опаздывал и засыпал на уроках. Конечно, о настоящем положении дел Есен ни с кем не делился, предпочитая молча выслушивать упреки учителей. Только одному Славке он рассказал правду. Нахмутив брови, Рязанов долго молчал, затем скупо выразился одной лишь фразой:

– Есен, ты или учись, или в батраки наймись – двух зайцев не поймаешь.

– Ну да, конечно, тебе легко говорить, а мне где жить прикажешь?

И друзья замолчали, думая каждый о своём. Внезапно Славка встрепенулся, хлопнул по плечу Есена:

– А давай я с Борис Михайловичем переговорю – это наш директор интерната. Он мужик толковый, может, удастся его уговорить, и тебя к нам возьмут.

24

На следующий день после уроков приятели пошли к директору интерната. Есен без особого воодушевления воспринял эту бесполезную, как он считал, Славкину идею, но настойчивый Рязанов прямо-таки потащил за собой товарища, по дороге разъясняя, что Борис Михайлович добрый дядька, всегда поймёт и если что, поможет, хотя бы советом.

К счастью, директор оказался у себя в кабинете. Выслушав горячую просьбу своего воспитанника и объяснение самого Есена, Борис Михайлович, сняв с мясистого большого носа очки и протирая их платком, устало улыбнулся:

– Молодцы ребята, что переживаете друг за друга. Дружба тем и ценится, что не о себе в первую очередь печься надо. Хотел бы помочь, но позвольте спросить, каким образом вы всё это представляете? Я ведь сам такие вопросы не решаю, мне для этого нужны необходимые документы, направления–разрешения всякие. Вот ты, Рязанов, зачислен к нам в интернат потому, что отец твой на фронте погиб, семья многодетная, тяжело

вам, так ведь? А у вас, молодой человек, отец-мать есть, не бедствуете, слава Богу. На основании чего я вас приму? Если только райисполком мне даст направление, тогда пожалуйста. Всё понятно, надеюсь?

Из кабинета директора друзья вышли разочарованные. Славка, виновато отведя в сторону взгляд, шмыгнул носом:

– Ну хоть объяснил, что делать. Давай тогда на следующей неделе в райисполком сходим. Может, там повезёт.

– Нет, спасибо, лучше как-нибудь я доучусь этот год, а потом видно будет.

Есен пожал руку товарищу и двинулся в сторону дома, его, наверное, уже заждались тётя Алтын и дядя. Ничего, немного осталось, надо потерпеть, я ведь не блины есть сюда приехал, – сам себя успокоил Есен. Думая о родных, вспоминая милые сердцу лица матери, бати, сестрёнки и братишек, невольно улыбаясь, Есен бодро шагал, уверенный, что он выдержит все испытания, выучится и станет большим человеком, как того хотят его родители.

25

Наконец-то наступило лето, закончилась учёба с бесконечными уроками, задачами и домашними заданиями. Есен ехал домой, где он, казалось, не был целую вечность. На вокзале дядя взял ему билет до разъезда и передал гостинцы. В поезде, глядя на мелькающие за окошком деревья, Есен с нетерпением ожидал той минуты, когда можно будет увидеть своих родных. За это время он очень соскучился по своим близким. Ещё бы, ведь сколько раз ему снилось, что он приезжает домой.

... Интересно, что нового в селе, что сейчас делают его родные? Батя, скорее всего, на работе, мама дома, что-то готовит, братишки играют, наверное – подросли, а сестрёнка Шолпан в этом году закончила первый класс. Славка, быть может, уже добрался до родного села, – мысли мгновенно рождались и проносились в голове как мелькающие за окном столбы.

Вот поезд сбавил ход и начал останавливаться. Пробравшись на выход и немного подождав, пока проводник откроет дверь, Есен ловко прыгнул на щёбёнку железнодорожного полотна. Людей почти не было, только какая-то бабка, кряхтя и охая, тоже вышла совсем рядом. Поезд тронулся дальше, через пару минут растаяв в серо-голубоватой дымке. Есен вышел на дорогу, ведущую в Бурли, и широкими шагами поспешил домой. Предательски мелькнуло искушение найти дом Мади, чтобы опять испытать то незабываемое волшебное чувство, но Есен отогнал эту мысль прочь – сейчас не время.

Дорога домой всегда кажется короткой. Вот вдаль показалось родное село, и сердце в волнении сжалось. Есен поневоле ускорил шаг, вглядываясь в очертания родимого дома. Во дворе игралась маленькая девочка, вот она взглянула в его сторону, замерла и, приглядевшись, что-то крикнула и побежала навстречу. Ветер, разметав тоненькие косички, налетел на хрупкую фигурку, безжалостно хлеща на её худеньком теле платьем. Накрепясь и преодолевая порывы ветра, Шолпан бежала, смешно выкидывая

тоненькие ножки. «Оленёночек мой», – с любовью подумал Есен о сестрёнке и, не выдержав, помчался к ней.

Услышав радостный крик Шолпан, из дома вышла мама, и следом выкатились братишки. Обнимая счастливую маму, целуя братишек, Есен чуть не прослезился. «Жеребёнок мой, как ты вырос, возмужал, совсем большой стал», – прослезилась Жамал. Касым и Серик с визгом висли на любимом брате, каждый старался обратить на себя больше внимания. Зашли в дом, Есен из сумки вытащил небольшие подарки родным, купленные на сбережённые деньги, которые иногда давал дядя. Денежное поощрение было одним из методов воспитания у дяди Сартая. Когда человек, работающий на него, старался, нагаши всегда подкидывал ему рубль–другой. Эти деньги Есен не тратил. И вот теперь, совсем как взрослый, он дарил подарки, и ему было приятно видеть восхищённые глаза малышни, сестрёнки и мамы. Красивый шёлковый платок Есен вручил матери, Шолпан достался гребешок с набором цветных лент, ну а самым маленьким – карандаши, глиняные свистульки и раскрашенная всеми цветами радуги юла.

Радости нет предела, когда после долгой разлуки наконец-то собирается вся семья. Вечером пришёл батя, обняв, долго стоял, прижав Есена к себе.

В этот вечер в домике на краю села окна светились до глубокой ночи. Керосиновая лампа тускло освещала счастливые лица его обитателей, сидевших за круглым столом, пивших чай и наслаждавшихся разговорами...

26

Этим летом было уже не до отдыха, Есен устроился работать в овощехранилище, где трудился наравне со взрослыми. В первые дни он сильно выматывался, работать приходилось с самого раннего утра до позднего вечера. Приходя домой, Есен иногда даже засыпал за столом. Постепенно втянувшись, он с удивлением заметил, как железом стали наливаться мышцы, тело стало упругим и жилистым. Даже походка его изменилась, теперь он стал ходить чуть медленнее, широко расставляя ноги, да и в манере разговора стал больше походить на Назара.

«Мужичок с ноготок», – беззлобно шутили над Есеном женщины, работавшие с ним вместе. А кто-то из мужиков, как-то во время перекура кивнув в его сторону, заметил: «Сразу видно Казбековскую породу, тот тоже, помнится, много не говорит – а как за дело возьмётся, в руках всё горит». Есену было приятно слышать слова одобрения в свой адрес.

К концу августа Есен заработанные им деньги полностью отдал матери. А через пару дней он, собрав вещи, поехал в райцентр, твёрдо решив получить направление в интернат. В свои планы он никого не посвятил и дома считали, что он едет опять к дяде Сартаю. Мама в дорогу напекла пирожков, завернула их в чистое полотенце и дала денег на новую обувь, одежду и всякие мелочи. Напоследок, расцеловав всех на прощанье, Есен двинул в сторону разъезда, чтобы успеть на проходящий через час поезд.

В приёмной райисполкома привлекательная молодая женщина-секретарь, разморённая осенним послеобеденным солнцем, сидя на стуле, дремала. Кабинет председателя был закрыт, но там явно кто-то находился, потому как сквозь дверь слышались звуки. Есен кашлянул, тотчас лицо женщины преобразилось, она строго взглянула на юного посетителя.

– Что тебе нужно, мальчик, ты по какому вопросу пришёл?

– У меня к председателю вопрос очень важный.

Есен решительно сел на стоявший поблизости стул, всем своим видом показывая, что без разговора он никуда не уйдёт.

– Он очень занят, сегодня у него нет времени. Приходи завтра ближе к вечеру, может, и примет.

– Нет, завтра будет уже поздно. Я сюда издалека приехал, и у меня здесь никого нет. Да и ночевать где прикажете, здесь, что ли, на стульях, или к себе возьмёте?

Секретарша улыбнулась:

– Нет, здесь тебе не гостиница, а взять тебя на ночь – это уже слишком. Откуда ты такой умный выискался?

Внезапно дверь кабинета распахнулась, и появился сам председатель – пожилой седовласый мужчина, платком вытирая вспотевшую лысину, он сквозь толстые стёкла очков прищурился, приглядываясь к Есену.

– Так, что здесь делаем, молодой человек?

– Я к председателю приехал. Это вы? Здравствуйте, у меня к вам очень важное дело, и только вы сможете мне помочь.

– Хорошо, у тебя есть ровно пять минут.

Жестом он пригласил войти. Массивный стол, заваленный грудой бумаг и папок, стоял посередине комнаты, на стене висел огромный портрет Сталина в военном кителе генералиссимуса, с золотой звездой Героя. Есен не стал садиться, стоя, глядя прямо в лицо председателя райисполкома, он коротко объяснил своё нелёгкое положение, в конце прибавив:

– Прошу вас, помогите, дайте мне направление в интернат. Ведь я – советский человек, пионер, и отметки в таблице хорошие. Мой отец на фронте погиб, его в районе все знали, стахановцем был, Казбек Баталов, его до сих пор помнят. А если не поможете... я... письмо товарищу Сталину напишу, честное пионерское!

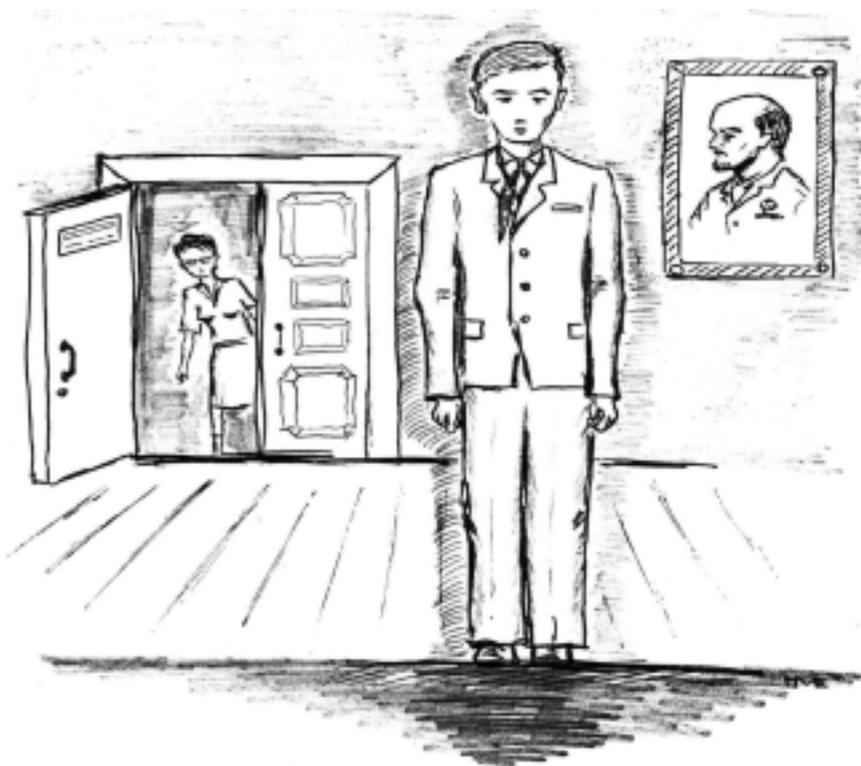
Зашла секретарь, положив какие-то бумаги на стол, недовольно заметила:

– Мальчик, твои пять минут вышли. Выходи, не морочь голову, из сельсовета принеси сначала справки...

Председатель, засмеявшись, перебил её, не дав договорить:

– Молодец, советский человек, чётко всё по полочкам разложил. Видно, неплохо учишься, и характер есть, это хорошо. А почему бы и нет? Не всегда нужно действовать по правилам, иногда существуют исключения, рассматриваемые по месту и исходящие из текущих обстоятельств. В данном случае, я считаю, ничего страшного не произойдёт, если этот паренёк, как, говоришь, тебя зовут – Есен? Вот именно, если Есен будет направлен

в интернат. Давай свою метрику, джигит, выпишите ему направление, Разия Исаковна.

Проводив взглядом удаляющуюся фигуру секретаря, председатель устало улыбнулся:

– Так, значит, Есен, говоришь – учиться хочешь? Это хорошо, теперь, чтобы пятёрки получать, у тебя все условия будут, смотри, не подведи меня. Самолично приду, проверю успеваемость, если оценки плохие увижу, не сердчай – в два счёта вылетишь, договорились? Ну что стоишь, как вкопанный, садись, чай пить будешь?

Есен, немного заикаясь от волнения, поблагодарил хозяина кабинета за помощь и сломя голову, чуть не забыв драгоценную бумажку с гербовой печатью, во весь дух помчался в интернат.

28

– Везунчик ты, – Славка, помогая Есену заправить одеяло в пододеяльник, улыбался, радуясь за друга, – выбил-таки направление. А я, честно говоря, и не сомневался, что так будет. Если я что-то захочу, то оно тотчас сбывается...

Кровати друзей стояли рядышком в середине большой палаты. Воспитанники почти все уже съехались и, получив постель, заправляли свои койки. Рядом с кроватью стояли тумбочка и табуретка. Палаты девочек находились на втором этаже, и оттуда доносились их звонкие голоса и смех.

За прошлый учебный год Есен успел сдружиться со многими ребятами, в том числе и интернатовскими, теперь они при встрече радостно приветствовали его, не скрывая своего удивления. Кормили здесь неплохо, никто не голодал, но всё же были так называемые «голодающие Поволжья», в основном малышня, они никак не могли насытиться. С вечно голодными глазами и жующими ртами, они носили в карманах хлеб, днём и ночью не переставая поглощать его. Когда предстояло дежурство в столовой, они наперебой упрашивали воспитателей взять их дежурными на кухню. Там после ужина, набрав мослы и хлеба, они лакомились костным жиром. Есен, сам зная, что такое голод, не осуждал их, напротив – жалел, понимая, что один раз испытал такое, у многих детей что-то ломалось в их неокрепшей психике. Панический страх остаться голодным приводил к навязчивой идее запастись впрок и заставлял припрятывать припасы. Им было бесполезно объяснять, что такое страшное время больше не повторится, что еды хватит на всех – просто должен был пройти какой-то промежуток времени, чтобы они сами осознали и вылечились.

Есен с удивлением узнал, что покупать вещи не придётся – достаточно было заранее записаться и получить новенькие обувь и одежду. Мыло, зубной порошок выдавались воспитателем, нижнее бельё меняли раз в неделю, после бани. В здании кроме спальных палат были библиотека, актовый зал, классные комнаты и складские помещения. Столовая и баня стояли отдельно, рядом с футбольным полем и спортивным городком. «Всё-таки как хорошо, что я попал сюда», – радовался Есен, с удовлетворением отмечая каждую продуманную мелочь, созданную для того, чтобы советские дети могли счастливо жить и учиться.

29

Есен повеселел, учёба пошла в гору. Теперь никто не мешал его занятиям, даже наоборот, если случалось, что возникал какой-то вопрос по пройденной теме, то он тотчас же решался благодаря находившимся под боком отличникам или же девочкам-старшеклассницам. Специально для отстающих воспитатели назначали отличников из старших классов, чтобы те брали шефство над младшими. Так у Есена появилась симпатичная семиклассница Оля Иванова, искренне проявляющая заботу об его успеваемости. Оленька так трогательно и тщательно отвечала на задаваемые вопросы, что иной раз Есен от скуки приглашал старшеклассницу в классную комнату, якобы объяснить непонятное, а на самом деле просто полюбоваться на её красивое личико и вьющиеся светлые кудри.

К концу первой четверти шестиклассник Есен Баталов был готов порадовать своими оценками обещавшего прийти председателя райисполкома. К дяде он изредка наведывался узнать о житье-бытье, а иногда просто помочь по хозяйству. Дядя по-прежнему мотался по сёлам и отделениям, тётя Алтын всё хорошела, а малыш уже начал ходить и, проявляя свойственную возрасту недюжинную любознательность, старался залезть в любую щель.

Вечерами в интернате после подготовки уроков воспитанники могли заниматься каждый своим любимым делом. Кое-кто шёл на

спортплощадку, а кто-то просто играл в футбол или волейбол. Действовали несколько кружков: шахматно-шашечный, танцевальный, музыкальный и изобразительного искусства. Как-то, услышав звуки аккордеона, доносившиеся из актового зала, и заглянув туда, Есен увидел детей, поющих задорную песню вместе с молодым учителем пения. Это было как раз то, чем он мог бы с удовольствием заниматься в свободное время. Записавшись в этот кружок, Есен не пожалел о выборе, учитель пения оказался музыкально одарённым и играл на аккордеоне, фортепиано и домбре. Теперь до этого скучные пустые вечера наполнились интересом – закончив делать уроки, Есен спешил в актовый зал, где молодой учитель Кенже-ага обучал игре на домбре нескольких ребят, в том числе и его. Видимо, желание овладеть инструментом у Есена было огромное, а может, где-то внутри его дремал какой-то ген, проснувшийся и гордо заявивший о себе. Так или иначе, руководитель кружка отметил явные способности своего нового ученика, а также хороший музыкальный слух.

Спустя полгода Есен уже играл несколько песен и даже один красивый мелодичный кюй. Его тайное желание встретить Мади вспыхнуло с новой силой. В своих детских мечтаниях лелея эту встречу, Есен засыпал, фантазируя и каждый раз представляя это по-новому. Однажды ему приснился удивительный сон.

... Он как будто уже взрослый парень, в красивом костюме, где-то на празднике. Много народу, все радостно приветствуют, обнимают и целуют его. Вдруг откуда-то появляется Мади, опрятно одетый, с домброй. Вот он, тронув волшебные струны, заводит красивую песню. От мелодичного напева и трогательного за душу голоса окружающие люди светлеют, их лица изнутри словно начинают озаряться неведомым сиянием. Затем, закончив напев, Мади неожиданно высоко вверх подбрасывает домбру, которая, описывая замысловатые круги, стремительно летит вниз. Вытянув руки, боясь, что она разобьётся, Есен ловит её и хочет вернуть хозяйину. Но Мади, обнимая его и улыбаясь, даёт понять, что домбра выбрала Есена. Тот, внимательно разглядев, сначала поражается её старинной изящной инкрустации, а после, прикоснувшись к чародейственным струнам, и звучанию. «Волшебная домбра», – догадывается он. Рядом стоявшие люди радуются и подходят с поздравлениями...

30

В конце лета 1980 года, ближе к уборочной страде, зелёный «Уазик» областной филармонии нёсся по запылённой степной дороге в один из совхозов. За рулём, молчаливо глядя вперёд и изредка вытирая мокрый от пота лоб, сидел пожилой крупный мужчина лет пятидесяти. Загорелое невозмутимое лицо, летнее кепи и большие зеркальные очки придавали ему сходство с героем одного из зарубежных фильмов. Рядом, внимательно поглядывая по сторонам, удобно расположился его спутник – лет сорока, не больше. Моложавое, с правильными чертами лицо и открытый взгляд располагали, а улыбка выдавала хорошее настроение. Не выдержав монотонного урчания мотора и решив как-то ободрить водителя, пассажир нарушил молчание:

– Сергей Петрович, а вы сами откуда будете? А то вроде бы вместе работаем, а друг друга толком и не знаем.

– Да я из-под Рязани. Сюда в 1954-м на целину дядю моего направили, ну а я уже после армии сразу к нему и приехал. К технике у меня с детства душа лежит, так что мой водительский стаж немалый. А вы, Есен Казбекович, где родились?

Вглядываясь в бескрайнее пшеничное море, проплывающее за оконным стеклом машины, пассажир прищурился, словно что-то вспоминая:

– Я-то? Да здешний я, из этих вот мест. Вон за тем лесом раньше посёлок был, где и прошло моё детство.

Шофёр хотел было ещё расспросить собеседника, но осёкся, взглянув на его лицо. «Надо будет – сам расскажет, что в душу лезть», – подумал водитель.

А Есен, глядя на родные сердцу места, вспоминал эпизоды из своего, казалось бы, недавнего прошлого...

31

... Март 1953 года, утро, школа, почему-то ещё не начался первый урок. Растерянные учителя обрамляют портрет Сталина траурной чёрной лентой. Все испуганно шепчутся. Недоумение, страх и пугающая неизвестность. Наконец-то директор школы, обратившись ко всем, чуточку запинаясь, объявил, что вчера, 5 марта в 21 час 50 минут в Москве товарища Сталина Иосифа Виссарионовича не стало... Воцарилось безмолвие... потом раздался громкий женский всхлип, переросший уже в громкое рыдание... Есен в тот момент не выдержал – заплакал, впрочем, как и многие другие ребята...

На следующий год Есен, закончив семилетку, приехал домой. В то время батя приболел, слёг, и тяжёлое бремя старшего в семье легло на неокрепшие мальчишеские плечи. Старательного паренька в селе знали, поэтому работу в подходе на скотном дворе Есен нашёл без проблем. Хотя было порой нелегко, приходилось наравне со взрослыми трудиться допоздна, Есен был рад, потому что его заработок помогал семье сводить концы с концами. «Кормилец наш», – ласково называли его родители. Однако нехватка денег чувствовалась, частенько приходилось урезать семейный бюджет, отказываясь иногда даже от самого необходимого. В такие моменты Есену очень сильно хотелось ускорить время, чтобы, скорее став взрослым, найти работу с оплатой побольше. Через два года Есен отправился в районный центр, где устроился на завод поршневых колец – эвакуированный в годы войны из Мелитополя. Таких гигантов, выпускающих продукцию не только на всю страну, но и на экспорт, были единицы. Начав с ученика, с интересом осваивая азы токарного дела, постепенно Есен стал неплохим специалистом. Теперь он мог с гордостью считать себя настоящим рабочим. Получая довольно приличную для молодого парня зарплату, Есен всё отвозил домой, так как в семье «нашего полку прибыло» – теперь у него было две сестрёнки и четверо братишек.

Работа радовала, так как приносила не только хорошие деньги, но и давала уверенность в завтрашнем дне и чувство гордости за себя, за весь рабочий класс, к которому причислял себя Есен.

Решив продолжить учёбу, Есен записался в ШРМ – школу рабочей молодёжи. После работы успев немного отдохнуть и сделать уроки, Есен отправлялся в школу.

Однажды, приехав домой, Есен задержался дольше положенного времени, так как срочно нужно было оформить родителям бумаги в райсобресе. В райцентре проторчал целый день и, наконец, уладив бумажные передряги, Есен на работе появился лишь на следующий, вместо положенного, день. Мастер Михалыч, хмуро выслушав объяснения юнца, велел писать заявление об увольнении. В те годы рабочий, прогулявший один день, мог смело идти увольняться. Продукция завода была востребована многими отраслями народного хозяйства, и со всей страны по комсомольским путёвкам приезжало много рабочей молодёжи...

32

– Да, давненько я не был в родных краях, Сергей Петрович. Извините, задумался что-то. Вспомнил детство своё босоное, голоштанное, полуголодное, но всё-таки счастливое... Знаете... если есть время, давайте заедем в село одно, вернее, на разъезд, там человек один жил интересный, узнать бы, что с ним... на пять минут заскочим, чайку выпьем, передохнём.

– Как скажете, Есен Казбекович, наше дело баранку крутить. Понимаю вас, родные места, люди, иных четверть века, поди, не видели. Мне часто родная деревня снится, зовёт, что ли. Иной раз так прижмёт, хочется сесть в поезд и к себе на Рязанщину махнуть. Хотя кого там сейчас найдёшь, друзья поразъехались все... Как говорится, иных уж нет, а те – далеко... Точно, вот отпуск возьму и обязательно выберусь, хватит уже на даче горбатиться – который год одно и то же! Совсем уже в быка тяглого превратился, и сына возьму, тот уже большой стал, а всё не знает, где батька родился.

Сергей Петрович повеселел, расправил плечи, улыбнулся:

– Хорошо что с вами в командировку поехал, Есен Казбекович, на следующий год уж точно отправлюсь на родину...

33

... После увольнения из механического цеха Есен просидел неделю без работы. Однажды он встретил знакомого из литейного цеха. Тот рассказал, что у них большая текучка, так как не все выдерживают тяжёлый изнурительный труд. «Приходи завтра, – сказал он, – я переговорю с мастером, может, тебя возьмут». На следующий день Есен пошёл в литейный, и был принят рабочим. Этот период надолго запомнился пареньку. Два бесконечных года, проведённых в горниле испытаний, Есен не пожелал бы никому. Токарное дело по сравнению с работой литейщика было хоть и сложнее, но намного легче. Восемь часов адского труда в кипящем огнём и жаром цехе, когда под конец рабочего дня пылающая голова уже плохо соображала, а в груди лёгкие, казалось, взорвутся от недостатка свежего воздуха – были поистине долгими и трудными. Есен вначале приходил и падал замертво, не в силах даже раздеться.

Общежитие, где он жил в то время, находилось рядом, и соседи по комнате – взрослые мужики, жалели его, уговаривая бросить эту тяжёлую работу. Но другого выхода не было, семье нужны были деньги, а чтобы найти другую хорошо оплачиваемую работу, надо было опять сначала выучиться, а потом уже стать полноценным специалистом. Это не устраивало Есена, так как батя уже не работал по состоянию здоровья.

Втянувшись, Есен продолжил учиться в вечерней школе. В свободные вечера посещал заводской клуб, там было интересно – проводились занятия различных кружков, в том числе и кружка художественной самодеятельности. Его вела красивая женщина – Татьяна Леонидовна Оломуцкая, хороший хореограф и музыкальный руководитель. Она-то и заметила в Есене любовь к музыке, пению, отметив его тонкий слух и неплохие вокальные данные. Так Есен стал активным участником смотров самодеятельности и потихоньку начал осваивать сольфеджио, вокал и игру на аккордеоне. После работы приходя в клуб, на занятия к Татьяне Леонидовне, выглядевшей всегда энергичной, доброжелательной и привлекательной, Есену становилось легче – исчезали усталость, раздражительность и сонливость. Распахнув широкие меха аккордеона, нажав на блестящие перламутровые клавиши и почувствовав, как мелко-трепещущей дрожью инструмент начинает оживать, переливаясь всеми оттенками своего волшебного голоса, Есен тотчас сливался с ним в единое целое, вмиг позабыв обо всём на свете...

34

На областном смотре художественной самодеятельности, проходившем в Акмолинске, Есен принёс своему творческому коллективу неожиданный успех – занял первое место. Награждение, грамоты и ценные подарки ошеломили ребят и, конечно же, саму Татьяну Леонидовну. Её долгие увлекательные занятия с Есеном вокалом и игрой на аккордеоне не прошли даром. Научившись управлять тембром, звучанием своего голоса, по утрам прилежно делая распевки и специальные упражнения, Есен окреп голосом. За терпеливость и мягкость, иногда граничащую со строгим педантизмом Татьяны Леонидовны во время занятий, Есен с благодарностью и неким благоговением относился к ней.

Они вместе разучили популярную украинскую песню «Рушничок», которую Есен и спел, подыгрывая себе на аккордеоне. В белой, вышитой узорами косоворотке, в шароварах, заправленных в сапоги, Есен так чисто спел эту песню, что члены жюри восхищённо переглянулись, а зал бурно зааплодировал.

*Рідна мати моя, ты ночей не доспала
И водила мене у поля край села.
И в дорогу далеку ты мене на зари проводжала,
И рушник вышивани на щастье (на долю) дала...*

Вторую песню «Козімнін карасы» – великого Абая, услышанную ещё в детстве от Мади, Есен спел два куплета на казахском, а заключительный – на русском, при этом показав виртуозную технику игры

на домбре. Третьим был романс «Я помню чудное мгновенье...» на стихи А.С. Пушкина, а аккомпанировала на фортепиано сама Татьяна Леонидовна. В ответ – бурный шквал оваций благодарного зала. Уже за кулисами, принимая поздравления своих и незнакомых участников и увидев взволнованные глаза Татьяны Леонидовны, Есен, растрогавшись, чуть было не прослезился. «Эх, видели бы сейчас меня мои родные, мама, батя, малышня...» – промелькнуло в голове...

35

Благодаря своим успехам на музыкальном поприще Есен приобрёл некоторую известность, теперь рабочие литейного цеха бравовали своим любимцем, словно и они были причастны к его внезапно раскрывшемуся таланту. Остальные же заводчане стали узнавать Есена, многие подходили и поздравляли его.

После работы Есен, чуток отдохнув, вместе с другими ребятами спешил в вечернюю школу, он твёрдо решил получить среднее образование. Учиться нравилось, Есен, не стесняясь, спрашивал непонятное, бойко отвечал, активно работал, особенно на уроках математики и физики. Еле дождавшись звонка об окончании последнего урока, Есен тотчас мчался в клуб. Там он находил душевный покой, черпал силы, целиком отдаваясь любимому делу. Татьяна Леонидовна указала на ошибки, допущенные им на выступлении в Акмолинске, велела срочно избавиться от них, так как скоро они поедут отстаивать честь области на республиканский смотр художественных коллективов в Алма-Ату. Времени было в обрез, и поэтому решили увеличить продолжительность и количество занятий...

... Алма-Ата поразила Есена своей архитектурой, обилием солнца и зелени, а самое главное – величественно возвышающимися, словно нарисованными, горами. Глядя на их мощные, кряжистые изломы, белоснежные шапки, подпирающие зыбко курящуюся высь и ниспадающие зелёные локоны, становилось удивительно хорошо, и голова шла кругом от такой красоты. Ранним утром, выйдя на балкон гостиничного номера, Есену захотелось им громко выкрикнуть что-нибудь озорное, дерзкое. «Эгей, Алатау, здравствуй, вот он – я! Скоро я стану великим и известным! И на меня тоже будут смотреть с любовью и восхищением!». Редкие прохожие недоуменно взирали на приветливо махавшего им рукой и улыбавшегося Есена... До чего же красиво всё вокруг – высоченные пирамидальные тополя, вековые дубы, вишни, яблони, ели, тенистые уютные скверики, чистенькие дорожки с журчащими арыками!

... Исполнив тот же репертуар, на этот раз уже увереннее и спокойнее, Есен понял по взгляду Татьяны Леонидовны, сидевшей в первом ряду, что выступил неплохо. Да и вся команда, подзадоренная отличным выступлением Есена, продолжила в таком же темпе – чётко, слаженно станцевали русскую плясовую с разухабистыми подсвистами, весёлый краковяк и закончили хоровым пением. После окончания, уже за кулисами, подлетела счастливая Татьяна Леонидовна и бросилась всех обнимать:

– Ребята, молодцы! Я так переживала, вы просто не представляете, как я рада! Есен, солнышко, ты сегодня блистал, жюри прямо-таки

оцепенело, ты их ошарашил, я тебе скажу! Теперь будем ждать решения, нам первого места не надо, хотя бы второе или третье. Чтобы во всей республике знали о нас и нашем заводе!

Члены жюри, среди которых были и маститые деятели культуры, долго не решались кому отдать пальму первенства. Многие коллективы, приехавшие из разных областей республики, показали высокое мастерство и профессионализм. Отлично, без сучка и задоринки выступили и сами алмаатинцы, поэтому чаша весов поначалу склонялась в их сторону. Кто-то из почтенных членов жюри предложил поделить первое место между ними и ребятами из Акмолинской области – «целинниками», как он выразился. Все охотно согласилось с ним. Но тут встал главный из команды алмаатинцев, пожилой статный мужчина – их художественный руководитель:

– Уважаемые члены жюри, позвольте мне от лица своих товарищей поблагодарить вас за то, что дали высокую оценку нашему выступлению. Да, мы старались, готовились, трудились и, как видно, не напрасно. Но у нас есть одно преимущество перед остальными – мы дома, а дома, как говорится, и родные стены помогают. Поэтому с нашей стороны будет честно и справедливо, если первое место увезут на целину наши гости – акмолинцы, они сегодня были на высоте, надо отдать им должное! А нам и второго места хватит!

Жюри оценило проявленное благородство, присудив первое место коллективу художественной самодеятельности завода поршневых колец из Акмолинской области. Надо ли говорить, с каким восторгом восприняли это решение и зрители, и сами виновники счастливого события.

В момент радостного ликования кто-то потянул Есена за рукав, обернувшись, он увидел незнакомую женщину, улыбающуюся и знаком приглашающую отойти в сторону.

– Здравствуйте, извините, что отрываю вас от коллектива, мне необходимо кое-что сказать вам и узнать ваше мнение. Меня зовут Сара Алтынбековна, я старший преподаватель кафедры музыки в Алма-Атинской консерватории. Приглашаю вас к нам учиться, можем взять даже без экзаменов на первый курс. У вас есть талант, поверьте, я не первый год преподаю, только надо развивать его. Общежитие рядом с учебным корпусом, столовая отличная. Ну а про девушек говорить не стану – одни красавицы!

Есен сначала обрадовался, потом же, узнав, что стипендия всего лишь 160 рублей, с горечью заметил:

– Спасибо большое за приглашение, за слова ваши сердечные. Только сами посудите, как мне на эту стипендию жить? У меня в Алма-Ате нет никого, а близкие мои сами ждут не дождутся моей зарплаты. Кормилец я, понимаете? Дома семеро по лавкам, да ещё мать, отец больной. Очень хочу, но не могу, не обижайтесь.

– Ваше право, молодой человек, вам решать. Но если передумаете, приезжайте.

Перед тем как пойти служить в армию Есен устроил сестрёнку и братишек в интернат. Теперь душа его была за них спокойна, ну а за мать с

отцом велел не тревожиться дядя Сартай: «Служи себе и не переживай, я позабочусь о твоих родителях, они мне ведь не чужие». Три года вдали от родных прошли незаметно. Уроки армейской закалки, военной выручки и дружбы многому его научили, в том числе и самому главному – стойко преодолевать любые жизненные препятствия.

После армии в 1962 году Есен поступил в только что открывшийся Целиноградский педагогический институт, на музыкальный факультет. Годом раньше Акмолинск переименовали в Целиноград, ставший столицей Целинного края. Студенческая пора, наверное, самая беззаботная и весёлая в жизни каждого молодого человека, особенно когда вокруг тебя столько красивых девушек. Но не к ним проявлял интерес Есен. С каждым занятием его душа словно расцветала, наполнялась новыми чувствами, переживаниями. Как много увлекательного он ещё не знал, и теперь его сущность, напоминая прежде пустой сосуд, стала впитывать в себя живительный нектар вечного и прекрасного. Слушая классическую музыку, Есен, мысленно переносясь в далёкое прошлое, проникался духом того времени. Захваченный идеями романтизма, ощущал потребность найти свой путь, посвятить себя служению родине, народу, детям. «Каждый мыслящий человек должен осознавать своё высокое назначение, быть ответственным во всём перед собой, своей совестью, честью, а также перед своим народом. Постараться прожить так, чтобы после тебя остался хоть какой-нибудь хороший, полезный след. Сеять разумное, доброе, вечное – так вроде сказал кто-то из великих...» – всегда повторял Есен.

После окончания института Есен приехал в свой районный центр, где стал работать в школе учителем музыки и пения. А спустя два года Есена пригласили в город – работать в областной филармонии...

«Сергей Петрович, всё уже, приехали, потерпите, чуть-чуть осталось. Сейчас чаю напьёмся, подкрепимся немного», – подбодрил Есен водителя, заметив его некоторую усталость. Показались первые дома. Стараясь извлечь из памяти свято хранимые с детства и запечатлённые как на фотоплёнке образы того старого посёлка, Есен радовался как ребёнок, когда узнавал родные сердцу строения, улочки и дома.

– Давайте остановимся, спросим у кого-нибудь – где дом Мади, его здесь все должны знать.

Притормозили возле проезжавшей на велосипеде девчонки, которая показала нужный им дом, стоявший чуть в стороне от дороги. Светлый, с палисадником дом, резные синие наличники на окнах, деревянный штакетник, за ним раскинула пушистые лапы ель, на подоконнике за окошком лежит, жмурясь, кот.

Видно, услышав шум подъехавшей машины, вышла хозяйка...

Боже мой, как жестоко время, что же оно сделало с тобой, милая Тогжан? Где твои упругие чёрные косы, дивный девичий стан, нежный овал лица? Есен, не подавая виду, молча приблизился к ней. Щуря глаза и поставив ладошку козырьком, постаревшая, но не потерявшая своей

привлекательности Тогжан поздоровалась:

– Здравствуйте, добро пожаловать, наверное, устали, поди издалека едете? Проходите в дом, будьте гостями, отведайте угощения нашего. Извините, что не узнаю вас, вижу только, что человек вы добрый, хороший и... непростой. Как будто мелькает что-то знакомое в вашем облике, а что – не могу понять. Извините за прямоту, вас как зовут?

– А я вас сразу узнал, вы – Тогжан, правильно? А я ваш преданный вечный воздыхатель, даже не женился до сих пор. Вот приехал к вам, просить руку и сердце, – Есен поклонился, скрывая улыбку.

Тогжан звонко рассмеялась, обняла Есена:

– Только по голосу признала тебя, Есен-жан, ну здравствуй, родной. Такого, как у тебя, голоса ни у кого нет. Сколько же мы не виделись, слышала я про тебя, что в городе живёшь, жена у тебя, двое мальчишек растут. Думала – когда же появишься, когда посетишь нас. Проходите в дом, заводите гостя своего. Вот Мади обрадуется, погоди, не говори, кто ты, пусть сам признает.

И тут же, открывая дверь в дом, с порога закричала:

– Эй, старый, к тебе из города пожаловали. Тебя решили делегатом выдвинуть на съезд от всех железнодорожников нашего района, – затем уже шёпотом Есену, – плохо слышать стал, кричать приходится.

Зайдя в комнату, Есен вздрогнул: совсем не таким представлял он Мади и эту их долгожданную встречу. Сколько лет вынашивал он эту мечту – прийти в этот дом и сыграть на домбре своему кумиру.

Годы не пожалели Мади, от когда-то буйной шевелюры остались жалкие редкие волосы по краям огромной сверкающей лысины. Брови поседели, морщины иссекли мужественное лицо, глубокие складки залегли в уголках губ, на шее. Если бы кто-нибудь сказал, что это Мади, Есен ни за что не поверил бы. Единственным оставшимся без изменения был безмятежный, ясный взор живых, полыхающих глаз. Мади сидел за накрытым столом, видно, только собравшись ужинать. Рядом сидел мальчонка лет шести – черноволосый, смуглый, кудрявый как цыганёнок. Поражало явное сходство, проскальзывающее в чертах обоих. «Наверное, внук», – догадался Есен и нарочито громко поздоровался:

– Ассаллаумагалекум, аксакал. Мир вашему дому.

– Уагалекумассаллам, добрые люди. И вашему тоже. Проходите на почётное место, отведайте нашего угощения. Вы вовремя появились, наверное, люди хорошие.

Мади, коротко взглянув на Есена, обратил своё внимание на Сергея Петровича. ... Узнал, не узнал? – Есен так и не понял хозяина дома, спокойно попивающего чай с самым невозмутимым видом. Тогжан, налив гостям полные тарелки горячей дымящейся лапши, нарезав мяса, хлеба, не вытерпела, обратилась к мужу:

– Ну что молчишь, Мади, посмотри внимательно на гостя, на кого похож?

Аксакал, водрузив на нос очки, прищурился, затем покачал головой:

– Я ведь на пенсию вышел по инвалидности, из-за того, что плохо видеть стал. Так что не обижайтесь, не признаю что-то.

Есен, утолив голод, откинулся на мягкие подушки и, посмотрев, что

водитель уже допивает чай, ласково попросил:

– Сергей Петрович, не в службу, а в дружбу, принесите, пожалуйста, из машины домбру. Вы сейчас услышите знаменитого во всей округе и любимого всеми Мади, если он соблаговолит порадовать гостей своим пением.

– Хорошо, Ес... – водитель умолк, увидев загадочное лицо Есена и приставленный к губам палец, – ... ли так надо... то... пожалуйста, – спохватившись, нашёлся он.

Тогжан отвернулась, прыснув в кулачок, тихо рассмеялась.

38

У домбры, которую вскоре занёс водитель, была своя история. Лет пять назад, находясь в Алма-Ате по служебным делам, Есен, подыскивая подарки родным, забрёл в какой-то небольшой сувенирный магазин. Вот там-то он и увидел эту драгоценную красавицу. Драгоценность заключалась не только в её высокой цене, которую назвала продавщица, но и в богатой инкрустации, лёгкости, изящности, которые были видны даже неискущённому человеку. Впервые взглянув на неё, Есен сразу же понял, что это настоящий инструмент, и, взяв домбру в руки, с удовлетворением нашёл подтверждение своей догадки. Домбра была вырезана из цельного куска дерева ценной породы, по всем канонам, существующим с древних времён, то есть с полым грифом. Вырезанные из кости животных инкрустированные вставки, обрамляющие края грушевидного корпуса и прикреплённые к деке серебряными заклёпками, свидетельствовали о таланте мастера. Закрыв глаза, осторожно, боясь разочароваться, Есен провёл по её струнам. Инструмент словно выдохнул – шепнул давно стосковавшимся стоном свою радость, печаль, удивление – всё в одном звуке, и сердце Есена заколотилось бешеным степным намётом. Всё ещё не веря глазам, он, быстро настроив красавицу, брызнул звонкой весёлой чередой аккордов...

С самого начала Есен уже знал, кому вручит этот дорогой подарок. Тому, кто открыл для него этот волшебный мир, зажёл в его сердце любовь к музыке и показал верную дорогу. Эта дань уважения и признания, помещённая в чехол, целых пять лет пролежала в квартире Есена, дожидаясь своего часа.

И вот сейчас, взяв домбру в руки, Есен обратился к Мади:

– Уважаемый, в народе говорят: можно иметь зрение как у орла, но не видеть того, что творится под носом, и можно быть слепым – и видеть всё сердцем. Позвольте, я сыграю для вас одну песню, она оживит ваши воспоминания и, быть может, заставит быстрее бежать кровь по жилам.

Есен запел песню из своего детства, ту, которую пел когда-то Мади для своей любимой.

*Козімнін карасы,
Конілімнін санасы,
Бітпейді іштегі,
Гашыктык жарасы...*

Глаза Мади заблестели, опять вооружившись толстостенными линзами, он внимательно взглянул на поющего. По окончании

песни тихо рассмеялся:

– Ай, Есен, уважил ты меня, молодец! Я тебя сразу узнал, только сомневался немного, ведь столько лет прошло. Последний раз мы с тобой на свадьбе Ильяса – дружка твоего виделись, какой год был, 59-й или 58-й, уже не помню. Ты тогда на заводе работал, на пять минут всего заскочил поздравить, торопился, куда-то уезжал – в Алма-Ату, что ли. Мы тогда с тобой и словом не успели обмолвиться. А потом мы только краем уха слышали про тебя. Вон в районе, в школе про тебя до сих пор вспоминают, гордятся, говорят – самый лучший учитель был. Что ещё... а, это... молодцы, что с Ильясом дружбу не теряете, общаетесь. Через него мы знаем всё о твоей семье, работе. Спасибо, что заехал к нам, не забыл.

– Это вам спасибо, Мади-ага. Вы научили меня любить, чувствовать прекрасное, восторгаться красотой и изяществом. Я столько лет мечтал о том, чтобы прийти и поклониться вам, выразить свою благодарность. Позвольте мне вручить вам этот скромный подарок.

– Рахмет, Есен, такую дорогую домбру я никогда не держал в руках. Мне очень приятно, поверь, но ещё приятнее будет, если ты сыграешь в этот вечер на ней для нас что-нибудь особенное, запоминающееся. Прошу тебя, Есен-жан, не откажи.

Есен молча взял домбру, чуть подумав, тронул упругие струны, заиграв «Полонез Огинского». По лицам сидящих пробежала гамма различных чувств, особенно загорелись глазёнки у маленького слушателя – внука Мади. Весь подавшись вперёд, он не сводил взгляда с левой руки Есена. «Запоминает аккорды, – отметил своим опытным взором Есен, – если в деда пошёл».

– Ну теперь ваш черёд, Мади-ага. Давно я не слышал вас, – Есен протянул домбру хозяину дома.

Но тот молча покачал головой, кивнув на рядом сидевшего внука:

– Я своё отыграл, пальцы не те уже, артрит проклятый замучил. За меня внучок мой Алибек сыграет. Будущий композитор, прошу любить и жаловать. Алеке, давай, не стесняйся.

Алибек и не думал стесняться, его давно уже магнитом тянуло к домбре. Глаза широко раскрылись, а ручки, бережно обхватившие инструмент, уверенно приготовились к исполнению. Взглянув на деда и, видимо, ожидая от него подсказки, Алибек вдруг лукаво усмехнулся и, тряхнув кудрявой головой, вдруг заиграл... только что услышанный полонез.

«Вот пострелёнок, запомнил же, молодец! Видать, дедушкина кровь, если так с ходу ловит», – Есен с изумлением уставился на мальчишку. А тот, зажмурясь от удовольствия, наяривал Огинского, нутром угадывая одобрение окружающих...

Зелёный «Уазик» летел по степной дороге, поднимая клубы пыли и оставляя за собой огромный серый шлейф. До нужного совхоза оставалось чуть больше десяти километров. Для сельчан готовилась большая праздничная программа, посвящённая занятому ими первому месту в соцсоревновании всех совхозов области. В этом торжестве должны были

участвовать артисты областной филармонии, приехавшие на день раньше, чтобы подготовиться и порадовать сельских тружеников своим выступлением...

Есен, глядя в очертания приближающего посёлка, улыбался, находясь ещё под впечатлением радушного приёма. На прощание потрепав Алибеку непокорные кудри, посоветовал Мади с Тогжан, чтобы они отправляли внука учиться в город. «Я помогу устроить его в музыкальную школу, впрочем, его даже и устраивать не надо – он сам поступит, я уверен. Условия отличные – живут при школе, питание неплохое, он там и среднее образование получит... У него есть талант, поверьте, только надо развивать его», – напоследок припомнились слова, когда-то предназначавшиеся для него самого.

Мади сердечно поблагодарил и пообещал, что они подумают и, скорее всего, так и поступят. «Как когда-то давно я стал для тебя, как ты говоришь, маяком, так и ты будь нашему внуку опорой, помоги ему. Он тебя не подведёт, вверяем его тебе. Пусть будут широкими ваши дороги, и всегда найдутся верные спутники!» – Мади крепко обнял Есена...

... Верные спутники – как хорошо сказано. А ведь для казаха на протяжении всей его жизни домбра всегда была и остаётся верным спутником, товарищем, другом, помогающим как в трудную минуту, так и разделяющим радостные переживания. Проходит время, сменяются поколения, но в каждом доме степняка всегда есть и всегда будет место для этого музыкального инструмента... На память пришли чьи-то строки...

...О, домбра, почему твоя песня грустна?

Грудь твоя забытых преданий полна.

Лишь рукою коснусь я упругих струн,

Зазвучит вековая боль, старина...

г. Астана.

Рисунки автора.

Людмила ВОРОБЬЁВА

Мамин праздник

Рано утром папа встал,
Маму в кухне не застал.
Мама нежится в постели —
Праздник мамочкин настал.

Женский день международный
Отмечают мамы все.
Папы крутятся сегодня,
Словно белка в колесе.

Надо торт на стол поставить
И ребёнка нарядить.
Тёщу с праздником поздравить —
Постараться угодить.

Мама молча наблюдает,
Улыбается тайком,
Как пломбир у папы тает
На полу под каблуком.

Утопил часы в кефире,
Молоко по всей плите.
Не замечены в квартире
Даже дети в суете.

г. Актау.

Папа очень торопился —
Получился тарарам,
Думал он: «Зачем женился,
Если праздник есть у мам?»

Отдохнуть решил немножко
От домашней суеты.
И коротенькой дорожкой
Побежал купить цветы.

Пожалели папу дети,
За работу принялись.
И единственный на свете
Маме сделали сюрприз.

Дети очень постарались,
Вскипятили маме чай
И сказали, улыбаясь:
«Праздник, мамочка, встречай!»

Праздник поздно завершили.
И семья довольна вся.
И в кругу семьи решили —
Мамин праздник удался!

Коралай АБЫЛГАЗЫ

Дебют

Музыка для двоих

Рассказ

*Самое большое счастье в жизни –
это уверенность, что тебя любят.*

В.Пою

Март, 2009 год.

- Привет!
- Привет.
- Как дела?
- Неплохо.
- Что нового?
- Ничего особенного. У тебя какие новости?
- Куча новостей.

Как работа, как родители, как друзья... Целый град заурядных вопросов. И вопрос, который всё в ней перевернул:

- Как тебе погода?
- А что с погодой?
- Как тогда, помнишь?
- Сколько времени прошло с того момента?
- Не знаю, у тебя есть силы думать об этом?

Так начался разговор двух людей, которые должны были всю свою жизнь провести вместе. С тех пор прошло пять лет, с тех самых пор. Можно назвать эту историю сказкой или нет, решайте сами, но по мне эти двое будто рождены друг для друга.

Март, 2003 год.

– Жулдыз, доченька, ты готова? – это папа Жулдыз – Омар Касымович. – Моя малышка выходит замуж, какой я счастливый отец, а ты прекрасная дочь, и какой я несчастный, что нужно тебя отпустить. Как же я тебя люблю, мне трудно, но так надо, ты создашь свою семью с замечательным человеком, я считаю, Асанали хороший человек, он счастливчик, только вот останемся мы с мамой вдвоём, одни...

– Ну что ты, папа, говоришь такое? А Раушан? А Анар? Ведь у тебя ещё две чудесные дочери, они ещё долго будут с вами.

**Коралай
АБЫЛГАЗЫ**

родилась 6 августа 1990 года в Алма-Ате. В 2008 году поступила в институт архитектуры и строительства Казахского национального технического университета имени К.И. Сатпаева. Окончила курсы японского языка при Японско-казахстанском центре развития человеческих ресурсов (2007 г.). Кроме казахского и русского владеет английским языком. Публикуется впервые.

– Да, но и они однажды покинут наш дом.

– Папа, а потом пойдут внуки, представляешь, сколько радости тебя ещё ждёт впереди! Пап, ты лучше скажи, почему я так переживаю, у меня столько вопросов, а осталась пара часов, и...

– Знаешь, дочка, без ответов человек проживёт, а вот без любви – сомневаюсь. Поэтому отбрось все сомнения и иди только вперёд.

День свадьбы – это всегда нервы, слёзы, грусть, радость, хлопоты, и главное – любовь. Любовь во всём. Любовь двоих. И в этот день всё было безупречно, красиво и сказочно. Жених и невеста – оба были из уважаемых и богатых семей, обе стороны постарались, к тому же и жених и невеста были старшими детьми, на них возлагали большие надежды, в будущем они – главы семейств.

И вот церемония бракосочетания. Волнующий момент для всех, в такие минуты в голове проносятся тысячи мыслей. Захватывает дыхание, будто взлетаешь. Жених и невеста обменялись кольцами и вступили в долгое путешествие под названием «жизнь». Пышный банкет, родственники жениха за «кулисами действия» и в прямом и в переносном смысле. Вопросы на кухне, вопросы с тамадой и целый ряд дел, которые нужно решать со скоростью света только для того, чтобы сказка под названием «свадьба» осталась сказкой в глазах всех трёхсот гостей. Потому что именно в такие моменты понимаешь, что любовь всё видит сквозь телескоп, а зависть всё видит через микроскоп. В этот день было тяжело не завидовать: салют, свадебный стол, да и список гостей сам за себя говорил об уровне торжества, на нём присутствовали политики, писатели, композиторы, представители шоу-бизнеса. Жених и невеста были счастливы.

Жулдыз – тонкая, как лепесток, белая, как сама невинность, с широко открытыми чёрными глазами, открывавшими весь мир. Обрамлением для огромных глаз были длинные ресницы, казалось, если быстро моргать, на них можно взлететь. Обладательница невероятной красоты и ума, Жулдыз была редактором в элитном журнале и студенткой факультета международных отношений.

Асан – выпускник Лондонской школы экономики и финансов, завидный жених, широкоплечий шатен, эдакий представитель урбанистической молодёжи с рафинированным внешним обликом, всегда свежим лицом и уставшими от нескончаемых деловых встреч и мероприятий глазами.

Несмотря на все различия: Жулдыз – творческая личность, Асан – успешный экономист-бизнесмен, они не видели будущего друг без друга. Доверие, понимание и огромная любовь – залог их долгих отношений.

Жулдыз была счастлива. Как и любая девочка, она с детства мечтала об этом дне, и главный вопрос – каким будет платье? Платье шилось полгода в Париже, кружева из Милана, жемчуг из Токио. За всем процессом, за каждой выточкой, за каждым швом невеста следила лично.

И вот невеста крутится и танцует в этом самом платье среди сотен гостей, тысяч роз и поздравлений. Об этой свадьбе ещё долго говорил весь казахский бомонд.

Прошёл, скорее, пролетел год со дня свадьбы. И всем уже было понятно, что происходит с Жулдыз – налицо все признаки беременности.

Молодожёны были счастливы, это был новый этап, о котором они мечтали, это было ново и для всех остальных, это маленькое чудо должно было изменить всю жизнь. Асан светился, носил Жулдыз на руках, ничего не разрешал делать, всё взял на себя, казалось, его гордости и радости мало размеров земного шара. Наверное, только невероятная любовь супруга помогала Жулдыз пережить все острые боли и неудобства. А тут ещё отец заболел – сердечный приступ. Слухи и сплетни не давали ей покоя, она всё принимала близко к сердцу. Поговаривали, что Омар Касымович привлёк бандитов для чёрных дел, и деньги в семье все ворованные. Все советовали Жулдыз сконцентрироваться на будущем ребёнке и не слушать завистников. Иногда по ночам у неё начинались сильнейшие боли, и Асан принял твёрдое решение, что следует пройти комплексное обследование в Швейцарии под наблюдением врачей в частной клинике.

Уже в течение пяти месяцев Асан, Жулдыз и Асылжан, брат Асана, проживали в квартире родителей, в самом центре Женевы. Роды пройдут в Цюрихе. Молодая семья должна была вернуться уже с малышом, и ничто не предвещало того, что произошло потом.

Это утро было солнечным, Асан и Жулдыз вдвоём завтракали, обсуждали планы на день, на будущее. Жулдыз чувствовала себя прекрасно, обсуждали и предстоящие роды, рекомендации врачей, как вдруг в комнату вошёл Асылжан с глазами, полными страха и слёз, цвет лица напоминал потемневшее серебро. Взгляд полон жалости и устремлён на Жулдыз, она даже поперхнулась.

– Асыл, что с тобой? – спросила Жулдыз.

– Тётя Алима звонила... она сказала, что...

– Мама? Что случилось? – встревожилась Жулдыз.

– Нам, наверное, сегодня придётся вылететь в Ату...

Каждое слово Асылжан приносил через силу, затем молчание, оно убивало, казалось, Асылжан разучился говорить, это действовало на нервы.

– Почему? Да говори же! Что случилось?! – Асан повысил голос на брата.

– Дядя Омар скончался сегодня утром, сердечный приступ.

Он произнёс это на одном дыхании.

– Папа? Я вчера с ним говорила, он был абсолютно здоров. Я тебе не верю, почему мама мне не позвонила, когда тебе сказали?

Жулдыз сорвалась на крик. У неё началась истерика, она кричала так, будто хотела заглушить реальность, не воспринимала информацию, не верила ни одному слову. Ей стало плохо, Асан не знал, когда молчать, когда говорить, он был напуган и больше всего боялся за Жулдыз.

В два часа ночи по местному времени все трое вылетели в Алма-Ату. Погода была совсем не весенней. Всем известна красота алматинской весны, но на этот раз всё будто умерло – холодный воздух, серое небо – было больше похоже на позднюю осень. Жулдыз мечтала глотнуть освежающего весеннего воздуха родного города, вместо этого внезапно почти задохнулась, наверное, впервые за последние часы она абсолютно чётко и ясно осознала – «Папы больше нет». Не чувствуя собственного тела, ни рук, ни ног, она лишь ощущала тяжесть всего мира на себе, горло пересохло. Дышать было тяжело или просто не хотелось... Но как же хотелось прижаться

к папе, обнять и проснуться как после долгого кошмара. Жулдыз ничего не говорила, ничего не слышала. Лишь войдя в дом, она услышала крики и рыдания сестёр и мамы, тут же бросилась в спальню, откуда доносились голоса. Жулдыз упала на колени к маме, поднялась лишь некоторое время спустя, поднялась и молча ушла в свою комнату. Подойдя к постели, она упала всем телом, в голове стали появляться картинки из детства, папин смех, шутки, подарки, которые он дарил, слова, которые он говорил. Так она пролежала несколько часов, позже, обезвоженная и утомлённая, она всё-таки заснула, но проснувшись, ощутила такую боль в сердце, которая пробрала всё тело – ведь она снова попала в настоящее время, где нет папы, а есть только эта невыносимая боль. Жулдыз ничего не понимала, не могла найти ни конца, ни начала своих мыслей, абсолютный абсурд, она потерялась во времени, забыла какой день недели, месяц и даже год.

Асан помогал на похоронах, Жулдыз не выходила из своей комнаты, не говорила, не ела. Со временем Жулдыз совсем перестала спать, предродовые боли вернулись, врачи не могли ничего объяснить, ведь за состоянием матери и ребёнка следили ведущие медики Швейцарии. Пора было лететь обратно, в Цюрих, и срок подходил. Долгий перелёт и снова больница, оставалось совсем немного времени до родов.

За эти пару недель Жулдыз успокоилась, стала питаться по диете. Асан как всегда находился рядом, и днём и ночью был готов сделать всё ради любимой и будущего ребёнка, консультировался с врачами по любому поводу, проверял каждый медикамент лично. Состояние Жулдыз улучшилось, боли прекратились, она стала обращать внимание на шутки Асана, смеялась, сама шутила. Каждое утро Асан приносит завтрак в постель. «Дорогая, я понимаю, что это всё ничто, но ты у меня умница, ты сильная, уверен, папа смотрит сверху и гордится тобой, – улыбаясь, уверял Асан. – Если родится мальчик, назовём Омар, обязательно, – продолжал Асан. – Ты только не волнуйся, всё будет хорошо, я с тобой, я тебя люблю».

В пять утра начались схватки, роды были тяжёлыми и долгими, только в семь часов вечера Жулдыз без сил уснула, услышав лишь «Мальчик». Она проснулась спустя сутки. Врачи понимали болезненное состояние пациентки и спокойно отнеслись к её длительному сну.

В палату вошёл Асан, тихо, еле переступая, сел в кресло. Ему не хотелось будить любимую, понимая, что только во сне с ней не происходит несчастий. Так он просидел ещё два с половиной часа, смотрел, как она спит, сейчас её ничего не тревожит, она счастлива и спокойна, от этого у Асана становилось всё тяжелее на сердце. Жулдыз проснулась в прекрасном настроении, со счастливой улыбкой, полная жизни. «Дорогой, – заговорила Жулдыз, – сколько я проспала, где наш малыш? Где Омар? У нас ведь мальчик, да? Я знаю! Хочу есть, а... что с тобой? Ты что, заболел?».

Асан молчал, также молча подошёл ближе и присел рядом с Жулдыз.

– Милая, сначала пообещай мне, у нас будет много детей?

– Обещаю, – ответила Жулдыз.

– И внуков, и мы будем счастливы. Я тебя очень сильно люблю, и ты самое лучшее, что случилось в моей жизни, ты моё солнце и луна, ты мой Бог и...

– Что с тобой, Асан? – забеспокоилась Жулдыз.

– Не перебивай, всё, что я тебе скажу, в этом нет твоей вины, ты долго болела, и нервничала, душа моя...

Каждое слово Асан тщательно подбирал, произносил очень медленно, не закончив своих слов, Асан крепко-крепко обнял Жулдыз, отпустив, очень тихо произнёс: «Мальш мёртв». В этот момент Жулдыз будто оглохла, после этих слов она перестала слышать, она не слушала ни врачей, ни психологов, ни Асана, никого. Жулдыз испугалась этих слов, она говорила и говорила, плакала, затем вся забилась в судорогах, покрылась потом. К этому моменту врачи были в палате, они сделали укол, и она заснула на пару часов, засыпая, твердила: «Я его убила, я его убила». Проснулась Жулдыз только поздно ночью и сразу заговорила: «Я хочу домой, хочу сегодня». Ничего не ответив, Асан собрал все вещи, заказал билеты, и они улетели в Алма-Ату.

По приезде их встретил Асылжан, дома уже все были в курсе. Всем было нелегко. Никто не пытался изобразить спокойствие. И Жулдыз и Асан молчали, Асан лишь пытался накормить супругу, но всё бесполезно. За ужином никто толком не поел, после все разъехались по домам. В квартире остались только хозяева. Несколько часов спустя Асан заговорил с Жулдыз:

– Дорогая, ты есть не хочешь, тебе ничего не нужно?

Жулдыз ответила:

– Мне нужно, чтобы ты ушёл, ушёл навсегда, собери вещи и уходи. Я больше тебе никто, оставь меня, прошу.

Таково было её решение, она приняла его во время полёта: «Я делаю его несчастным, я приношу лишь горе, я слишком сильно его люблю, чтобы убивать его жизнь, лучше всё закончить сейчас, и ещё я боюсь».

– Я понимаю твоё настроение, давай утром всё обсудим, ладно, мальш? А сейчас спи, – Асан понимал её состояние и решил дожидаться утра, он был уверен, что она потом и не вспомнит о сказанных словах.

Наутро ничего не изменилось.

– Уйдёшь ты или уйду я, это уже не важно, вместе мы не будем, – за завтраком заговорила Жулдыз.

– Хватит, ты нервничала, была не в себе, но уже достаточно, я тебя люблю, и забудь об этом.

Закончив свои слова и завтрак, Асан уехал в офис. Вечером он не застал Жулдыз дома, вещей тоже не было, он обзвонил всех, оказалось, она дома у своей сестры.

– Вы что, разводитесь? Что случилось, почему она так настроена? А, Асан? – нервно спрашивала Анар.

– Не знаю что с ней, она ничего не говорит, а давить на неё я не хочу, не знаю, что делать, что говорить, – отвечал Асан.

– Ничего, я с ней поговорю, всё будет нормально, утром она будет дома, обещаю, ложись спать, тебе тоже досталось. Я ещё позвоню, хорошо? – успокаивала Асана Анар.

– Ладно, созвонимся, спокойной ночи, – Асан закончил разговор. Абсолютно «разбитый» заснул.

Наутро звонок в дверь, неужели Жулдыз, Асан был рад и удивлён, как Анар её убедила? Он открыл дверь, и тут всё рухнуло. Жулдыз не

пришла, это был семейный адвокат – Аскар Ержанов.

– У меня документы, нужно их подписать, ты их уже читал? – начал было Аскар.

– Я не буду ничего подписывать, Жулдыз сама не знает, что делает, она...

– Асан, она всё решила, она сама подготовила документы и попросила закончить всё скорее, – перебил Асана Аскар.

– Как мне её остановить, Аскар, задержи её, дай нам время.

– У тебя есть пара дней, попробуй, найди её и останови. Ты же знаешь, ты мне как брат, и мне всё это неприятно. Сделай попытку.

Несколько дней Асан пытался дозвониться до Жулдыз, но оказалась она уже в Астане, решает проблемы на производстве, со дня смерти Омара Касымовича всё остановилось, и пора было решать вопросы и налаживать дела. В двадцатых числах Жулдыз должна была вернуться, до этого Асан никак не мог с ней связаться. Итак, двадцать первое июня, Жулдыз уже в городе, телефон был включён, но Жулдыз не отвечала. Асан звонил и звонил, и вот, наконец, её голос в трубке:

– Да, Асан, я тебя слушаю.

У Асана было столько вопросов, он столько всего хотел сказать, объяснить. Он перебрал все слова на свете. Но всё это потеряло смысл, когда он услышал её голос, и он задал лишь один вопрос:

– Ты уверена?

– Да.

Наверное, это было самое немогущее и несчастное «да» во всей вселенной, казалось, подуешь – и оно разлетится на тысячи кусочков, но всё же это было «да». С этого момента Асан и Жулдыз общались исключительно через адвоката. Лишь однажды Асан спросил у Аскара:

– Как она?

– Держится, старается, тяжело. Но ты не переживай, если что, я сообщу, обязательно. Договорились?

– Ладно, пока.

– Пока, созвонимся.

Так с момента развода прошло пять лет, ни одного звонка, ни одной SMS, ничего. Было невыносимо больно. Жулдыз понимала, что Асан для неё существует во всём. «Он везде: в ветре, в закате, в музыке, в еде, в дожде, в каждом прохожем. Я его люблю. Он навсегда во мне», – однажды призналась Жулдыз своей маме. Жулдыз полностью погрузилась в работу, пришлось закрыть производство отца, уволить людей, рассчитаться с долгами и заняться собственным бизнесом. Тогда Жулдыз и воплотила свою мечту в реальность: она всегда любила готовить и с сёстрами и мамой открыла кондитерскую-пекарню. Казалось, только среди разного рода выпечки, муки, сиропов и шоколада она забывала обо всём. Все были заняты, мама – Алима-апай – занималась оформительской работой, младшие сёстры Анар и Раушан отвечали за бухгалтерию и занимались распространением продукции. Позже Анар вышла замуж, родила прекрасную дочь Амину и отошла от дел. Так прошёл год со дня рождения малышки Амины. В этот день Жулдыз пораньше освободилась и очень спешила на праздник. Она припарковала машину и забежала в бутик на несколько минут,

чтобы забрать подарок, а когда вышла, ей преградила выезд другая машина. Жулдыз стала стучать по лобовому стеклу, хозяин не заставил себя долго ждать. Каково было её удивление, когда она узнала своего сокурсника по университету.

– Жулдыз Иманова!

– Айдар Муканов!

– Как ты? А ты всё такая же красивая!

– Сколько я тебя не видела! Как ты, как Асель? Как дочурка?

– Всё хорошо, у нас дочка в первый класс идёт в сентябре, а ты как?

– Боже, какая прелесть! Я так за вас рада!.. Я в порядке. У меня своё дело.

– Правда? И чем ты сейчас занимаешься?

– Выпечкой, тортами, кондитерскую открыли.

– Да?! Слушай, у меня коллега как раз ищет хороших кондитеров, у них на фирме мероприятие скоро, давай я тебе номер дам и ты созвонишься, ну ведь тоже заказ, и корпорация приличная. И реклама какая!

– Да, давай, Я только за!

– Вот моя визитка, вот его номер.

У Жулдыз зазвонил мобильный:

– Жулдыза, все только тебя ждут, давай скорее.

– Уже еду, мам.

Жулдыз заторопилась и совсем забыла записать имя и фамилию этого человека.

– Слушай, я уже опаздываю. Я поехала, обязательно созвонимся, и я всё уточню, ладно? Асели передавай привет!

– Да, звони, всем привет! – в ответ крикнул Айдар.

Жулдыз умчалась и об этом заказе вспомнила лишь через неделю. Набрала номер, долго представлялась, извинялась, обьяснила причину звонка и словно онемела – ничего не могла понять, ей было страшно, но почему она обрадовалась, когда услышала такой родной и такой чужой голос в ответ, – это был Асан. Он сразу узнал Жулдыз. И совершенно спокойно ответил:

– Здравствуйте, меня зовут Абылкасымов Асанали. Да, нам нужны кондитеры.

Стал перечислять список изделий, но в ответ услышал только короткие гудки. Асан перезвонил только через несколько дней с другого номера.

– Привет.

– Привет.

И тут у Жулдыз где-то внутри заиграла музыка, она совсем о ней забыла. Музыка была очень тихой, грустной, как осеннее утро, но такой любимой и родной.

– Как дела?

– Что нового?

– Особо ничего. У тебя какие новости?

– Куча новостей.

Как работа, как родители, как друзья... Целый «дождь» рядовых вопросов. И вопрос, который всё в ней перевернул.

– Как тебе погода?

В день, когда Асан познакомился с Жулдыз, шёл проливной дождь.

– А что с погодой?

– Как тогда, помнишь?

– Сколько времени прошло с того момента?

– Не знаю, у тебя есть силы думать об этом?

Жулдыз поняла, что ждала этого разговора пять лет, и вдруг заявила:

– Мог бы и со своего номера позвонить, я бы ответила.

– Да уж, конечно! Ответила бы! Не смейся, ты испугалась бы, – радостным голосом отвечал Асан.

– Нет, не испугалась бы, разговариваю же сейчас. Слушай, мы можем встретиться? – неожиданно для себя спросила Жулдыз.

– Тебе заказы нужны, так? Я этим не занимаюсь, могу людей отправить, чтобы тебе было комфортней, – с невероятным волнением и поддельным спокойствием ответил Асан.

– Нет, не из-за заказа.

– Я через час улетаю, буду через месяц, тогда и поговорим.

– Ты сейчас в аэропорту?

– Да.

– Куда летишь?

– В Токио, проект совместный намечается...

Жулдыз, не дослушав, повесила трубку, оделась и через несколько минут неслась на максимальной скорости по трассе в аэропорт, нарушила несколько правил, проехала на красный, но она была там через двадцать минут. Поднялась и глазами искала Асана, она очень боялась, что опоздала. «Только бы увидеть его, лишь бы не опоздать!». Асан увидел Жулдыз издали и тут же пошёл в её сторону, он будто понял её без слов, прочитал её волнение, страх, радость. Сначала он быстро шёл, а потом побежал, что есть силы обнял, поднял любимую вверх.

– Я была не права. Я боялась самой себя! Тогда я отказалась принимать себя слабой, я боялась стать зависимой, я боялась потерять тебя – я боялась любить, потому что всё, что я успевала полюбить, уходило очень скоро, поэтому я сама тебя отпустила, чтобы никогда не потерять. Но потерять тебя оказалось равносильно смерти. Я тебя люблю, – Жулдыз говорила быстро, взволнованно, но как никогда уверенно.

– Трусишка, глупышка ты моя! В мире сотни мест, в которые я никогда не попаду, сотни блюд, которые никогда не попробую, сотни книг, которые никогда не прочитаю, сотни картин, которых никогда не увижу, сотни песен, которых не услышу, но знай, что в мире есть ещё тысячи мест, которые я хочу увидеть с тобой, сотни тысяч блюд, которые я хочу приготовить с тобой, миллионы песен, которые я хочу сочинить с тобой, миллионы картин, которые я хочу написать с тобой, сотни закатов, рассветов, которые я хочу провожать и встречать с тобой, и ещё целая жизнь, чтобы прожить её с тобой! Ты самая красивая музыка, которая будет звучать для меня всю жизнь.

г. Алматы.

Два случая, увиденные ещё детскими глазами, запомнились надолго.

Первый, когда стог сена, подхваченный вырвавшимися на свободу водами речушки, спокойно уплывал вниз по течению, а наверху сидела собака и не могла, по-видимому, понять, что же происходит.

Второй случай связан с местным жителем чеченцем. Почти безрассудно и неожиданно для собравшихся он смело бросился в бурлящую паводковую воду, которая своим напором уносила его в сторону, отдаляя от противоположного берега. Но Аллах, видимо, сжалился над ним, и он благополучно вышел на другой берег, где был его дом.

В летнее время низина была почти сухой. Лишь кое-где поблёскивали зеркала мелких лужиц, которые возникали после дождя...

Жили в посёлке в основном разведчики недр, буровики, но и шахтёров было немало, трудившихся на ближайших шахтах: 107-й, 120-й. Последняя ныне называется «Саранская».

Работа буровиков была не из лёгких. В степи, в морозы, в весенне-осенние холода и слякоть денно и ночью трудились они, держали вахту, разведывали подземные запасы угля, уточняли их. С помощью буровых установок они доходили до угольных пластов, определяли глубину их залегания, подсчитывали промышленные запасы угленосного района. Большая и нужная работа!

Конечно, у буровиков была связь, рации, был транспорт (машины грузовые, трактора). У них даже были так называемые «американские» грузовики-вездеходы.

Но всё же у геологоразведочной партии была большая необходимость в содержании и гужевого транспорта.

А раз был таковой, то, конечно же, имелись и крепкие выносливые кони, конюшня, где им в зимних условиях надо не только продержаться, но и хорошо прокормиться, быть, так сказать, в форме в любую непогоду. А корм же, естественно, должен заготавливаться загодя, то есть в летний период. А заботу о заготовке сена взвалил на себя мой отец.

В «разведпосёлке» в начале 50-х годов была лишь начальная русская школа. Располагалась она в здании барачного типа. Так как оно было вместительным, здесь находились и контора экспедиции и магазин «Продтовары». Местному клубу здесь тоже было не тесно.

В Старом городе Караганды я закончил два класса на казахском языке. На новом же месте учёбу пришлось продолжать на русском.

Отлично помню свою первую учительницу Ольгу Павловну. Голубоглазая молодая и симпатичная женщина с любопытством разглядывала меня, не состоявшегося третьеклассника казахской школы. Возможно, моё незнание русского языка более располагало меня к ней, чем знание?.. Всё может быть.

Но... приняла она меня во второй класс, думаю, из самых лучших побуждений. Что это действительно так, я понял гораздо позже, когда стал познавать русский не в смысле его обыденного употребления, а в более широком...

Прежде же, она спросила меня: «Как тебя зовут?». Я понял и

сказал: «Мурат». Однако она переспросила: «Как... Марат?». Я согласно кивнул. Итак, я стал с того времени и в последующем Маратом (в паспорте, в школьном аттестате, в институтском дипломе и в других многочисленных документах по жизни). Этот случай с именем моим, как мне кажется, находится на полпути к забавным историям. Так я думаю до сих пор.

А вот случай, который поистине смешон.

Это было когда я учился во 2-м классе казахской школы. У меня был друг Карим. Закадычный. Вот с ним-то и шли рядом после занятий, ну и неудержно хохотали. Так было нам весело! Отчего? Потому что мы заметили, как один из наших товарищей возвращался домой без сумки. Оставил, забыл её в школе и не вспоминал на всём протяжении дороги от школы до дома (не менее 2-х километров).

Почти у всех нас школьные сумки были ручной работы, шитые из разноцветных тканей, а у иных они даже были латаными и перелатанными. Редко кто носил настоящие кожаные сумки, как сейчас сказали бы, «фирменные»... Да их тогда и не было.

Но мы ничего не говорили тому бедолаге, даже когда стали расходиться по домам. Зато вдоволь мы насмеялись тогда.

Но самый настоящий смех был впереди.

Когда я пришёл домой и открыл двери в прихожую, то увидел за низким казахским столом гостей – родственников матери. Я тут же решил рассказать об увиденном, мол, такой-то оставил свою школьную сумку в классе, забыл, и на протяжении всего пути не вспомнил о ней. Шёл ещё, мол, хорохорился...

Но тут мать прервала меня и спросила: «А где ж твоя-то сумка?». Тут я и обомлел. Ощупал себя. Правда, а где моя?

И далее стало мне не до смеху. Я опрометью выбежал из дому и – давай в школу! Далековато было. Встречный ветер бил в лицо, мела по зёмка. Но мне было нипочём.

В классе шли занятия старшекласников. На мою просьбу учительница рассмеялась и сказала: «Чем расплатишься за сумку? – не дожидаясь ответа, добавила: – Давай пуговицу от пальто». Это была, конечно же, шутка. Ребята в классе и девчонки дружно рассмеялись...

Школьные годы, скажу вам, это трудный путь, именно путь, который приходится преодолевать каждому идущему. И всё же у каждого он – свой, и зависеть будет от того, с какой стороны взглянешь на него, оценишь, возможно, и увидишь со временем в малом нечто большее...

В 1953 году, как помню, в Малой Сарани учебный год начался в здании новой школы. Она по-прежнему была начальной. Подарила её детям, то есть нам, экспедиция. Да и сама она обзавелась новой конторой. Построили новый клуб для разведчиков недр. Обогащалось сознание поколения. Оно уже просматривало фильмы «Железная маска», «Амангельды», «Тарзан» (четыре серии), «Фанфан Тюльпан», «Два бойца»...

Окончившим четыре класса родной поселковой школы предстояло

учиться дальше в восьмилетней школе совхоза «Дубовка». Находилась она в пяти километрах от нашего села. Шли степью. Особенно зимой было плохо добираться до школы – завывали метели, свирепствовал буран. Друг друга, бывало, не видели.

Но вот противоречие: порою нам даже было весело, как в известных словах: «Нам весело и радостно, и на морозе жарко». Мы, сами того не понимая, если хотите, самоутверждали себя для жизни и с природою обращались на «ты».

Времена были не самые худшие. Это были те годы, когда поднималась целина, запускались в космос ракеты, которые мы не раз видели в вечернее время над танцплощадкой своего посёлка и с любопытством следили, как они, оставляя за собою длинный огненный шлейф, растворялись в бездонном небе...

В ясные летние дни, когда мы шли шумною гурьбою в школу или во время перемен, часто видели, как над нашими головами, школой, посёлком пролетал «Ан-2», кружил, набирал высоту. Затем, когда он, казалось, долетал до определённой невидимой точки неба, из него камнем выпадал какой-то серый комочек, за ним другой.

Через считанные секунды они вдруг резко останавливались и зависали в воздухе, но уже под куполами раскрывшихся белых парашютов.

Это увлекательное зрелище повторялось каждый погожий день. Оно притягивало нас. У меня появилось даже желание стать лётчиком или же парашютистом.

Но судьба распорядилась иначе. И всё же... на первом курсе политехнического института (1961 г.) я записался на курсы парашютистов. Увлёкшихся этим видом спорта из нашей группы было шестеро.

Наступил долгожданный день. Я совершил свой первый прыжок.

Приземлился на открытой, заросшей невысокими кустарниками караганника местности, между посёлками Актас и Дубовка. Это было как раз то самое место, куда приземлялись парашютисты, за которыми мы наблюдали в школьные годы.

Когда до приземления оставалось, кажись, метров 50, я выровнял обе ноги и согнул их в коленях. Это для того, чтобы прикосновение моё с землёй произошло как можно мягче. Такая была инструкция.

Твёрдо ступив на землю, я повалился на правый бок, но тут же поднялся и стал подтягивать за стропы купол парашюта на себя, который тащил меня за собой, пока не свернулся.

Это было приземление. А как был совершён прыжок?

Инструктор по парашютному спорту во время подготовки к предстоящему прыжку рассказывал курсантам группы, что мы будем совершать свой первый прыжок не с «вышки», что намного опаснее, а с самолёта и с большой высоты.

Кроме того, он обратил внимание на то, что первые наши несколько прыжков будут принудительными. При этом парашют будет раскрываться независимо от нашей воли – с помощью специального троса, который одним концом прикрепляется к ранцу парашюта за спиной, а

другим – к стальному проводу внутри самолёта под потолком и свободно перемещается вдоль по нему.

Инструктор также предупредил всех, что, покидая борт самолёта, каждый из нас должен считать в уме от 121-го до 125-ти. При счёте «125» обязан дёрнуть за кольцо запасного парашюта, чтобы в случае, если не раскроется основной парашют, сработал запасной. Он находился в ранце курсанта спереди. То есть безопасность была предусмотрена.

Однако, как я понял, не все эти правила практически выполнимы. Особенно когда совершаешь первый прыжок. Человека, оказавшегося в этой ситуации, внезапно обрушившийся плотный поток встречного воздуха как бы «сковывает», и он не в состоянии в эти мгновения падения в «бездну» адекватно настроиться на происходящее и вести, скажем, разумный счёт в голове: 121, 122...

Сколько метров пролетел, пока парашют мой раскрылся, я не знаю. Почувствовал только внезапную остановку своей массы в воздухе и в это же время увидел, как огромный белый купол покачивается над моей головой. Первое, что я сделал – подтянулся на стропах и удобно «уселся» на нижней части опоясывающего ремня парашюта.

Там, внизу: дома, улицы населённых пунктов, покрытые зеленью квадраты полей, зигзаги просёлочных дорог до самого горизонта смотрелись как на большом развёрнутом холсте художника, изрисовавшего и расписавшего его всеми оттенками цветов и красок.

Чётко и необыкновенно красиво смотрелась эта картина.

Люди сновали внизу, как муравьи. Машины на дорогах, техника на полях, уходящие куда-то железнодорожные составы были игрушечными.

Но парашют неуклонно опускался, земля приближалась. Картина действительности из «ирреального» восприятия переходила до привычных размеров и ощущений...

И вот мы закончили 6-й класс восьмилетней школы. Повзрослели на целых два года.

Перед нами открывалась более выгодная перспектива: продолжать учёбу в средней школе № 2 города Сарани. Располагалась она возле 101-й шахты, позже «Сокурской». Селение было довольно большим и занимало территорию обширной угледобывающей промышленной зоны, тянувшейся от Байтамской обогатительной фабрики до 120-й шахты, ныне «Саранской», от подножия терриконника которой, собственно, и начинался посёлок Малая Сарань.

И вот 1959 год. Школьные годы, казавшиеся нам длинными и нескончаемыми, завершились. Директор школы Пётр Степанович Волков и завуч Лидия Михайловна Лысянская сердечно поздравили выпускников школы и пожелали всего хорошего на предстоящем жизненном пути.

Насколько я запомнил, Пётр Степанович (позже он работал в должности заместителя председателя Карагандинского областного общества «Знание») сказал своим выпускникам: «Дорогие мои, хочу вас видеть

всегда только здоровыми, желаю вам бережно пронести в своих сердцах то доброе, чего вам в души посеяла школа, а там, где потребуется это, и приумножить славу нашей школы. Счастья вам, не забывайте!»...

Настало время сказать и о друзьях-товарищах, с которыми мы завершили этот длинный учебный марафон.

Упорно учились с начала и до конца Уваров Володя, До Юра и я. Ригард Штер из нашего круга «выпал», после 8-го класса оставил школу. Вместо него у нас появился новый товарищ – Николай Купцов.

Он был активным участником художественной самодеятельности школы: декламировал стихи, вёл концертные программы. И вообще был добрым малым, любезным и отзывчивым. Таким он мне запомнился.

Он окончил то же высшее учебное заведение (КПТИ), что и я. Мудрено было так просто с ним встретиться. Он работал в системе госбезопасности. Однажды мы с ним всё-таки столкнулись на улице. Оказывается, он женился на однокласснице Зое Петровой, чем меня обрадовал. Я искренне поздравил его.

У Володи Уварова были борцовские способности. Но он всегда был спокоен, ни перед кем не кичился. Знал своё и молчал. За школу он не выступал, специальной подготовки у него не было. Еле хватало времени на учёбу. Пока доберёшься до школы, пока вернёшься домой, больше половины дня, считай, уже нет.

С Володей мне пришлось как-то встретиться в 90-х годах перед административно-бытовым комбинатом шахты «Тентекская». Он стал профессиональным шахтёром. Был проходчиком. Жил в Сарани. А на работу возили сюда.

Ригард Штер был тоже парнем с определёнными достоинствами. Также спокойный, умел за себя постоять. А если он и Володя соединяли свои возможности, то любому неприятелю было действительно неприятно.

Конечно же, за долгие годы учёбы непременно бывали, и не раз, случаи, когда без стычек с «чужаками» было просто не обойтись, и шли в ход где кулаки, а где и палки. Представьте себе: посёлок идёт на посёлок, «малосаранцы» на «дубовчан». Такое было, когда ещё учились в шестом классе совхоза «Дубовка». Но... спустя некоторое время всё кончалось благоразумно: каждая из противоборствующих сторон не только ощущала свою «вину» в содеянном, но и реально чувствовала, насколько она возмужала. Это было, конечно же, обоюдною победой взросления.

С Ригардом я больше нигде не встречался.

У Юры До было округлое лицо, глаза – щёлки. Рост выше среднего. Была у него некая артистичность в поведении. Любил прикидываться таким молодцем, а чтобы быть адекватным образу, лихо напяливал кепи на лоб. Бывало, подбоченившись, и с неизменным напускным видом приставал к кому-нибудь из нас: «А чё тебе надо?».

Он любил играть в шахматы. Но при этом был не прочь и «помошенничать». И такое водилось за ним. Если ты в какой-то момент игры отвернёшься от шахматной доски, считай, что непременно проиграл. И

вот почему: за то время, пока ты отвлёкся или отвернулся, он успевал почти молниеносно передвинуть твою решающую фигуру на невыгодную тебе позицию.

Его я в последующие годы тоже не встречал. Слышал как-то в 90-х годах, что он в Шахтинске. Но вот почти 30 лет как я сам в этом городе, но его не видел, хотя бы случайно.

Ну и закончу этот свой «сказ» своей семьёй, от чего я, собственно, оттолкнулся в самом начале повествования.

Со времени нашего переезда в Малую Сарань прошло шесть лет. Жили мы все эти годы в саманной мазанке, которая находилась довольно близко к берегу той неумёмной во время весеннего половодья речушки.

Мазанка состояла из спальной комнаты и прихожей. Кроме того, «нечто», подобное летней кухне, примыкало к последней и продолжалось к выходу во двор ещё несколькими строениями, то ли для хранения топлива, то ли под кладовку для хранения съестного, то ли для содержания скотины.

Отец мой продолжал заниматься своей привычной работой, решал хозяйственные дела экспедиции.

В 1957 году руководство экспедиции за многолетний добросовестный труд выделило ему двухкомнатную квартиру в новом доме по ул. Геологическая со всеми удобствами и с пристройками для содержания скота, участками земли под огород и для других хозяйственных нужд. Напротив дома, перед оградой, была пробурена скважина, сооружена водокачка. Из неё брали воду все близлежащие дома.

Через пару лет и я закончил среднюю школу № 2 города Сарани. В 1960 году поступил в Карагандинский политехнический институт, а в 1965 году успешно его окончил.

Открывались новые дали, невиданные перспективы. Но до этого времени было ещё далеко.

Из дорожных наблюдений

... Сразу же после окончания мною Дубовской средней школы № 2 мы с отцом двинулись на отгонный участок в Акбастау. А там уже вовсю кипела сенокосная страда.

У нас была двухколёсная повозка. Её тянул наш любимый резвый Зайчик. Доехали до посёлка Жумабек. Занимая почти незаметное глазу небольшое возвышенное место, подпираемое зелёными разливами трав, Жумабек как бы открывал ворота в неведомую притягательную холмистую и цветущую страну – северную сторону Казахского мелкосопочника.

Недалече три холма, или Уш-Тобе. В округе самые высокие. Бросаются в глаза издали. Вот уж они-то с незапамятных пор несут свою «дозорную» службу. Они – История! Бледнеют перед ними любые дали, любые дела уходят в забвение.

В Жумабеке завернули к другу детства отца. Звали его Жолдас. «Уа, Омеке! Проходи, проходи!» – обрадовался он, указывая на почётное место в

доме. Друзья горячо обнялись и уселись за круглый казахский стол. Вскоре и чай был подан приветливой и улыбочивой хозяйкой. За чаем из самовара беседа продолжилась. Закончилось всё бешбармаком. А на прощание из глубоких деревянных чаш отпили пахучий кумыс. И отправились дальше.

За Уш-Тобе открылась широкая и зелёная речная пойма. Она заканчивалась там, где начинался посёлок Спасск. В начале XX века здесь действовал Спасский медеплавильный завод, при англичанах. Работал он на привозном сырье – медной руде из Успенки и на угле, доставляемом из первых примитивных шахт будущей Караганды.

Останавливаемся у светлого хрустального родничка на каменистом склоне довольно круто взметнувшейся сопки. За нею тянулись другие. И там, где-то в средней части сгрудившихся холмов, держась каким-то чудом за пологие края их, стояла уж сколько лет зимовка Ансары. Добрую память она оставила о себе.

У родничка останавливались многие проезжавшие в ту или иную сторону, смывали дорожную усталость, набирались сил, обменивались новостями и снова пускались в путь. Так как дорога пролегла через Спасск, он и был у многих «притчей во языцех». Здесь прежде были лагеря военнопленных немцев и японцев...

Путники рассказывали, что в середине 50-х годов отсюда совершил побег японский военнопленный. Он, конечно же, далеко убежать не мог. Через несколько дней его нашли мёртвым на вершине одной сопки. Рядом с ним лежали дорожная карта и компас. Свой путь он упорно держал на восток.

Японцев я видел и раньше. В Старом городе. Это были военнопленные. Летом 1948 года стояла невыносимая жара. Они купались в огромном глиняном котловане, наполненном такого же цвета водой. Место купания было оцеплено. Стояла охрана. Нас, любопытных детей, близко не подпускали. Что я запомнил: многие лежали спиной на воде, почти не двигаясь, и лица их были вовсе не мрачными, а некоторые, кажется, даже улыбались. Недалече от этого места они строили так называемый финский посёлок для шахтёров.

Летом или осенью 1949 года я увидел их вновь. Правда, на расстоянии. Они, выстроенные в походную колонну и с нашими флагами, трепетавшими в воздухе, проходили недалеко от нашего посёлка к железнодорожному вокзалу. Их отправляли на родину...

Возле родника у Ансары слегка закусив, испив холодной водицы до ломоты в зубах, мы снова тронулись в путь. Солнце стояло ещё довольно высоко над линией горизонта, когда мы приблизились к нужному нам месту на правом берегу речки Камчатка.

Сюда ежегодно почти в одно и то же время прикочёвывали на летовку три юрты с табунами лошадей и отарами овец. Коневоды и чабаны перебирались в указанное место со всем своим нехитрым домашним скарбом и находились на пастбище до самой глубокой осени, до первых серьёзных холодов. А на зимовке в это же самое время заготавливали сено.

Мне понравилась эта местность. Узенькое русло Камчатки буквально рядом. Питьевая вода тоже недалеко.

На противоположном берегу гряда довольно высоких холмов с крутыми склонами. С противоположной же стороны, недалеко от юрт, вздымался одинокий холм, и в этом месте поверхность речного протока сильно сужалась. Вода была чище, и для питья её брали именно здесь.

Я нередко прогуливался по окрестностям. Однажды на самой плоской вершине сопки, что возвышалась напротив юрт, я набрёл, как мне позже о том сказали, на могильник. Он имел круглую форму, я бы сказал, абсолютно точную. Высота могильника была не более одного метра, сложен он был из больших камней. Замшелый и заросший кустарниками. Чуть в сторонке был другой.

Таких могильников, говорили местные жители, немало встречается в округе. Когда-то здесь жили калмыцкие завоеватели. Это их захоронения.

И вот возникает вопрос: как калмыки, каким способом поднимали камни на такую высоту и откуда их брали? Ответ знатоков старины следующий: людей было до того много, что они гуськом вытягивались по рельефу местности, брали камни оттуда, где они были заранее заготовлены, передавали их из рук в руки.

Юрты – древние жилища кочевников.

Итак, юрты наших пастухов, чабанов, табунщиков были удивительно похожи друг на друга. Все они, начиная с основания, имеют округлую форму и завершаются куполообразным верхом, который изнутри держится на длинной опорной стойке. Каждая юрта снаружи с четырёх сторон прикрепляется жёсткими верёвками к глубоко врытым в землю деревянным кольям.

Конечно, у юрт нет каменных стен. Но у этих жилищ множество других преимуществ: относительная лёгкость переноски, подвижность, простота, как бы ныне сказали, монтажа и демонтажа. К преимуществам относится и то, что по юрте быстро распространяется тепло от очага. От войлочных покрытий снаружи юрта становится теплей и уютней. Ей не страшны ни снег, ни холод. Проливные дожди нипочём, а также прочие погодные сюрпризы.

14 веков тому назад великий китайский поэт Бо-Цзюй-и написал о юрте кочевника прекрасные стихи:

*Юрту вихрь не может покачнуть,
От дождя твердеет её грудь.
Нет в ней ни застенок, ни углов,
Но внутри удобно и тепло...
А зимой она всегда со мной.
Войлок против инея стена,
Не страшна и снега пелена.*

Даже «китайские вельможи ставили юрту у себя во дворе и переселились в неё в зимнее время», – пишет автор книги «Древние тюрки» Лев Николаевич Гумилёв, чьим именем назван Евразийский университет в Астане.

Так как юрта находится на природе, свежий воздух обеспечен. А если вы вдруг почувствуете сладкий дым костра, то наслаждается душа. Дым отечества, кому он не приятен?..

Сизый дым, извиваясь, через некоторое время устремляется к вентиляционному отверстию в шаныраке, потолке юрты. Оно регулируется заранее в зависимости от того, какая стоит погода. Отодвигаются края полога. В результате свежий воздух «опускается» в юрту через отверстие, а дым же улетучивается.

Отверстие в шаныраке является как бы оконной рамой, через которую поступают потоки солнечного света и освещают жилище изнутри.

Вдоль деревянного остова юрты размещается весь нехитрый домашний скарб чабана.

Заботливые руки хозяйки в каждом доме определяют порядок, где стоять кровати, какое должно быть убранство на ней, где расположить бабушкин сундучок.

В середине юрты, конечно же, место для низкого казахского стола. Так положено. Издревле. То же самое и для домашнего очага.

Против выхода из юрты с противоположной стороны всегда есть место, чего не упустит глаз хозяйки, его можно всегда завесить коврами, меховыми изделиями и фотографиями близких людей. О чести хозяина и о том, что он, быть может, ещё и охотник, свидетельствует укрепленная на ковре двустволка, а висящая рядом домбра подсказывает, что хозяин этой юрты имеет и определённое отношение к музыке. Между прочим, последняя предназначена не только для хозяина, но и для гостей, переступающих порог этого дома.

На мягкую землю внутри юрты настилают кошмы и одеяла в несколько слоёв. Чем больше их, тем комфортабельней. И располагайся, особенно когда стоит невыносимая летняя жара. Блаженствуй!

В одной из юрт жил старший брат отца. Привычкой его было лёгкое побряхтывание. Объяснял он это тем, что во время войны был горняком на шахте 3-бис, что в Старом городе Караганды. Но пришло время, и чистый воздух стал ему нужней.

Любил дядя подбирать мелодии на «абаевской» домбре. Не то чтобы он был искусным музыкантом, а играл просто, как говорят, для души.

На поляне недалеко от юрт в течение дня не менее 6-8 раз доят кобылиц. На дойку выходят как женщины, так и мужчины.

Каждый раз при этом приходится молоденьких сосунков-жеребят отвязывать от привязи, подводить к матерям, которые, по всей вероятности, очень скучают по своим малышам. Выражая свои лучшие чувства, кобылицы фыркают ноздрями, будто спрашивая: «Ты ли это?». Они стараются принюхаться к жеребяткам, мотают головами, косят глазами, а сосунки в это время, опустив головки, вытянув шеи, тянутся к соскам. Ничто другое их не интересует.

Милыми мордочками тычутся младенцы в материнское вымя, и молоко из сосков начинает вытекать без особых усилий.

Только сосунки успевают как следует приложиться к вымени и

проглотить первые струйки молока, как малышей тут же лишают наслаждения... треклятые люди. Человек занимал место сосунка. Опустив одно колено на землю, на другом держа ведёрко для дойки, он приступал к делу, выдавливая из вымени быстрыми движениями пальцев обеих рук душистое кобылье молоко.

От речки Камчатки тянулось далеко в сторону широкое травянистое раздолье. Где-то на горизонте оно кончалось и виднелись холмы с причудливыми каменными образованиями.

В одних местах они напоминали слоёный пирог, в других же вздымались отвесными стенами.

Сколько же времени потребовалось, чтобы ветры злые, дожди лихие, жгучие солнечные лучи сделали своё дело: обнажили тверди земные, нагромодили эти камни друг на друга, перемешали в беспорядке, разбросали их по степи, разделили лощинами и глубокими паднями. Здесь же дремлют на камнях кусты можжевельника с ягодообразными шишками.

Заросли колючего шиповника, осыпанные яркими цветами и красными ягодами, тоже прочно обосновались в этих местах.

Сюда я однажды вместе с отцом попал в разгар сенокоса. Конная косилка завершала свой последний круг. Скошенные травы лежали ровными рядами по всей низине, душисто пахли.

Солнце уже ушло за сопки, вернее, за высокие выступы громоздящихся вокруг скал. Хотя до вечера было ещё далеко.

После того как луг был выкошен, к работе приступили конные грабли. И вот уже к закату сено лежит в валках. Потом, когда трава высохнет, духмяное сено соберут в копны, погрузят в специально оборудованные машины и отвезут к местам зимовки скота. И сезон косьбы закончится.

... Подвернулся совершенно неожиданный случай, именно в эту поездку! Каменистые и шершавые склоны тянулись по сторонам того пути, по которому я ехал где аллюром, а где и галопом. Впереди на расстоянии 50-100 метров бежала рыжей масти кобылица. Догнать её и вернуть обратно мне и предстояло.

Дело было вот в чём: у хозяина одной из юрт сбежала кобылица, недавно приобретённая и пригнанная из другого косяка.

Она, почувствовав себя обделённой среди соперниц, решила сбежать в родные места, где она, видимо, выросла.

Как раз в это время на стоянке не было никого из мужчин, кроме меня. Женщины попросили меня догнать и вернуть лошадь, и как можно быстрее, так как до вечера оставалось не так уж много.

Вот так и получилось, что я оказался на неведомом пути, ибо раньше мне не приходилось бывать в тех местах, по которым бежала рыжая кобылица.

Временами я отпускал поводья гнедого трёхлетка, на котором ехал, и он ускорял шаг. Но как бы там ни было, кобылица не давала себя обогнать, соблюдала определённую дистанцию между нами. И этот разрыв сохранялся до тех пор, пока мы не добрались до того места, где жили

её прежние хозяева. Здесь стояли две юрты, находившиеся в нижнем течении речки Камчатки. А расстояние между двумя стоянками было добрых 30 километров.

Здесьние люди помогли задержать беглянку и на крепком аркане передали мне. И мы спешно пустились в обратный путь.

Сумрак всё больше стужался, стали плохо различимы сопки и доли. Речные изгибы, сверкнув в последний раз отяжелевшими водами, потонули в наступающей тьме.

Было за полночь, когда я прибыл на стоянку, держа в поводу беглянку...

Годом раньше, во время летних каникул, отец устроил меня в сенокосную бригаду, сгребать сено конными граблями. Во-первых, чтобы меньше «болтался», во-вторых, немного подзаработать. Хоть и мизер, а всё помощь скудному семейному бюджету.

Сначала мы заготавливали сено возле Спасска.

Но вскоре отец всю бригаду в срочном порядке перебросил на сенокосные угодья Акбастау.

Однажды я в одной из лощин занимался сгребанием сена на граблях. Вдруг я заметил двух всадников, съезжавших с противоположного пологого холма. Они направлялись в мою сторону. И тут я увидел двух собак сероватой окраски, которые появились в лощине раньше и совсем близко от нас. Безо всякой опаски они пересекли низину, заросшую таволгой и караганником, и стали подниматься по склону невысокого соседнего холма, а затем скрылись за ним.

Когда всадники приблизились и спросили: «Видел ли ты волков и в какую сторону они ушли?» – я не поверил своим ушам и в то, что столкнулся впервые с настоящими волками на воле. А я-то думал, что это охотничьи собаки...

... Двухколка при быстрой езде слегка трясла нас на дорожных неровностях. Мы с отцом возвращались домой, в Малую Сарань. А до этого целую неделю провели на отгонном участке. Отец по приезде на становище сенокосной бригады, пересев на покладистого рыжего друга Зайчика, объехал все луга и лощины на обширной площади, отведённой для сенокоса, ознакомился с ходом косьбы, интересовался питанием рабочих бригады и уходом за лошадьми...

Вскоре на нашем пути оказалась и зимовка Ансары со своей прекрасной ключевой водой у подножия крутого холма. На этот раз мы навестили хозяина зимовки, который радушно попотчевал нас, а затем продолжили свой путь к родному дому.

г. Шахтинск.

Владимир ИКОННИКОВ

Гигантские черепахи, дикие лошади Пржевальского и первые фраки в Казахстане

Листая страницы интересной книги замечательного учёного-энтолога, профессора П.И.Мариковского «В стране каменных курганов и наскальных рисунков» (Алматы, 2005), среди многих других рисунков мы можем найти изображения динозавров-диплодоков.

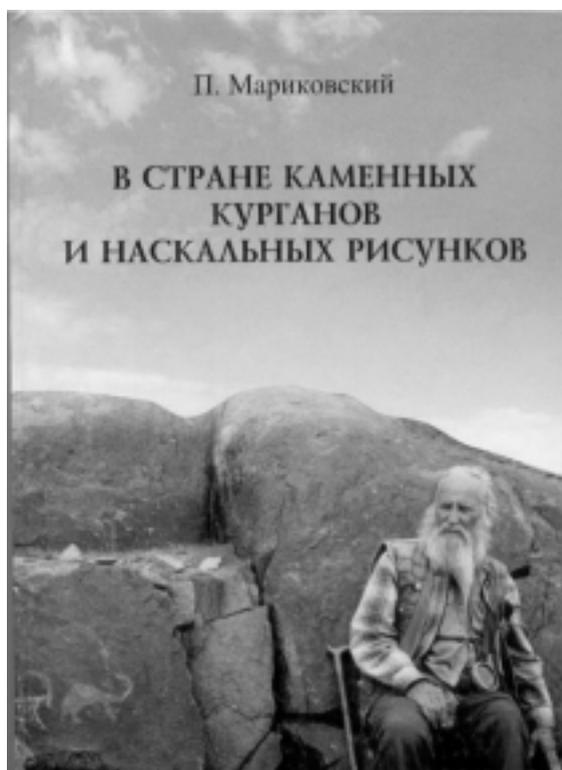
Великий энтузиаст и очень увлекающийся человек Павел Иустинич пишет: «Рисунок нашей находки очень характерен длинной шеей, маленькой головкой и массивным телом на коротких ногах. Подобных динозавров известно только два вида, обитавших на севере Американского континента. Динозавр наш отличается от этих двух своих родственников только коротким хвостом, так что может быть назван третьим видом диплодоков. ... Очень похож на этот рисунок другой, на котором животное изображено с раскрытой пастью. ... Провожу, моя находка представляет собою сенсацию для зоологии, и поэтому вызовет немало сомнений».

Рассмотрим эти рисунки подробнее.

Нижний рисунок из двух (в рамке), изображающих динозавров, очень похож на изображение динозавра-диплодока, но хвост явно коротковат.

Верхний рисунок динозавра вызывает ещё больше сомнений.

Этот рисунок (указан стрелкой) ещё меньше напоминает динозавра, но зато очень напоминает другое известное животное.

Обложка книги с рисунком динозавра.

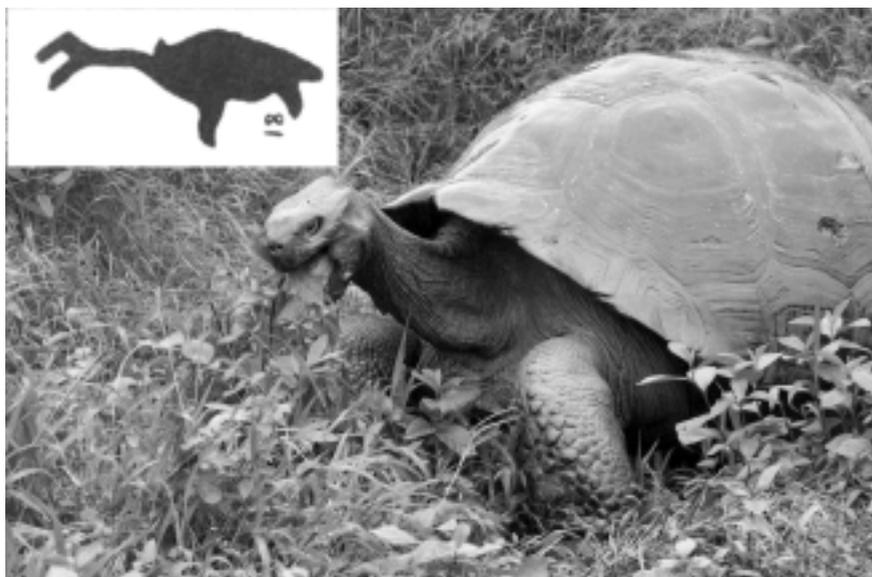

Рисунки со страницы 150.

Смотрим ниже:

Третий рисунок динозавра со страницы 145.

Наскальный рисунок из урочища Калмагабель и гигантская черепаха с Галапагосских островов.

Вероятнее всего, эти наскальные рисунки изображали черепах, т.к. на рисунке явно показан панцирь. Да, но зато каких черепах! Жаль динозавров, но ведь и это не меньшая находка!

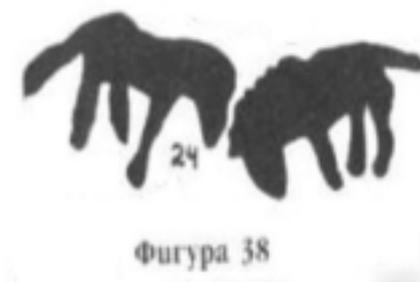

Слоновые черепахи.

Из всех сухопутных черепах только эти, называемые ещё слоновыми, имеют такие длинные шеи. Учёные утверждают, что когда-то на месте Балхаша было древнее Ханхайское море, некогда занимавшее всю Балхаш-Алакольскую впадину. Можно предположить, что небольшой горный массив Калмагабель был в те древние времена одним из островов. Изолированные от остального внешнего мира, не имеющие естественных врагов, черепахи Калмагабеля, точно так же как и галапагосские черепахи (механизм такой эволюции один и тот же), постепенно развились в гигантских черепах. Когда же море отступило, эти реликты ещё долгое время могли существовать как эндемики Прибалхашья. Возможно, что черепахи Калмагабеля отличались строением тела, панциря и не были такими большими, как слоновые черепахи Галапагосов, но сходство поразительное! Удивительные картины могли бы мы видеть в те далёкие времена в Прибалхашье, как например, на фото.

Дикие лошади Пржевальского

Описывая некоторые рисунки лошадей, П.И. Мариковский отмечает: «Очень удивили лошади, чётко отличающиеся от изображения обыкновенной лошади. У неё мощная голова с выдающимися скулами, большая чёлка, нависающая над головой. Это не лошадь Пржевальского и не тарпан, а вид, вымерший и ещё неопознанный палеонтологами». И ещё: «Две крупноголовых лошади упёрлись друг в друга головами. ... Облик крупноголовой, с большой чёлкой лошади настолько чёток и характерен, что, если бы это было доступно по правилам систематики, эту лошадь можно было бы определить как новый, ранее не известный, ныне вымерший вид *Equus macrocephalis*».

Наскальные рисунки этих лошадей со страницы 145.

Наскальные рисунки «большеголовых» лошадей со страницы 52.

По словам П.И. Мариковского, таких рисунков очень много среди наскальных рисунков Южного и Центрального Казахстана. Необходимо добавить, что так же много их и в Восточном Казахстане.

Табун диких лошадей, преследуемый волками.
Окрестности урочища Ак-Баур в Восточно-Казахстанской области.

Можно предполагать неизвестный вид, но давайте всё-таки посмотрим, как выглядят дикие лошади Пржевальского.

Нужно отметить, что древние авторы петроглифов часто преувеличивали характерные черты животного, для того чтобы добиться его узнаваемости. Это заметно по изображениям всех животных, а не только этих лошадей. Характерной чертой внешнего вида лошади Пржевальского является стоячая короткая, но очень густая грива, переходящая в чёлку, выступающую вперед надо лбом.

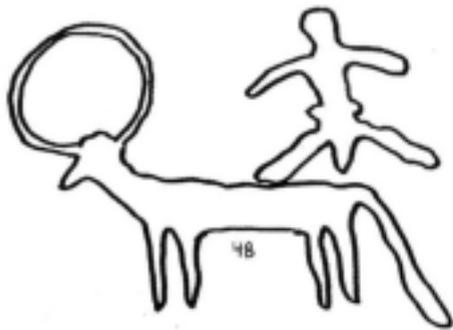

Лошади Пржевальского.

своей части могут изображать именно дикую лошадь Пржевальского. Отсюда можно делать выводы и о широком ареале распространения этой лошади в те далёкие времена.

Элементы одежды в наскальных рисунках

При попытке дать смысловое значение наскальным рисункам иногда упускается из виду то обстоятельство, что в рисунках могут быть отражены и неизвестные нам элементы одежды. Описывая выступы на талии изображённых людей, Павел Иустиневич в своей книге пишет: «Это, без сомнения, священный пояс из верблюжьей шерсти, носимый зороастрийцами», но далее — свисающий выступ между ногами человеческих фигур принимается им за «мужское достоинство». Между прочим, это первое, что приходит в голову любому человеку, впервые увидевшему такие изображения. И настолько прочно это предубеждение входит в сознание людей, что потом при рассмотрении других подобных изображений они уверенно «определяют» по этому признаку изображённых особей мужского пола.

Рисунок со страницы 55. Заметительных фигур с сильно выраженными фаллосами. По всей видимости, это и были жрецы».

Таких наскальных рисунков в книге представлено действительно достаточно много. Подобные петроглифы распространены также

Отдельной чёлки, ниспадающей на лоб, как у домашних пород лошадей, у неё нет. Именно эта характерная черта хорошо видна на приведённых выше наскальных рисунках. Также и голова относительно корпуса у этих лошадей довольно крупная. Итак, скорее всего, наскальные рисунки лошадей в Южном, Центральном и Восточном Казахстане в большей

Мариковский так и пишет: «Наибольшую загадку представляет отсутствие изображений жрецов. В Семиречье они были у самых цивилизованных заратуштровцев солнцеликими, в других местах, в том числе и в Бетпак-Дала, их изображали парой мужчин, стоящих друг против друга и потрясавших на небо кулаками. Здесь нет ни тех, ни других. Зато очень много больших и выразительных фигур с сильно выраженными фаллосами. По всей видимости, это и были жрецы».

и в Восточном Казахстане.

Нужно отметить, что на приведённом рисунке выступы на талии человеческой фигуры далеко выходят за пределы предполагаемого священного пояса зороастрийцев. Читаем в Википедии: «Главным нательным символом приверженца учения Заратуштры является нижняя белая рубаха седре, сшитая из одного куска хлопчатобумажной ткани и всегда имеющая ровно 9 швов, и кошти (кушти, кусты) — тонкий пояс, сплетённый из 72 нитей белой овечьей шерсти. Кошти носится на талии обёрнутый трижды и завязанный на 4 узла». Проще говоря, пояс представлял собой шнур, сплетённый из шерстяных нитей и обёрнутый трижды вокруг талии. Чтобы выглядеть так заметно, как на петроглифах, пояс должен был представлять собой очень толстую верёвку, что явно выходит за рамки здравого смысла.

Но если мы обратимся к археологическим находкам Пазырыкской культуры, то картина прояснится и, возможно, древние художники, заподозренные в принадлежности к фаллическому культу, будут реабилитированы. Находим справку

в Википедии, что такое Пазырыкская культура: «Пазырыкская культура — археологическая культура железного века (VI—III вв. до н. э.), причисляемая к «скифскому кругу», основные находки предметов которой были сделаны в Горном Алтае. Носители этой культуры обитали на смежных территориях Казахстана, Республики Алтай и Монголии. Своё название культура получила по памятнику в урочище Пазырык Улаганского района, где академиком Руденко были в 1929 г. раскопаны усыпальницы племенной знати».

Новые археологические находки в Горном Алтае, в том числе и знаменитая

Наскальный рисунок из окрестностей урочища Ак-Баур в Восточно-Казахстанской области.

Подборка рисунков из книги.

«алтайская принцесса» с плато Укок, замечательны тем, что в вечной мерзлоте этой местности хорошо сохранились не только мумифицированные тела, различные предметы, но и одежда. Так, например, хорошо описаны полушубки и кафтаны с «хвостами», причём как мужские, так и женские: «Обычно они имеют длину до низа таза. Особое место среди них занимают образцы со свисающим сзади выступом-фалдой в виде «хвоста бобра/выдры». Наиболее яркий пример такого рода — мужской «фрак» из собольего меха в Катанде с очень длинной (почти до пят) и широкой задней фалдой, покрытый шёлковой тканью... Такой выступ необычайно эффектно смотрелся на всаднике; кроме того, подобный выступ-«хвост» был удобен при подвижном быте пазырыкцев (на него можно было садиться при различных обстоятельствах) [отрывок из статьи].

Шуба с «хвостом»
[Верх-Кальджин 2. Мужская шуба
(Полосьмак, 2001, с. 180)].

Здесь мы можем видеть выражение тогдашней моды в виде богатого мехового «фрака» из собольего меха, крытого китайским шёлком и с длинной узкой задней фалдой почти до земли. Мода во все времена часто идёт в ущерб удобству.

Очень удобны и универсальны полушубки с задней фалдой для верховой езды, охоты и повседневной жизни. Короткополая шуба удобна в седле, и в то же время в ней можно в любую погоду присесть на любой камень, подвернув под себя заднюю фалду. Нынешние любители путешествий по горам, оснащённые и одетые по последнему слову туристической индустрии, вполне могут завидовать такой одежде.

Реконструкция мехового «фрака» Пазырыкской культуры (Катанда. Мужские кандис (парадный халат) и «фрак»: С.Н. Руденко, Н.В. Полосьмак, Баркова, 2005).

Западноевропейский фрак имел схожую историю своего происхождения, и в любой энциклопедии можно найти: «Фрак, который мы привыкли видеть на концертирующих музыкантах, дирижёрах, гастролёрах, дипломатах, в XVIII веке был офицерской униформой: его полы были удобны для верховой езды и походов. С 1760-х годов во фрак оделись западноевропейские буржуа».

В наскальных рисунках Казахстана можно найти изображения как коротких, так и длинных задних фалд. Кто знает, может быть, корни современного фрака идут глубже и находятся здесь? Вот уж истинно – «всё новое — это хорошо забытое старое».

Но что же изображено на талиях этих людей в наскальных рисунках? Мы можем видеть и сейчас такое на туристах, которые вышли холодным свежим утром в тёплых куртках и ветровках, а к полудню, разморённые тёплым солнышком, спустили их с плеч и завязали рукава на поясе. Можно предположить, что у людей описываемой культуры эта одежда могла быть приспособлена именно для такого двоякого ношения. Как можно заметить на рисунке, полушубок не имеет воротника, т.к. он мешал бы при свёртывании его на поясе. В тёплую погоду, а также при стрельбе из лука во время охоты, при укрощении лошадей и во время многой другой работы плечи и руки освобождались от стесняющей движения шубы, а сама шуба скатывалась в скатку до пояса и закреплялась на нём. Удобно и практично. В замечательной статье Н.В.Полосьмак «Пурпур и золото тысячелетий» в описании этой шубы есть такие строки: «У шубы были длинные рукава, которые могли затягиваться на верёвочку, превращаясь в своеобразные карманы для хранения мелких вещей (тогда шуба могла носиться внакидку)». Скорее всего, эти верёвочки служили завязками для закрепления шубной скатки на талии.

Итак, можно вполне утверждать, что элементы одежды Пазырыкской культуры, а именно задние фалды верхней одежды, в великом множестве отражены в наскальных рисунках Центрального и Восточного Казахстана. Эти свисающие выступы между ног человеческих фигурок есть не что иное, как задние фалды их полушубков и меховых «фраков».

Археологи ограничивают Пазырыкскую культуру смежными территориями Восточного Казахстана, Республики Алтай и Монголии. Но ведь характерные элементы одежды этой культуры отражены в наскальных рисунках огромных территорий Центрального Казахстана. В таком случае мы можем смело предполагать, что такая одежда (со всевозможными вариациями, присущими различным племенам) была характерна для всей Андроновской культуры, которая распространялась кроме Западной Сибири, Горного Алтая, части Монголии на весь Казахстан и другие среднеазиатские республики. Наскальные рисунки это подтверждают.

Источники:

1. П.Мариковский «В стране каменных курганов и наскальных рисунков», Алматы, 2005.
2. Н.В.Полосьмак «Пурпур и золото тысячелетий», журнал «НАУКА из первых рук» (март-апрель, 2005, № 1), издательство ИНФОЛИО-ПРЕСС, Новосибирск.

Николай ШМИГАЛЁВ

ПОЧТИ КАК ТРИ БОГАТЫРЯ

Волшебно-приключенческая сказка

(Продолжение. Начало в № 2 за 2012 г.)

2 часть: Про то, как «расхлёбывалась каша»

Едва забрезжил рассвет, ретивые воеводы уже растолкали невыспавшуюся троицу и, как говорится, «ни свет, ни сумрак, ни заря», отвели к государю. Снабдив последними инструкциями по мерам безопасности и правилам поведения за «бутром», царь благословил их крепким словом отеческим и торжественно отправил в путь-дорожку.

Закинув дорожные торбы за плечо, наши богатыри вышли за ворота кремлёвские и, пройдя через сонный посад с перекликавшимися на заборах петухами, покинули град стольный по перекинутому через широкий ров мосту, около которого исправно маршировали привратные стражи.

Пешком богатыри пошли.

Хотя расщедрившийся государь предлагал им выбрать коней даже из личной конюшни, «миссионеры», подговорённые колдуном-алхимиком («я знаю очень короткий путь, и лошади нам лишь обузой будут»), частично скрипя зубами (понятно, да, кто?), отказались.

Но недолго шли они пешком. Лишь скрылся за деревьями царский дворец расписной, с царём и боярами на резном балкончике, как свернули странники с проторенной дороги и следом за Премудрым пробрались через дебри на близлежащую лесную полянку.

– И что дальше? Чего мы сюда забрались? – с недовольным видом посмотрел на колдуна Сероволк. – Медведей седлать будем? – цыган всё не мог уговорить себя колдуну отказаться от царских коней отборных. – На хорошем коне я бы уже границу с Аркфрикой пересекал! И что я тебя послушался?

– А то, молодой человек, – спокойно, без лишних эмоций ответил Василевс, расчерчивая круг в центре поляны. – Что с помощью моих эзотерических знаний мы в мгновение ока перенесёмся в то место, где нынче томится царица. И не надо никуда скакать неделю, ляжки себе сёдлами натирать.

– Посмотрим, как это у тебя получится, – сомнительно покачал головой Сероволк и с силой втянул носом воздух. – Деревня рядом, – произнёс, идентифицировав множество присущих этому населённому пункту запахов, – может, пока не поздно, пойдём туда, договоримся, лошадей купим, чем с магией твоей связываться? Чую я, добром это не кончится.

– А может, к царю вернёмся да коней попросим? – предложил молчаливый доселе Царевич. – Чего зазря платить за коней, когда лучших бесплатно можно взять.

– Нет, назад не пойдём. Возвращаться – примета дурная, да и гордость мне не позволит, – пояснил цыган причину отказа.

– Никуда мы не пойдём, – сделав необходимые магическо-

математические расчёты в голове, сказал Премудрый. – Не пойдём, а телепортируемся, то бишь переместимся в желанную точку. Просто делайте, как я говорю, и всё у нас получится.

– Это как? – дружно поинтересовались его соратники.

– А так! – плавным прикосновением руки согнул колдун трость свою из крепчайших железосодержащих сплавов. – Надо встать в круг и всем троим взяться за магическую трость. Далее все сосредоточимся на цели нашей миссии – на царице Надежде. Я вижу, ваши астралауры очень сильные. Я прочту необходимое заклинание и, объединив наши мысленные усилия, мы сможем совершить скачок в самое сердце Аркфрики, туда, где нынче томится царица. Итак, встаньте, парни, встаньте в круг.

Царевич и Сероволк послушно вошли в магическую фигуру и взялись за трость колдуна.

– Закройте глаза! – скомандовал Премудрый. – Теперь представьте, как великая космическая сила тёплым ветерком входит в ваши тела через мозжечок, сочится по шейным позвонкам, перетекает в руки, струится с пальцев искристыми струями, окутывая аккумулирующую её трость.

Внимая словам колдуна, мужчины почувствовали, как по телу растеклось приятное тепло, а руки стало колоть сотнями невидимых иголок.

– Теперь представьте нашу цель! – посоветовал Василевс и зашептал магические формулы телепорта.

С каждым его словом трость в руках трёх человек накалялась всё сильнее и сильнее, а с крепко сжимающих её рук скользкими змеями срывались голубые молнии, заряжая пространство внутри круга. В воздухе сильно запахло озоном. В центре круга закрутился маленький смерч, который всё расширялся и расширялся, пока не заполнил весь круг и не скрыл в своём туманно-сером чреве троих человек. Спустя мгновение раздался локальный раскат грома, в центр смерча с чистого неба ударила молния. Смерч рассеялся, а на поляне уже никого не было, только выжженная земля аккурат по границам вычерченной колдуном фигуры.

По всем признакам выходило, что телепортация нашим героям удалась.

***

Когда мгла вокруг колдуна и сотоварищей рассеялась, они, ощупав себя («всё вроде бы на нужных местах сформировалось»), не преминули оглядеться по сторонам.

– Ужели в далёкой заснеженной Аркфрике темницы для высокопоставленных особ так схожи с нашими хлевами? – предположил Царевич, осмотревшись по сторонам. Место больше всего походило на коровник или сеновал, так как вокруг было много сена и невыносимо пахло коровьим навозом.

– Надеюсь, ты ничего не перепутал, кудесник? – оскалившись, прорычал Сероволк и прикрыл глаза от яркого света, его инстинктивное движение повторили и товарищи по удаче (или несчастью, короче, с какой стороны посмотреть), так как дверь того помещения, в котором они материализовались, открылась, и солнечные зайчики утреннего солнца игриво заиграли на их обескураженных лицах.

– Воры! Воры! – закричала во всю свою мощную грудь ядрёная

деревенская баба и зафиндила пустым ведром в ближестоявшего к ней колдуна. – Спасите! Помогите! Грабуют! Насилуют! – продолжала сигнализировать она односельчанам, одновременно высматривая, чем ещё можно отбиться от непрошенных гостей. Но только её решительный взгляд наткнулся на стоявшие подле входа вилы, как слегка контуженный метким попаданием Василевс, сообразивший, чем её вторая находка может грозить непосредственно его пошатнувшемуся здоровью, отчаянно взмахнул тростью в направлении голосащей бабы и, крикнув магическое «Баста-а-айс!», навлёк на женщину замораживающий столбняк. Застывшая селянка с занесёнными над головой вилами стала похожа на статую разгневанного Нептуна, в переднике и с грудью пятого размера, но улыбок у троицы не вызывала. Быстро сориентировавшийся в экстренной обстановке Сероволк подскочил к дверям, выглянув наружу, внимательно оглядел подступы к сараю и, соответственно, возможные пути отступления. Пока на объявленную бабой тревогу никто не мчался сломя голову.

– За мной! – скомандовал цыган. Протиснувшись мимо ледяной бабы-статуи, он сиганул через забор и седой стрелой помчался в сторону леса.

За ним без оглядки засверкал пятками в сторону леса Василевс Премудрый.

– А как же доярка? – крикнул ему вслед Царевич, не решаясь бросить в таком состоянии «беспомощную» женщину. – Расколдовать бы!

Однако, заметив как в стремительно отгаивающей женской руке угрожающе закачались вилы возмездия, благородный юноша Иван понял, что для хозяйки слева на этом чудеса жизни никоим образом не заканчиваются, благоразумно метнулся за спутниками. Когда Царевич нагнал своих товарищей, раньше его скрывшихся в лесу, его взору предстала следующая картина: Яков Сероволк, скуля и кашляя от душившего его смеха, катался по траве, а Василевс Премудрый невозмутимо сидел под дубом в позе лотоса и то и дело прикладывал набалдашник волшебной трости к вздувшейся на лбу шишке, виновницей коей было пустое (и это ещё, слава богу!) ведро нервной селянки.

– Что это всё значит? – не понимая пока всей трагедии происшедшего, спросил Царевич.

Цыган, немного успокоившись, но всё ещё держась за живот, встал на ноги и, стараясь не смотреть на умиротворённое лицо мага, прояснил суть случившегося:

– Видишь ли, Ваня, по-моему, этот алхимик продал свою душу какому-то клоуну, – Яков не сдержался и вновь захохотал.

– Никому я душу не продавал! – медитируя в соответствующей позе, ответил колдун и вновь приложил шар к шишке. – Это всё из-за вас, темно-та безграмотная! Сами виноваты!

Сероволк весело оскалился.

– Да, это наша вина, что послушались тебя «учёного». Чуть в хлеву от дояркиной руки не погибли.

– Знаешь что?! – открыл глаза Премудрый. – Если бы вы направили свои помыслы на царицу, а не на коней своих и зерновые, то мы бы не оказались в хлеву между коровами и фуражом. Сами телепортационную траекторию сбили, голубчики.

– Выходит, доярушка, которая тебя атаковала, та самая недоцарица, к которой ты мыслил телепортацию применить? – понял в чём «соль» Иван.
– Право, ситуация неординарная.

Царевич переглянулся с цыганом, и они уже дружно засмеялись над колдовским «фокусом». Хотел Василевс их наказать за такое непочтение к его персоне: в лягушек там превратить или диарею наслать, но в подписанном им контракте одним из первых пунктов было обещание «подлянок сподвижникам не чинить, а помощь всяческую оказывать не раздумывая». Поэтому, бессильный в данном случае, колдун мог только терпеливо ожидать, пока запас сарказма у его веселившихся попутчиков иссякнет.

Не прошло и полчаса, а с шутками и прибаутками над неудачной попыткой колдуна было покончено. Троица уже маршировала по лесной дороге строго на север, в направлении Аркфрики, оставив злополучную деревню далеко позади, а Сероволк уже на полном серьёзе давал указания алхимику.

– Значит так, Премудрый, – проговорил он, ловко срезая своим ножом одуванчики. – Ничего личного, но если ты ещё раз применишь свои колдовские штучки без согласования, я тебе, в натуре, горло перегрызу. А за коней царских ты мне ещё должен будешь.

Василевс, особо не слушая угрожавшего ему полуоборотня, шёл, погружённый в свои далеко не радужные мысли. Эдак теперь ему до конца путешествия, думал колдун, быть центром прикола в этой несерьёзной компании. Хотя вина в расчёте была не только его, но всех «собак» этот полуволок навешивал на него как на инициатора проекта.

Чу! Из-за холма послышалось громкое ржание.

– Оба-на! Кони на лугу пасутся, – «унюхал» Яков любимых животных.
– Целый табун резвых лошадок!

Глаза у цыгана загорелись дьявольскими огоньками.

– Мужики! – схватив шедших рядом спутников за рукава, взмолился цыган. – Давайте не будем дураками, купим лошадей да поедем спокойно. Дорога-то неблизкая. А я договорюсь с пастухами, у меня в округе они все знакомые, по дешёвке лучших коней, не коней – соколов ясных выберу. Давайте, а-а?

На этот раз обиженно молчавший Василевс отговаривать цыгана от «иде-фикс» не стал и сам особо не противился, а Иван Царевич с самого начала был непротив конной прогулки по свежему воздуху. Поэтому, скинувшись цыгану на покупку коней, каждый из своего единовременного жалованья, они сели передохнуть под деревом, ожидая, пока скрывшийся за холмом Сероволк не пригонит каждому из них по отборному боевому коню, свирепо грызущему стальные удила, который и полагается по статусу настоящим богатырям.

Ждали они недолго – Василевс только вторую мантру в своей излюбленной позе нахрапывать начал, как послышался гулкий (словно в ведро брехали) лай многочисленной своры, перемежающийся с трёхэтажной руганью на чабано-пастушеском жаргоне. Видимо, в цене не сговорились, успел подумать Премудрый, когда на него выкатился из лопухов Сероволк и с криками «Братва, шухер! У них волкодавы некормленные и без намордников!», метнулся к реке. Поняв, что волкодавы, да и

табунщики разбираться не будут, кто здесь прохладается: богатыри государевы или конокрады лихие, Премудрый с Царевичем сиганули следом за набедокурившим Сероволком. Как они реку переплыли, одному богу известно, только опомнились уже, когда повалились без сил за дальним пригорком, на котором цыган деловито сливал воду из своих сапог.

– Кто же знал, что у них там такая свора, – попытался объясниться Яков, с трудом выдерживая сурово-ироничный взгляд Василевса. – Да я красть лошадей не собирался. Просто проверить хотел, какие из скакунов лучше, тест-драйв провести намеревался, а не угон, как эти тупицы спронея подумали.

– Вот, Вань, полюбуйся коневодом, – подбоченившись, съязвил Премудрый. – А ещё меня клоуном обзывал, мелкий жулик.

Цыган пристыженно склонил голову.

– Ладно тебе, Премудрый, – миротворчески улыбнулся Царевич. – С кем не бывает, – напомнил колдуну его недавнюю промашку, когда тоже еле ноги унесли.

– Согласен, всякое бывает, – Василевс нравоучительно воздел в зенит свой указательный перст. – Но этот прощельга ведь с нас ещё и деньги на воровство собрал. Это каким, понимаешь, надо быть огульным рецидивистом!

– Точно! – нахмурился Иван и осуждающе уставился на Сероволка. – Как у тебя совести хватило, Яша?!

– Мужики, мужики, я же реально хотел купить лошадей, – начал оправдываться конокрад со стажем. – Просто как встретился взглядом со скакуном вороным, так напроць про всё забыл. Он смотрит на меня так, словно говорит: «Спаси меня, Сероволк, Сероволушка, уведи отсюда, худо мне в табуне...». Вот я и не сдержался.

– Слушай сюда, спасатель конский, – наклонился Василевс к цыгану. – Если ты ещё раз что-нибудь подобное выкинешь, я сам тебя в кобылу сивую превращу.

– Не дави на меня, колдун! Пуганный я! – оскалился Яков, положив ладонь на рукоятку ножа.

Колдун тоже отступать не собирался – переложил трость с тяжёлым набалдашником в правую ударную руку и упёрся ногой в камень, для устойчивости.

Видя к чему всё идёт, Царевич, та ещё здоровая детина, встал между ними.

– Так не пойдёт! – точно зная, что так не пойдёт, сказал Иван и тоже положил свои большие ручищи на рукоятки заткнутых за кушак серпа и молота, мол, если не угомонитесь, кто-то получит молотком по кумполу, а кому и серпом... достанется.

Присутствие третьей стороны, тоже обещавшего принять участие в разборках ни на чьей стороне, немного охладило горячих парней.

Увидев появившееся в глазах спутников сомнение, Иван добавил немного отсебятины.

– Давайте-ка больше не нервничать, – сказал Царевич. – Друг на друга косо не смотреть. Поставленную задачу выполним, а после уже разберёмся: кто, где, когда. А ты, Яша, должен помнить, что отныне ты не простой вор-рецидивист, то есть теперь ты вовсе не вор, теперь ты

госслужащий – богатырь, состоящий на службе у государя-батюшки. И подобные провокации бросают пятно на весь государственный аппарат самодержца. Так что завязывай со своей сомнительной романтикой – угнал коня, перекрасил, толкнул, спалился, в острог – должностному лицу это совсем не к лицу. Так что, как там у вас говорят: дотопаем назад, до хазы, видно будет. Пойми, если бы нас словили и нашли ксивы служебные да пачпорта заграничные, знаешь что бы тогда в «Жёлтой берёсте» нацарапали?

– Представляю, – вздохнул цыган, окончательно спустив парок.

– Вот то-то и оно, – довольный произведённым на спутников эффектом, улыбнулся Царевич. – Теперь «миришь, миришь, больше не дерись». Пожмите руки – и в путь.

Колдун и цыган, поглядывая друг на друга исподлобья, крепко, до хруста костяшек, пожали друг другу руки и вместе с «миротворцем» Царевичем продолжили путь в далёкую холодную Аркфрику.

***

Долго ли, коротко ли пешеходствовали наши герои, но после того как их обогнала, отдавая дорожной пылью, полудюжинная по счёту карета, Иван Царевич смекнул, как ускорить им своё перемещение в пространстве на данном оживлённом участке пути.

– Предлагаю продолжить путь каретостопом! – сказал Иван. – Остановим транспорт и попросим подбросить нас, покуда им по пути. Затем другой, и так можно до Полярного круга допутешествовать. Там, глядишь, сани или собачью упряжку ещё остановим.

Ничего предосудительного в подобном предложении спутники Царевича не увидели и согласились продолжить путь на более удобном и быстром средстве передвижения, естественно, при условии, что Иван сам будет останавливать пролетающие мимо «нафаршированные» всякими опциями фаэтоны, шикарные тюнингованные кареты и двуколки-кабриолеты.

– Ладно! – согласился Царевич и, подойдя к обочине «проезжей части», выставил в сторону руку с поднятым вверх большим пальцем. – Сейчас я тормозну самый навороченный экипаж с юными прелестными барышнями и глухонемым ямщиком. Прокатимся с ветерком. Гарантирую!

Остановившиеся рядом с Иваном товарищи с сомнением переглянулись, когда мимо них «просвистела» первая карета с «юными прелестными барышнями», но ничего не сказали. Правда, когда мимо глотавших пыль путников промчалась «...надцатая» повозка, Серволок не сдержался и, глухо зарывчав, грязно выругался ей вслед.

– Не смею с вами не согласиться, коллега, – интеллигентно поддержал колдун цыгана в его умозаключениях по поводу ориентации пассажиров кареты.

Поняв, что ещё немного, и уставшие ждать «у моря погоды» «коллеги» пройдутся и по его генеалогическому дереву, Царевич ободряюще им улыбнулся и уверенно указал на приближающуюся карету.

– Это точно наш «экипаж команды боевой!» – почти пропел Иван и замахал рукой дремавшему в седле кучеру. – Меня интуиция ещё никогда

в этом деле не подводила, – увидев, как карета стала замедлять ход, Царевич хвастливо заявил: – Ну, что я говорил?! Иван Царевич лапшу на уши...

***

Прославленный в славных баталиях и сечах «рубака-парень», воевода Козлов, вояжировавший с инспекцией по ограниченным дружинам, был в хорошем расположении духа. Приграничные стражи-ратники в качестве прощального презента преподнесли ему изъятую контрабанду: чудные иноземные яства и напитки. Время подходило обеденное, поэтому воевода, наказав сопровождавшему его денщику «сготовить чего-нибудь эдакого и на скорую руку», задремал. Денщик, недолго думая, выбрал из корзины иноземной снеди упаковку, на которой было написано: «Спагетти скорого приготовления. Просто добавь крутого кипятку», заварил её в установленном в карете самоваре, вывалил спагетти в супницу, добавил сверху соуса заморского на основе томата, баклажана и болгарского перца и разбудил воеводу.

– Кушать подано, «вашсокбродь!» – отрапортовал денщик и открыл крышку супницы.

– Чем порадуешь старика? – вдыхая аромат «заморского блюда», облизнулся воевода и заглянул в кастрюлю. Блюдо из дымящегося спагетти, перемешанного с соусом непривычного глазу цвета, кстати, впервые увиденное воеводой так близко, да ещё и вздрагивающее вместе с каретой на каждой кочке, для неподготовленного человека представляет довольно неприглядное зрелище.

– Ах ты, дубина стоеросовая! – накинулся воевода на денщика. – Отравить меня вздумал?! – ткнул он денщика лицом в супницу. – Сам жри листов иноземских!

Увидев, что денщик, несмотря на угрозы, только крепче стиснул зубы, воевода выхватил кастрюлю у того из рук и собрался в порыве ярости нацепить оную тому на голову, но, побоявшись испачкать служебный транспорт, прославленный воевода решительно избавился от заморской «отравы», метнув кастрюлю в окошко.

***

... вешать не будет! – закончил Иван хвастать, и получил сногсшибательный удар в голову кастрюлей из окна промчавшейся мимо кареты.

Иван Царевич быстро очухался и, вскочив на ноги, собрался было в погоню за обидчиком, но, увидев корчащихся в траве товарищей, бросился к ним. У лежавших на земле Сероволка и Премудрого были налицо все признаки удушения: со слезами на глазах, посиневших от натуги лиц, они по-рыбьи хватали ртом воздух, и ничегошеньки у них не выходило. Увидев подбежавшего Царевича, лица его спутников исказила почти предсмертная гримаса боли и отчаяния. Несколько долгих секунд смотрели они друг на друга, несколько томительных мгновений продолжалась эта немая сцена. И, наконец, их прорвало.

– И-их-ха! У-аа-й! Ё-о-уууу! – застонали колдун с цыганом, не в силах подняться с земли и уже более членораздельно наперебой продолжили озвучивать своё самочувствие:

- Яумир-р-раю!
- Мама, зачем ты меня родила?
- Всё, мне копец!
- Сделайте мне харакири!
- Ваня, останови, я выйду!
- А вас я попрошу остаться!

– Лапшу на уши не вешать! – в очередной раз сострил Сероволк, указав пальцем Ивану на уши, и заскулил по-щенячьи. Вторя ему, по-лошадному продолжал «ржать» и Василевс.

Иван прикоснулся к своим ушам и только сейчас почувствовал нависшую на них тяжесть «в лице» хорошо пропаренных спагеттин.

– Идиоты! – беззлобно пробурчал Царевич, снимая тёплую лапшу с покрасневших ушных раковин и, осознав, отчего его товарищам так «поплохело», не удержался и захохотал вместе с ними. Такого финального аккорда своего «каретостопа» он даже в самом странном сне представить себе не мог.

В общем, попробовали свою неординарную силушку товарищи богатыри, показали, на что способны, чтобы другим неповадно было, и... думаете, всё на этом? Ничего подобного! Мы с вами их ещё плохо знаем. Эти ребята – я уверен – ещё покажут себя во всей своей естественной и первоизданной красе! Если перефразировать одного моего знакомого шевалье (ту ещё каналью!), то с высокой долей вероятности можно сказать, что: Париж ещё узнает этих «Д'Артаньянов»! Тысяча чертей и ящик рома в одно горло!

Короче, как мы с вами догадались, после нескольких не совсем удачных попыток эта троица безупречных богатырей продолжила путь, как, в двух словах, говорят ратники со стажем, «пеший по-конному». И знаете, я скажу, продвинулись они в этом деле довольно далеко.

Не прошло и двух понедельников (ох уж эти сказочно-оперативные скачки через пространственно-временные отрезки, в которых не произошло ничего сверхординарного), как наши герои добрались к первой на их пути границе сопредельного государства, в частности, к отечественному приграничному блоку-посту.

За полусотню косых сажений к посту бравы ребяташки наткнулись на покосившийся под острым углом столб с предупреждающей надписью: «Контрольно-пропускной пункт. Предъяви в открытом виде паспорт заграничный, ксиву служебную или шпионское удостоверение личности».

Перечитав предупреждение, отважные герои смело прошли дальше – документы у них в полном порядке, так что просочатся сквозь погранзаслон «без пыли и шума». Но не тут-то было.

– Стой, стрелять буду! – крикнул из бойницы в кирпичной кладке блокпоста страж границы и показал путникам заряженный арбалет, вот, мол, глядите, подозрительные незнакомцы, я не шучу.

Богатыри остановились, ожидая, чем ещё «порадуют» их рубежи родины.

– Проезд-проход запрещён! – вновь крикнул стражник. – Поворачивайте откуда пришли! Граница в этом направлении на замке!

Да, не хотела родина прощаться со своими богатырями.

Но и богатыри были ребята несговорчивые, по крайней мере не так быстро сговорчивые.

– Эй, братан! – крикнул Сероволк, направившись в сторону блокпоста. – Не чуди! Мы с поручением государевым в Аркфрику спешим!

В паре вершков от цыганских сапог воткнулся в землю пернатый болт, пущенный стражником из арбалета. Сероволк отпрыгнул на исходный рубеж и глухо зарычал.

– Кому велено вертаться назад! – донеслось из-за стены блокпоста. – Ещё один шаг – и следующая стрела кому-то прямо в лоб.

– Поймите нас правильно, – вступил в переговоры Василевс. – Мы действительно богатыри его царского величества, государя Владибора Ильича. Отряжены для весьма деликатного дела за рубеж, по личному указанию его величества. Нам крайне необходимо пройти на ту сторону границы. У нас и ксивы служебные, и пачпорта заграничные на руках имеются. Всё чин по чину. Можем предъявить для сверки!

Премудрый, раскрыв оговорённые выше документы, сделал шаг вперёд. Второй болт, пущенный из бойницы, лёг ещё ближе к нему, нежели первый к цыгану.

Колдун, стараясь не делать резких движений, плавно вернулся на «линию старта».

– Последнее предупреждение! – донёсся непреклонный голос ратника. – Следующий нарушитель точно уже схлопочет болт в глаз!

Герои замерли, не решаясь идти вперёд, и, в то же время, стесняясь вот так, без боя, ретироваться.

– Давайте сделаем вид, что отступили, – прошептал Сероволк товарищам идею, всегда подворачивающуюся ему первой на ум. – А я, короче, обойду их с тыла, прокрадусь к блокпосту, застану врасплох и перережу всем, кто там есть, плотки от уха до уха. Затем высуну их языки через дырки в горле и подвешу их за эти самые...

– Ты в своём уме, головорез! – перебил его Царевич. – Это же не супотаты какие. Это наши служивые солдатушки. У них, видно, инструкция такая, никого не пущать за кордон, а ты своих же со спины, да бандитским ножом по горлу.

– А чегось это «свои» по «своим» из арбалетов без зазрения совести лупят?! – прошептал тоже недовольный действиями пограничника Василевс и озвучил свой план. – Вот я етого стрелка сейчас в жабу обращу, будет знать, как в колдунов кудесных метиться.

– Не сметь! – прохрипел сурово Царевич. – Вы не забывайте, что вы богатыри – защита и надежда земли горемычной, включая и всех её обитателей, а не уркаганы матёрые. Со служилым людом как с котёнком обращаться надо – и те, и те ласку любят. Я сам переговоры с ними учиню.

– Смотри, пролетарий, – скептически отнёсся к идее Ивана Сероволк. – Если воткнёт тебе «котёнок» стрелу промежду голубых зенок, потом не говори, что я тебя не предупреждал.

Царевич только фыркнул вместо ответа и, достав из-за спины горн, протрубил позывные «зари».

– Здравия желаю, товарищ начальник! – как и положено по стародавнему воинскому обычаю, поприветствовал стража Царевич, когда тот

выглянул посмотреть, кому это там в трубу дудится. – Мы с тобой одной крови! – добавил Иван к сказанному интернациональный пароль на все случаи жизни и, скрестив над головой серп и молоток, давая понять тем самым, что «вышли мы все из народа», выдохнул многозначительно: – Ты и я!

Колдун и цыган прикрыли глаза, не желая смотреть, как сейчас прилетит парламентёру в лоб что-то обещанное стражником. Стражник же, по их представлениям, повёл себя не совсем честно. Вместо исполнения угрозы он выдвинул новое требование.

– Внимание! Рабоче-крестьянин ко мне, остальные на месте! – крикнул тронутый ритуалом Царевича пограничник, впрочем, продолжая зорко держать всю честную троицу на «мушке».

Иван незаметно для стража подмигнул спутникам и медленно направился к блокпосту.

– Кажи-ка документ, представитель! – потребовал страж, когда Ваня приблизился на расстояние вытянутой руки с заряженным арбалетом, упёршимся ему в лоб.

Царевич предъявил служебную бумагу, в которой было указано, что «предъявитель сей ксивы есмь богатырь вольнонаёмный, на службе ратно-особливой, для дел государственно-важных отряжённый» и приписка мелким почерком «оказывать богатырю всяку подмогу в интересах той самой ратной-особливой службы».

Внимательно изучив гербовую печать с двуглавым медведем, бессовестно топчущим орлана, и не найдя в ксиве подвоха фальшивоподдельного, страж смаялся.

– И остальным продолжить движение, – соизволил пограничник, появившись уже полностью из дверей блокфорпоста.

Не ожидавшие такой скорой перемены в поведении стража сподвижники Царевича тоже подтянулись к служивому, присевшему около облупившейся стены на завалинку, и дружно обступили его. Пограничником оказался сухонький дядька в заплатанной кольчуге и почти новом, только слегка погнутом шлеме. Пограничник оглядел снизу вверх колоритную троицу и, как ни в чём не бывало (ну как будто и не держал их минуту назад на прицеле) спросил:

– Чего это в нашу глухомань сразу столько богатырей нагрянуло? По делу мотаетесь, али так, ради пустопорожного интереса шатаетесь?

– У нас дело деликатное, государственной важности, – ответил Царевич, уже водворивший свои орудия труда за пояс.

– Да, уважаемый! – добавил Василевс. – А вы в нас из арбалета пуляете. Не разобравшись, кто мы и почему.

Дядька озорно прищурился и посмотрел на цыгана.

– Дак у вас на рожах, даром богатырских, не написано, что они на госслужбе ратной, а, скажу откровенно, больше на физиономии отпетых бандюков и мародёров смахивают, которые только и стараются здесь прокрасться на ту сторону, – махнул головой в сторону границы. – Вот тебя я ещё с опушки приметил, – кивнул страж Сероволку. – Думал на подступах снять, уж больно ты на одного конокрада смахиваешь, да, слава богу, не взял грех на душу.

– Скажешь тоже, снайпер, – угрюмо ответил Яков, непроизвольно слотнув. – Где же это видано – конокрадов окаянных богатырями назначать.

– Так вот и я о том же! – хлопнул себя по колену пограничник. – Да по лицу сразу и не скажешь, кто есть кто: думаешь, вот колдун, вот жулик, а вот студент вольнодумский, – поочередно кивнул дядька на Василевса, Яшку и Ивана, – а на поверку оказывается, и впрямь богатыри, всамделишные былинчики.

– Так это мы спецом так принарядились, – поспешил развеять последние сомнения пограничника Василевс. – Чтобы не выделяться на общем фоне.

– Это правильно, как легендарные хиппиеры! – согласно кивнул страж и хитро усмехнулся. – А может, у вас и шпионские удостоверения имеются?

– Чего нет, того нет! – развёл руками Царевич.

– Ладно уж, знаю я вас, богатырей, перевидал на своём веку, – понимающе подмигнул страж и встрепенулся. – Ох, засиделся я тут с вами. Пора на пост, а вам, ребятушки, в обратный путь поворачивать надобно.

Богатыри удивлённо уставились на стража.

– Чего смотрите, богатыри?! – распознал дядька вопрос в их глазах. – Нету здесь прохода в сопредельное королевство. Как все отважные герои, идите-ка в обход! – предложил он и, перейдя на шёпот, поделился с ними конфиденциальной информацией: – На той стороне который год буйствует летаргическая эпидемия. Одним словом –КАРАНТИН!

– Это что за напасть? – скривился чувствительный к непонятным словам цыган.

– Эта напасть массовой спячкой называется, – подсказал, некогда изучавший заразные магические хвори, Василевс. – Коли кто проклятье замедленного действия нарушит: уколетя иглой непродезинфицированной, об веретено ударится головой или, к примеру, съест фрукт невымытый, мало того сам в сон погрузится, ещё и всех, с кем контакт имел, за собой потянет. Бывает, подобные хворобы целые страны выкашивают.

– Истину глаголешь, богатырь! – перекрестился страж, уважительно взглянув на Премудрого. – Так и у них, за кордоном, произошло. Порядочно лет назад у короля тамошнего, Ричмонда Цепкого, дочурка родилась, Злата-Власта. На празднике ведьмы придворные, по-ихнему феи, передрались из-за того, кто будет крёстной у девчухи. И та, которая по мозгам получила, прокляла всех их там скопом, ну и слиняла с праздника. Спустя же осьмнадцать годков, аккурат на «днюхе», «хаппибёзде» по-ихнему, с принцессой казус вышел. Эта фея-вредительница, хотя какая там фея, по роже, говорят, вылитая ведьма, под видом бабки из службы доставки подарков преподнесла принцессе яблоко наливное. Взяла девушка яблоко в руки и, уколовшись им, в сон погрузилась, а за ней всё королевство, включая живность домашнюю и дичь всякую, оцепенело.

– Как это она яблоком умудрилась уколоться? – удивился Иван, внимательно слушавший лекцию по зарубежной истории.

– Хоть убей, не знаю! Можя, вредительница иголок в него понатыкала, ла, можя, ещё чего удумала, – выпалил страж. – Все свидетели и очевидцы

в состоянии «нестояния». Там же – в отключке. И, слышал я от арестованных мной намеренно мародёров, – шёпотом продолжил дядька информировать богатырей, – что проклятье это ещё лет сто действовать будет. У них один человек «за бугром» случайно укололся своей же булавкой и что вы думаете?

– Что??? – выдохнули богатыри.

– Всё! Тут же об землю хлопбсь, и захрапел непробудным сном, – пограничник опять хлопнул себя по колену. – Так что проход туда категорически запрещён, – указал страж на заросшую травой и деревцами дорогу за шлагбаумом. – Идите в обход через другие страны. Инструкции я нарушить не могу, и не просите. Я под присягой крестик ставил! Буду стрелять на поражение!

– Нам через другое царство топать не с руки, точнее, не с ноги, – озабоченно сказал Василевс, поглядывая на одичавший от одиночества заграничный лес. – Уйма полезного времени впустую уйдёт.

– И здесь чего-то пробираться не хочется, – протянул Иван и тоже глянул за шлагбаум. – Однако этот путь куда более короткий.

– А может, всё-таки договоримся? – многозначительно подмигнул Серволок дядьке. – Мы за ценой не постоим!

– Нет, не договоримся! – бескомпромиссно замотал головой пограничник. – Я опосля себе ни за что на свете не прощу, что за тридцать целковых на верную погибель вас пропустил.

От слов этих богатырям стало приятно, что есть ведь ещё на земле народ неподкупный, да за других искренне радеющий. Хотя приятность их совсем скоро была немного, не омрачена, нет, а, я бы сказал, поколеблена.

– Правда, есть один пункт в аннотации к проклятью, – подмигнул им страж границы. – Который прямо гласит, что «разрешено пущать в захворённое кудесной спячкой королевство исключительно принцев, князей или иных герцогов королевско-голубых кровей, для попытки вывода принцессы и всего королевства из бедственного состояния». Ибо только истинно царский поцелуй отключит колдовские чары. Вот если бы среди вас, богатыри, случайно оказался кто-либо из перечисленных лиц...

– Отчего же случайно! – моментально смекнул Серволок. – Один из нас как минимум целый Царевич! У него и запись в заграничном пачпорте имеется!

– Иди ты?! – настала очередь выкатывать глаза пограничнику. – Ну-кась, покажь документ, кто из вас Царевич?

– Вань, покажи пачпорт дяде, – попросил цыган Царевича.

Иван, ещё до конца не понимая всей наглости аферы, затеянной Серволомком, без задней мысли предъявил свой пачпорт.

– Ёк-макаёк! – побледнел пограничник. – Целый ЦА-РЕ-ВИЧ здесь, и молчит анонимно. Прощу простить, что не признал сразу «вашсокбродь»! – отдал он воинское приветствие Ивану, вытянувшись в струнку.

– Так мы того, инкогнито, – поддержал начинания цыгана Василевс. – Сопровождаем Царевича в его секретно-государственной миссии. Не хотели раскрываться... только вам... в порядке исключительно-служебной необходимости. Но чтобы больше никому, ни-ни.

Колдун погрозил пальцем пограничнику.

– Рад стараться! – приложил и вторую руку к виску стражник, чувствуя подступивший к горлу комок инфаркта. – Мой рот как граница!

– В смысле?

– На замке!

– Да ладно тебе, служивый, – попытался Яшка расслабить взвинченного пограничника. – Не напрягайся. Мы просто пройдем туда, – показал Сероволк за кордон, – а ты за нами шлагбаум – чик! – закроешь, и служи себе дальше, никого опять не пускай туда. Может, по возвращении наш Царевич тебя к ордену с бантом «за заслуги», перед кем там у вас «первой степени» представит.

Иван, уже сообразивший смысл происходящего, чуть всё не испортил.

– Ну-ка хватит глумиться над служивым! – напустился он на Сероволка с Премудрым. – Нашли над кем измываться! Какой я вам Царевич! Не слушай их, товарищ! Врут всё они!

– Есть! Так точно! Никак нет! Врут! – отрапортовал пограничник, пожирая глазами Царевича-«ЦАРЕВИЧА». – Разрешите идти на пост, ваше высоченство?!

– Иди уж! – вздохнул Иван, поняв, что теперь служивого не переубедить: не понаслышке знал, ежели кому из вояк вбить в голову, будто перед ними высокопородное начальство, как самые бойкие из них в один момент превращались в тупоголовых зомби каких-то.

– И нам пора! – подхватили под руки Царевича богатыри-авантюристы, пока тот ещё чего не выкинул, и потащили его мимо открытого стражем шлагбаума в спящее королевство.

– Только не забудьте, ваше высоченство! – крикнул удаляющимся богатырям пограничник. – Первый поцелуй в губы – и никак иначе! А ежели иначе – каюк!

Сероволк помахал ему на прощанье рукой, и троица растворилась в зарослях дороги, словно и не было никого.

Спустя несколько напряжённых минут страж границы, наконец, опустил начавшую затекать руку от стального головного убора и, закрыв шлагбаум на замок, размашисто замаршировал вдоль поста.

***

А пока наши герои продираются через запущенную территорию заграничного королевства, поступило предложение смотаться методом телепортации к царскому дворцу, ибо там назревает из левого ряда вон что-то интересное. Сконцентрировались, и если все готовы: и р-р-раз, и два-а-а, и тр-р-рии!

Вуаля! Мы уже в гуще дворцовых интриг и событий.

Итак, смотрим, что здесь новенького.

***

– Государь-батюшка! Царь Владибор Ильич! – без стука забежал в палаты царские боярин Годунович, с недавних пор назначенный доверенным лицом самодержца и советником по особо непонятным вопросам. – Беда, государь! Беда! Не вели казнить!

Дремавший в послеобеденной тиши богатых покоев царь Владибор

нервно протяжно зевнул (Годунович по дворцовому этикету прикрыл глаза рукой – не царю же ладонью рот самодержавный прикрывать от глаз подчинённого личного состава) и ободряюще, мол, валяй, порть царю настроение, кивнул боярину.

– Там эта, Баба-Ягодка к нам, царь-батюшка, пожаловала! – отвесил поклон Годунович. – На тройке запряжённых медведей приколесила!

– Действительно беда, – усмехнулся царь. – Безвредная ведьма во дворец пожаловала на медведях! А то что у меня под носом половина штата сотрудников упыри-кровососы ошиваются – тебя не смущает?! Вторая треть – дурак на дураке дураком погоняет, это, по-твоему, норма?! А третья четверть – оборотни в эполетах – вообще прелесть, да?! А ты тут на Ягодку наговариваешь, бедой её обзываешь. Она как раз-таки ещё полбеды, причём меньшая часть.

– Ой, не о том я ропщу, государь, что ведьма к нам пожаловала, – согнулся в реверансе боярин. – А о том, что катастрофические обознатушки вышли у нас.

– Куда вышли?

– Не куда, а «с кем!» – схватился за голову Годунович. – Мы не тех приняли за этих, кем они себя не выдавали!

– Обожди момент! – приказал царь, пытаясь осмыслить смысл произнесённой боярином бессмыслицы, но у него ничего не получилось. – Теперь повтори, что сейчас сказал, только подбери-ка, мил человек, другие слова, вразумительные!

Боярин почесал затылок.

– В общем, так! Те самозванцы, которых вы по доброте своей душевной огульно назначили своим указом богатырями, оказались самозванцами! – отрапортовал боярин, абсолютно случайно запамятовав, что это была исключительно его креативная идея.

Хорошо, картина уже проясняется, подумал государь.

– Ты каких самозванцев имеешь в виду? Которые под видом лекарей нашему народу пытались заряженную воду втюхать, или которые, прикинувшись египетскими архитекторами долгостроек, якобы случайно спутали свои пирамиды с финансовыми? Этих-то мы уже давно из богатырей и графьёв разжаловали, а кое-кого и вовсе из пирамид в зарешечённые кубы «перезарядили».

Годунович набрал в лёгкие воздуха.

– Государь-батюшка, ой не вели казнить, вели ещё слово молвить! – самоотверженно ударил челом о свои колени боярин. – Ту троицу, которую в «Черноборье» арестовали при попытке переворота кареты, вы (!) ошибочно приняли за посланцев ведьмы и, потакая их преступному умыслу, помиловали, наделили оное трио полномочиями богатырскими, снабдили финансами и отпустили восвояси этих шарлатанов. Теперича они с полномочиями и на свободе много негативного шума натворить могут! – на одном дыхании выпалил Годунович и преданно уставился на государя.

– Откуда сия нелепотная информация? – грозовой тучей помрачнел царь-батюшка.

– Так Ягодка приехала не одна, а с настоящим богатырём, иноземным королевичем Полисеем, киллером-следопытом, коего она «откопала»

для поисков царицы-матушки. Про предыдущую же партию «богатырей» безбожится, что ни сном ни духом.

– Дела-а! – протянул Владибор. – Чего стоишь? Зови ведьму и богатыря следопытствующего пред очи мои. Очную ставку устроим.

По указу боярина дворцовый конвой срочно доставил ведьму с посетителем прямо в покои царские. Узрев царя в халате, тапочках с плюшевыми двухговыми медведями и в короне, стоявшего напротив окна, ведьма сделала неуклюжий реверанс и застыла в полусогнутой позе.

– Здравствуй, Ягодка! – сурово посмотрел на ведьму государь. – Так ты говоришь, что отношения не имеешь к тем трём?

– Нет, царь-батюшка, не имею.

– А не знаком ли тебе кудесник Василевс Премудрый?

– Как не знаком, он родня мне кузиновая, – ответила ведьма, и внутри у неё всё оборвалось и похолодело.

– Так он в этой группе мошенников зачинщиком числится. И ещё при допросе заявил, что с тобой в родственных связях состоит. Это-то наш суд высшей инстанции сбило с панталыку и, как следствие, следствие по этому делу зашло в коварный тупик, – собрал брови на переносице государь Владибор. – Поверил я им, отпустил восвояси, да ещё и документы им на руки выдал: ксивы служебные и пачпорта заграничные. Что на это скажешь?

– Уф-уф-уф, царь-батюшка! – запричитала ведьма. – Не виноватая я, они, видать, сами пришли. А ежели и Василевс с ними околачивался, то всё – пиши пропало. Он сумбурный на всю голову – как колдовать примется, то так что-нибудь наколдует, что потом ещё сотня магов свои головы ломают, что да как оно так незаурядно вышло. Однако, – подкралась колдунья к царю всё в том же согбенном положении, – я к тебе с хорошей новостью пожаловала. Вот! – указала она на скромно стоявшего у дверей широкоплечего верзилу в иноземном хромированном бронежилете под названием кираса, на которой готическим шрифтом было выгравировано: «Убил дракона – сохранил деревню». – Знакомьтесь, государь! Частный сыщик-следопыт, королевич Полисей. Он за умеренную плату согласился царицу отыскать и вернуть в пункт постоянной дислокации.

Королевич картинно приложил два пальца к виску, приветствуя залюбовавшегося им Владибора.

– За дополнительную мзду он вам и эту троицу мошенников отыщет, – шепнула ведьма государю. Тот расплылся в златозубой улыбке.

– Весьма кстати! – подошёл царь поздороваться к следопыту. – Очень приятно, знаете ли! Царь! Очень приятно! Самодержец державы, скипетра и короны государственной! Для вас же просто Владибор Ильич!

– Королевич Полисей! – пожимая руку царю, лёгким кивком головы представился сыщик. – Прямой потомок легендарных сэра Гутля и герцога Яндеха фон Рамблера, по материнской линии. Девиз нашего древнего рода: «Искать! Выследить! Найти! Одолеть! Вернуть! Спасти». Кого закажете – поищем, выследим и одолеем, кого надо – найдём, спасём и вернём. Результат гарантирован!

От слов королевича у царя на глаза навернулась скупая мужская слеза радости – вот же он, вот тот самый богатырь, который ему нужен: силен,

смышлён, адекватен и, что немаловажно, готов прямо сейчас приступить к выполнению задания.

– Молодой человек, позвольте спросить, а какой метод вы используете в своей профессиональной деятельности? – вмешался в беседу Годунович, которого всегда интересовали всякие, никому не важные дотошные мелочи. – Я слышал, нынче широко применяется дедуктивный.

Государь недовольно посмотрел на зануду-боярина: какая тому разница, какой метод, главное ведь чтобы был «гарантированный результат» на выходе. Ещё обидится королевич и передумает помогать, или, того хуже, дополнительную цену заломит за «информационный ликбез». Но Полисей, доброжелательно улыбнувшись вопросу Годуновича, спокойно ответил буквально следующее:

– В нашем деле дедуктивный метод уже давно не используется, так как он деструктивный. В просвещённой высококультур-мультикультурной Евландии мы давно работаем методом тотального опроса свидетелей и очевидцев, а также пользуемся информацией от случайных прохожих и нештатных агентов. Данный метод несколько утомительнее, но, как показывает статистика раскрываемости, срабатывает на все сто процентов.

Годунович остался доволен ответом следопыта, а государь промокнул глаза платком и с любовью посмотрел на Полисея.

– Дорогой ты наш богатырь! Ежели ты вернёшь мне царицу-матушку, да ещё и тройку шарлатанов обезвредишь, я и тебя озолочу, и тебя, Ягодка, – мельком глянул на суетившуюся под ногами ведьму, – э-э, осеребрячу. Спаси, богатырь, царицу, мать нашу!

– О'кей! Я найду вашу «королицу» и принесу вам головы мошенников, сир! – самоуверенно произнёс королевич.

– Ну зачем же быть таким кровожадным, – пожурил почти по-отечески царь Полисея. – Да и утомительно эту тяжесть переть назад. Всю голову тащить не надо. В качестве вещдока хватит и их ушей или носов, или языков, не важно.

– Что же! Я готов отправиться в путь! – щёлкнул шпорами королевич и собрался уже напялить на голову шлем с массивными стальными рогами.

– Как, и не отобедаешь с нами? – с ещё большим уважением посмотрел государь на Полисея (вот это богатырь так богатырь, не то что некоторые). – И даже чарки не пригубишь на посошок?

– Никак нет! – твёрдо ответил следопыт, только слегка покосившись на внесённые в опочивальню подносы с аппетитными закусками и напитками. – Трезвый ум, пустой желудок, холодный череп, горячее сердце и чуткий нюх – залог моего неизменного успеха!

От этих слов царь уже не смог сдержать эмоций, обнял королевича по-отечески, сморкнулся тому в кирасу нечаянно и самолично выпроводил из дворца сугубо положительного героя в «путь-дорожку фронттовую», ибо почувствовал: ещё немного – и усыновит королевича, так он ему пришёлся по душе. А как сына, пускай и приёмного, в армию, а тем более в заведомо опасную экспедицию отряжать? У королей, царей и их прихвостней это дурным тоном считается.

Королевич Полисей, выехав из града царского, выставил смоченный указательный палец по ветру и, выяснив таким образом положение розы

ветров на ближайшие сутки, поскакал, как ему показалось по ряду косвенных признаков, напрямик по следу великолепной троицы, справедливо предполагая, что последние выведут его и на главного фигуранта этого дела – «королицу» Надежду.

Так на шахматной доске нашей истории добавилась ещё одна, точнее две фигуры, если считать Искалибура, боевого коня королевича, которого в опочивальню к царю не пустили. (Да знаю я, знаю, что это не конское имя. Обычно короли так свои любимые мечи, нунчаки или алебарды нарекают. Но королевич Полисей, большой оригинал, всегда поступал нешаблонно. Он и меч свой то ли Бацифалом, то ли Банифацем нарёк. А что вы хотите – он хозяин, ему видней).

***

Наши богатыри, не зная об этой неприятности, продолжали упорно продираться по зарослям спящего королевства. Ага! И пока государь с Годуновичем и ведьмой обмывали отправку нового героя вслед за старыми, Василевс, Иван и Яков добрались до заросшего терновником, плющом, папоротником и другими сорняками королевского замка.

– Вы только поглядите, какую хибару отгрохали! – задрал голову Сероволк, считая количество этажей. – Десять и ещё почти половина!

– Пятнадцать! – уточнил Царевич. – Яков, ты что, считать не умеешь?

– Умею, только в строчку, а в столбик, тем более снизу вверх, в первый раз, – ответил цыган. – Но всё равно пятнадцать в высоту – это очень много.

– Ерунда какая! – махнул рукой Василевс. – Обычный пятнадцатировневый замок. Я в своё время с группой коллег по цеху в строительстве Вавилохинского небоскрёба участие принимал. Вот там да, был размах! У нас только фундамент высотой с этот замок был.

– Так он, кажется, и года не простоял, рухнул, – напомнил колдуну незавидную судьбу гигантской башни-мегалита Царевич.

– Досадная ошибка в расчётах, – буркнул колдун (блин, и зачем вспомнил про тот случай, у их магической бригады за просчёты в тот злополучный раз все лицензии отобрали). – Ой, что старое поминать. Пошли дальше.

Колдун развернулся спиной к замку, собираясь продолжить путь. Царевич последовал его примеру.

– Обождите, мужики! – воскликнул Сероволк. – И что мы вот так просто пройдем мимо замка и даже не заглянем внутрь?! Это же просто глупо! Там, возможно, полно всякого до... до... достопримечательностей! – выговорил цыган, увидев как осуждающе посмотрели на него спутники. Как на мародёра посмотрели.

– Чего мы там не видели?! – неодобрительно покачал головой колдун. – Хозяевам в отключке латаргической ещё лет сто чалиться, а мы без приглашения по их крепости шастать будем. Это не дело.

– Да, пойдёмте дальше, – согласился Иван с Василевсом.

– Вот вы как?! – насунился цыган, не двигаясь с места. – Ты, Премудрый, избородил мир вдоль и поперёк, где только не был, чего только не видел. Ты, Царевич, тоже попутешествовал, дай боже, своим «каретостопом». А у меня только и были «путешествия» по чертогам отечественным и острогам строгого режима. До нашей встречи с царём я вообще

под подпиской о невыезде находился. В кои-то веки появилась возможность побывать в заграникомандировке, познакомиться с культурным наследием наших добрых соседей, а вы сразу ярлык мародёра навешать готовы. Конечно, чего ещё от цыгана ожидать, который и считать столбиком не умеет.

Расстроенный Сероволк отвернулся от растроганных его речью спутников и украдкой оглядел замок, гадая, где там казна королевская припрятана.

– Хорошо, хорошо, Яша, не расстраивайся, – переглянувшись с колдуном, пошёл навстречу пожеланиям цыгана Иван. – Давай по-быстрому зайдём, посмотрим на замок. Только обещай ничего не трогать.

– Да, нам твоей «покупки» коней хватило, – добавил Василевс. – И смотрите оба там, не уколитесь фигнёй какой-нибудь.

– Я буду сама осмотрительность, – обрадованный цыган потёр руки в предвкушении «культпохода» в неохраямый замок. – Посмотрим одним глазком и дальше, в путь.

Богатыри, с Василевсом во главе, аккуратно, чтобы не зацепиться, пролезли гуськом сквозь заросли и, войдя через распахнутые настежь ворота в замок, начали ознакомительную экскурсию по проклятому месту.

Взвалив на себя нелёгкую ношу экскурсоводного гида, перед началом осмотра замка колдун подвёл своих спутников к застывшим около ворот изваяниям стражников, больше смахивавших на восковые куклы мадам Тюссо. Проверив пульс, он постучал своей тростью по голове одного из стражников. В ответ раздался глухой звук.

– Видите? Как я и предполагал, это поветрие, называемое «проклятьем Горгоны», поразило всё королевство, и симптомы магической инфекции, как видите, в буквальном смысле, налицо, – попытался Василевс пояснить товарищам всю серьёзность ситуации. – Все заражённые, покрыты коркой особой протоглины, которая, выделившись из тел, замедлила все их жизненные процессы, введя в магический анабиоз.

– Ух, ты! – постучал по твёрдой щеке «изваяния» Сероволк. – А глина откуда?

– Каждый человек на семьдесят пять-восемьдесят процентов состоит из воды, плюс пять-десять процентов минералов и других химических элементов, а оставшаяся часть нашей физической оболочки приходится на эту самую протоглину, – припомнил курс лекций магической анатомии Премудрый. – Специальным образом наложенное проклятие при срабатывании включает особые механизмы стопорения функций организма, свёртывая и выводя на поверхность тела эту божественную субстанцию. И получается вот такая симпатичная статуя. Поэтому я ещё раз напоминаю вам, господа-товарищи, во избежание эксцессов ни к чему в замке не прикасаться. А теперь следуйте точно за мной.

Василевс, раздвинув магической тростью терновые кусты, закрывавшие вход непосредственно в здание замка, сделал проход для себя и товарищей. Обождав, когда Иван с Яковом преодолеют опасный участок, Премудрый опрометчиво шагнул вслед за ними и скрылся в неудобной полутьме здания. Шипованные ветви терновника вздрогнули, словно отошли от магической дрёмы, и, сомкнувшись за колдуном, ошетинились шипами во все стороны, а в густом, как кисель, воздухе проклятого замка еле

уловимо запахло какой-то безысходной неизбежностью.

– Чем это воняет? – первым почувствовал странный запах чуткий нюх цыгана.

– Это запах вечности! – пафосно проговорил Василевс, и его голос эхо разнесло по этажам сонного замка.

– Согласен! – высказался и Царевич. – Давно здесь не проветривали.

– Есть предложение организовать сквозняк! – морща нос, предложил Сероволк.

– Может, действительно «нарисуем сквозняк», пока не поздно, – высказался Василевс. – У меня предчувствие нехорошее.

– Не дрейфь, Премудрый! Всё под контролем! Моя волчья интуиция шепчет, что всё будет нормально, – беспечно бросил цыган и первым вошёл в бальный зал замка.

– Я тоже ничего дурного покуда не чую, – не так беспечно как Яков, но тоже без внутреннего напряжения сказал Царевич и зашёл в зал следом за Сероволком.

– Вот это-то меня и пугает, – проворчал себе под нос колдун и поплёлся за товарищами.

Бальный зал, или как называют в просвещённой Евландии, «танц-пол» был полон парных человеческих «статуй», склонённых в игривом реверансе навстречу друг дружке. Позы застывших в танце людей свидетельствовали о том, что «проклятье Горгоны» сработало в самый разгар королевской вечеринки, организованной по случаю восемнадцатилетия его дочери. Судя по наклону корпусов кавалеров и элегантно отведённых ручек фрейлин и других придворных мадмуазелей, принимавших участие в танце, можно было предположить, что магический катаклизм случился либо во время второй части марлезонского балета, либо в первой четверти двенадцатого. К такому выводу, по крайней мере, пришёл Премудрый, и лучше нам не вдаваться в подробности его логических умозаключений. Пришёл, ну и ладно. Давайте лучше посмотрим, куда запропастился Серо...

– Ух, ё-моё, какая фиговина! – лёгок на помине, напомнил цыган, хлопотавший вокруг трона с застывшим в величественной позе королём, о своей скромной персоне. – У короля палка с драгоценными камнями и шар в оправе из белого золота, почти как у нашего государя!

– Это скипетр и держава, отличительные знаки верховного главнокомандующего, то есть короля, – попытался блеснуть имеющимся, ещё довольно лёгким багажом знаний, Иван Царевич.

– Отчасти ты прав, – поправил его Василевс, тоже подойдя к трону. – Однако в культур-мультикультурной Евландии скипетр у королей, канцлеров и кайзеров принято называть «стимулом». У них ослов при дворе не меньше, чем у нас, только они лучше маскируются. А «державу» здесь величают «фабержава».

– Если ты такой умный, тогда, может, ответишь, в чём вообще прикол у царей с этими стимулами-скипетрами да державами-фабержавами на банкетах тусоваться? – спросил Иван, поглаживая драгоценную реликвию-стимул. – Что им короны мало, что ли?

Премудрый снисходительно улыбнулся.

– Не скажи, не скажи, Ваня. Корона – это венец монарха, а скипетр и

держава – в данном случае «стимул» и «фабержава», это не что иное, как фаллические символы, показывающие, кто в том или ином «курытнике» «папа».

– Тьфу ты! – отдернул руку от «символа» Царевич. – Придумали тоже. Выходит, и у нашего царя в руках такие же символы?

– Нет, наш государь не такой извращенец. Его «ветви власти» официально символизируют, соответственно, кнут и пончик, то бишь пряник.

– И то верно!

– Ну всё! – постучал по полу тростью Василевс. – Посмотрели, пора и честь знать. Пошли отсюда!

Цыган, пожиравший глазами инкрустированные драгоценностями «символь» короля, но не решавшийся присвоить на глазах у «правильных» коллег-богатырей, сник было, но тут ему на помощь, неожиданно-негладанно, да к тому же ненароком, пришёл Царевич.

– погоди, Василевс! – остановил Иван колдуна. – Давай хоть на принцессу одним глазком посмотрим. Что она из себя представляет и как её, бедную, угораздило так всё королевство подставить.

– Точно! – подхватил предложение цыган (вот подфартило!). – Что-то её рядом с папашей не видно. Давайте найдём её, посмотрим, что она из себя представляет и как её угораздило.

– Уговорили! – кивнул Премудрый. – Давайте поднимемся наверх. Возможно, она в своей опочивальне. Если всё произошло во время второй части марлезонского балета, а по дворцовому этикету он исполняется в первой четверти двенадцатого, то девушка строгих нравов должна была быть уже давно в постели, кушать перед сном яблоко.

– И это верный ответ! – согласился с версией колдуна Сероволк, хотя, по-честному, она показалась ему чрезвычайно сомнительной. А-а, и пусть, главное, чтобы коллеги оставили его на пару минут в невыносимо скорбном одиночестве. – Вы давайте-ка, сходите, посмотрите на девушку, а я здесь покараулю. Наверх не пойду.

– Чего так?

– У меня обоняние очень тонкое, как у парфюмера, – ответил Яша. – А сверху прёт чем-то ну совсем нестерпимым, как от роты ратников на маршброске. Боюсь нюх потерять.

Конечно же, Сероволк немного юлил, добиваясь аудиенции с застывшим королём, но с верхних этажей, в самом деле, несло отнюдь не флягцузскими духами.

– Ой, смотри, волчара! – попенял ему Василевс. – Остаёшься здесь за главного. Только ничего не набаламуть, пока мы на смотрины невесты Царевичевой ходим.

Сероволк, поняв шутку (благодаря Ивану же их сюда пропустили), весело хрюкнул, а герой шутки смущённо покраснел.

– Скажешь тоже. Из меня королевич – как из гоблина академик гуманитарных наук, – отмахнулся Иван и, вытащив на всякие пожарные серп, пошёл по винтовой лестнице на верхние этажи.

– Что правда, то правда, – «поддержал» сравнение Царевича колдун не в его пользу и последовал за ним.

Оставшийся наедине с королевской «статуей» цыган алчно потёр руки и, поплевав на них же, ухватился за скипетр-стимул...

Василевс, едва поспевавший за Царевичем, посоветовал начать осмотр королевских покоев сразу с верхних этажей. Зная нравы местных кавалеров, он предположил, что девичьи комнаты должны были быть устроены как можно выше, чтобы эти лихие «робингуды» (в переводе с местного диалекта – добрые молодцы), готовые в порыве страсти попытаться совершить попытку проникновения в дамские покои, взобравшись по стене замка, немного отрезвлялись при виде высоты вождельного окошка. Хронология подобных походов хранила в людской памяти не одного легендарного «проникателя» в высокопоставленные будуары. Можно даже сказать, что это было негласным видом спорта у местного мужского населения, пускай таким же дурацким, как кёрлинг, сквош или крикет, и пусть зачастую «высокопосаженные» болельщицы подыгрывали «альпинистам», помогая им верёвочными лестницами, связанными простынями или, что совсем уж банально, своими заплетёнными косами, сводя на нет все потуги выявить лучшего среди «робингов», но для погрязшей в ханжеском каноноблюдении Евландии куртуазное верхолазание являлось свежим глотком вольномыслия и не одним глотком, и не только «мыслия». Вообще, если говорить про этот период истории, то надо сразу вспомнить про тайный орден скопцов-иезуверов. Этот орден, третировавший многие королевства Евландии, насаждавший своими иезуверо-инквизибельными методами слепое поклонение своим кардиганам, довольно успешно превращал народы просвещённых государств в стада запуганных ослов, экскьюз ми, овец. Если бы не этот медальон, извините, орден, то всё могло быть совершенно...

Пардон, господа! Пока я отвлекал вас пустопорожней болтовнёй, колдун с Иваном, уже почти выбившиеся из сил (в таких высотках надо лифты устанавливать! – прим. В.Премудрого), ступили на верхний уровень замка и (о, удача!) в первой же приоткрытой двери обнаружили скромно развалившуюся на кровати с балдахинном принцессу. Правда, их покорило наличие в опочивальне большого количества мужских «статуй», лежавших, чуть ли не штабелями, вокруг девичьей постели.

Но Василевс Премудрый не зря был «премудрым» колдуном и знахарем. Проведя беглый осмотр помещения и его содержимого, он пришёл к выводу, что все мужчины оказались здесь гораздо позднее рокового происшествия. Наличие корон и царско-княжеских знаков на доспехах вломившихся в девичью опочивальню джентльменов свидетельствовало о высокопородной родословной этих несчастных. По всему выходило, что все мужики в помещении являлись либо княжичами, либо царевичами, либо султановичами, короче, королевскими особами, точнее – особями. Гадать, зачем они сюда забрались, необходимости не было. Даже в волшебном состоянии принцесса Злата-Власта была ослепительно красива. Про таких говорят: ни в сказке сказать, ни пером описать. Вот и мы не будем описывать. Красотка – и всё на этом. Вот только непонятно, почему многочисленные царские поцелуи не только не разбудили её, а и погрузили в такую же беспробудную кому и претендентов.

– Странно, согласись? – сказал Василевс, ломая голову над загадкой этого проклятья.

– Согласен, – подтвердил Иван. – Ежели королевичи облажались, то нам, пролетариату безродному, тут и вовсе делать нечего. А жаль, уж до

чего красива девица, э-эх! – махнул безнадежно рукой. – Айда вниз, Премудрый, пока там Сероволк ничего не начудил.

Зря он наговаривал на цыгана. Яша уже ничего там не чудил, а мчался наверх к ним, с одной-единственной мыслью.

– Мужики, атас! – ворвался он в опочивальню с отобранным у короля «стимулом» в одной руке и ножом в другой. – Я задницу укол! –

У колдуна мурашки по спине побежали.

– Что ты сказал? – побледнев, спросил он у Сероволка.

– Вася, я случайно! Он держит, не пускает! Я на себя! Он держит, словно соображает! Я ногой упёрся! Он всё равно! Разозлил меня! – почёсываясь и икая, залопотал Сероволк. – Вася, придумай что-нибудь! У меня всё немеет! Ты же Премудрый! А-а-а!

– Хватит причитать! – закричал Премудрый, предотвращая панику в рядах цыгана. – Расскажи по порядку, как тебя угораздило?!

– Я нечаянно! – сразу оговорился цыган, зная, что «всё сказанное вами, на суде может обернуться против вас», и коротко обрисовал обстановку.

Из его сбивчивого рассказа Василевс и Иван выяснили, что цыган сугубо из любви к культурному наследию человечества попытался рассмотреть произведение искусства в лице королевского «стимула» поближе и попытался вытащить его из руки короля. Но у него ничего не вышло из этой затеи. Тогда он упёрся ногой в королевскую грудь, немного разжал ножом скрюченные в долгосрочной судороге пальцы венценосца и вырвал-таки скипетр из его цепких лап, но при этом не удержался и, слетев с трона вниз, наткнулся задом на шпагу одного из замерших в танце кавалеров. У цыгана от укола сразу началось везде чесаться и неметь. И вот он примчался к друзьям за помощью, потому что...

– Я хочу жить!!! – заорал Сероволк, чувствуя, что ягодицы и ноги его полностью затвердели, покрывшись коркой протоглины, и глина продолжала выступать всё выше и выше на его теле, медленно превращая его в статую. – Спасите меня, братцы! Ваня, целуй принцессу! Ведь ты Царевич, твою щуку! Василевс, скажи ему!

– Не вздумай, Иван! – наказал ему Василевс. – Если королевичей так накрыло, то неизвестно какие последствия могут оказаться после твоего рабоче-крестьянского поцелуя. Среди нас истинных царевичей нет, значит, не стоит и пыряться.

Иван, внимая словам Премудрого, с чувством глубокого извинения посмотрел на причитающего Сероволка и сделал шаг в сторону от спящей красавицы. К этому времени тело цыгана уже затвердело от ног до пояса и продолжало трансформироваться, подбираясь к его грудной клетке.

– Братцы! Вы что, так и оставите меня в обществе этих неудачников?! – окончательно расстроившись, спросил у «братцев» Яшка.

Василевс скорбно вздохнул и попытался хоть как-то приободрить цыгана.

– «Проклятье Горгоны» очень сильное заклинание, и моих знаний недостаточно для того, чтобы попытаться расколдовать тебя. Но ты не расстраивайся, Яша, – подошёл и похлопал по плечу его Василевс. – Давай взглянем на эту ситуацию с другой стороны. Сейчас ты уснёшь на пару-тройку десятилетий. И этот сон пролетит для тебя, как и для всех их, – обвёл он рукой застывших в комнате людей, – словно краткий миг для

седых пирамид. Рано или поздно найдётся истинный принц, который всех вас расколдует. Зато, сам подумай, мы к тому времени уже состаримся, заболеем и, возможно, присоединимся к большинству. Ты же, молодой и здоровый, продолжишь жить дальше, как ни в чём не бывало. Посмотришь на мир в светлом будущем, ведь твои прежние «подвиги» за сроком давности закроют и сплавят в архив. Так что не паникуй, лучше соберись с мыслями и прими свою долю как должное.

Мрачный, как туча, Сероволк (кстати, уже затвердевший почти по груди), выслушав колдуна, расправил морщины на лбу и даже попытался напялить на лицо некоторое подобие улыбки.

– Наверное, ты прав, – почти спокойным голосом сказал цыган Василевсу. – Это ведь ещё не смерть, чего я так нервничаю. Спасибо, ты действительно успокоил меня, многоуважаемый Василевс Премудрый, мой названный брат и соратник.

– Да ладно тебе, – смущённо потупился колдун.

– Дай я тебя обниму на прощанье, пока окончательно не застыл! – раскрыл свои объятия Сероволк. – Единственное, о чём я буду переживать, когда очнусь через сотню лет, что рядом нет такого мудрого психоаналитика, как ты.

Премудрый, шмыгнув носом, шагнул навстречу цыгану, обнял того, уткнулся лицом в затвердевающую грудь и... почувствовал лёгкий укол цыганского ножичка в ягодицу.

– Поэтому в светлом будущем мы очнёмся вместе, братан, – коварно прошептал на ухо Василевсу цыган и расплылся в довольной улыбке. – Ну как самочувствие?

Уколотый колдун отпрыгнул прочь от Сероволка, но было уже поздно. Буквально на глазах у немногочисленных свидетелей он тоже стал стремительно превращаться в «статую». Магический недуг от места укола сразу перекинулся на ноги.

– Ты что натворил, паскуда! – закричал он на мрачно улыбавшегося Якова. – За что ты меня так?!

– А чтобы не умничал, интеллигентшишка вшивый, – оскалил зубы цыган. – Нашёлся тут лекарь душ человеческих. Теперь посмотрим, как ты останешься спокоен в такой «ситуации». Давай, Ваня, и с тобой на прощанье обнимемся по-братски!

– Спасибо, я как-нибудь без этих формальностей, – замотал головой Царевич и перевёл взгляд на колдуна.

А на Василевса страшно было смотреть. Поняв, что теперь и его настигла участь трансформироваться в статую на долгие годы, того словно подменили. Всю интеллигентность из него выдуло, словно, извиняюсь за каламбур, воздух из проколотого шарика.

– Ты, ворюга конокрадская! – начал он на чём свет стоит ругать криво ухмылявшегося Яшку. – Ты не Сероволк, нет, ты самая настоящая Челобака!

– Пляньте, люди добрые, из нашего образованного интеллигенция так и прёт! – соорил саркастическую гримасу цыган.

– Рядом с тобой любой, как и ты, быдлом станет!

– Я вас умоляю, – абсолютно не обиделся Яков нелюбезным речам Премудрого. – Вы, уважаемый кандидат магических наук, всего-на-всего раскрыли своё истинное лицо, а быдлом вы были всегда.

– Оборотень! – «обозвал» колдун цыгана.

– Бакалавр! – не остался тот в долгу, думая, что это какое-то заковыристое ругательство.

– Дикарь!

– Лаборант!

– Маугли! – начал маг обзывать на языке древних знахарей. – Йог твою ногу за голову!

– Ты поаккуратней на поворотах, член-корреспондент, – впервые за всё время ссоры оскорбился Сероволк. – А то я тебе глотку-то перегрызу при первой возможности!

Василевс пропустил угрозу мимо ушей. Подобрал методом проб и ошибок неприятное цыгану ругательное слово, он уже целенаправленно начал того «дозолять».

– Маугли! Маугли! Фигли-мигли-Маугли!

– Если я Маугли, – нашёлся Яков, – то ты самый настоящий бандерлог! – тоже знал он кое-какие бранные словечки из древнезнахарского.

– Кто бандерлог? Я бандерлог? – пришла очередь возмутиться алхимику. – Ну, знаете ли, это уже переходит все рамки. Меня, заслуженного астролога, криптолога, магиобиолога обозвать бандерлогом?! Это, однозначно, дуэль!

– Дулю тебе, а не дуэль! – ткнул кукиш в сторону колдуна Сероволк. – Не будешь меня «мауглем» обзывать. Как будто я не знаю, что оно переводится как лягушонок.

– Не хочешь, чтоб тебя обзывали лягушонком, тогда я тебя превращу в него. Верно! Я превращу тебя в лягушку, то есть в жабу, точнее – в статую жабы! – с ненавистью взирая на цыгана, крикнул Василевс и, направив на того набалдашник волшебной трости, проревел глубоким басом заклинание: – Жаб-Тяп-Ляп!

Из прозрачного шара, венчающего трость, вырвался луч зелёного света прямо в грудь застывшего уже по горло Сероволка и, отрикошетив от более сильного «проклятья Горгонь», случайно попал в Ивана, всё это время внимательно и беспристрастно наблюдавшего за насыщенным диалогом спутников. В тот же миг Царевич перевернулся в воздухе, словно заправский гимнаст, и превратился в человекообразную жабу. Отражённое заклинание сработало всего лишь на пятьдесят процентов, но и этого хватило: тело у Ивана осталось человечесьё, а вот голова целиком и полностью жабья, ну и ещё перепонки на позеленевших руках добавились, а, да, и прыщи с бородавками густо выступили по всему телу.

– Болван, всё у тебя тяп-ляп! – успел крикнуть Сероволк колдуну на прощание и застыл ещё одной статуей с ножом и «стимулом» в разведённых в стороны руках.

– Ой, Ваня, я нечаянно! – чуть не присел, если бы ноги повиновались, от увиденного результата своего колдовства Премудрый. – Сейчас я всё исправлю! – навёл он трость теперь уже сразу на Ивана и крикнул возвращающее облик заклинание: – Челл-Пэлл-Мэлл!

Из волшебного шара в Ивана вонзился красный луч. Царевича подбросило, перевернуло и шмякнуло на пол. Иван поднялся на ноги и, осмотрев себя, убедился, что второе заклинание тоже не прошло даром – теперь на его лысой жабьей голове распустился шикарный веер из павлиньих

перьев, смахивавший на оригинальный кокошник. Если бы его сейчас увидел Сероволк, то он обязательно сформулировал нынешний внешний вид Царевича как «Чудо в перьях».

– Василевс, хватит на мне экспериментировать! – обладавший завидной выдержкой, попросил его Царевич. – Просто верни мне человеческий облик, пока сам окончательно не застыл.

– Ёлки-мotalки, я не помню как! – с дрожью в голосе ответил Василевс. – Тайные знания у нас, у посвящённых, хранятся в спинном мозгу, а он у меня уже, видимо, того, затвердел. Прости меня, Царевич! Прости и прощай!

– Эй, так не пойдёт! – пошатнулось самообладание и у Ивана. – Вы, значит, засыпаете во всей своей красе, а я такой вот жабой теперь должен прятаться в таёжных дебрях, пока меня какой-нибудь охотник на экзотических мутантов не пристрелит, чтобы повесить мою обезображенную башку над своим камином?! Нет уж, напрягай остатки своих мозгов, вспоминай антибиотик магический!

Василевс, у которого в распоряжении осталась одна голова, повертел ею по сторонам, стараясь растрясти застывающие извилины, и остановил взгляд на спящей красавице.

– Вспомнил! Вспомнил! – обрадованно воскликнул колдун. – Одной моей знакомой царевне, в лягушку заколдованной, поцелуй помог расколдоваться!

– И в чём, собственно, радость?

– Как ты не поймёшь, «Жабан-Царевич»! – истерически захохотал Василевс своей идиотской шутке. – Тебе всего-то надо найти нормальную царевну и уговорить её на один поцелуйчик. Язык у тебя подвешен, мама не горюй, что даже с такой мордой, я думаю, ты справишься. Извини ещё раз за промах, точнее, за попадание и... прощай!

На этом слове Василевс Премудрый целиком и полностью застыл рядом со «статуей» Сероволка. Иван же, оставшись в полном одиночестве, сел на край кровати и мужественно зарыдал обидно-горькими слезами. Легко сказать «найди нормальную царевну». С таким чудовищем, каким он стал, ни одна даже умалишённая, а тем паче, нормальная царевна, и разговаривать не захочет, сразу живодёров вызовет. Если только подпоить её хорошенько или как-нибудь иначе затуманить сознание, или во сне к ней подкрасться. Стоп! Иван прекратил рыдательное раздумье и, уставившись на спящую принцессу, погрузился в обычное раздумье.

А что, если... Да нет, она сама под жёстким проклятьем, ещё и её в жабу своим поцелуем перевоплощу. Или попробовать? Хуже уже не будет. А если? Блин, возможно! А может? Да нет, какой там. Или всё-таки? Всяко ведь статья может.

Короче говоря, Иван-Жабан-Царевич думал-думал и принял решение рискнуть и поцеловать заколдованную красавицу. Чем, как говорится, феи не шутят. Авось повезёт!

***

Королевич Полисей преодолел последний ярус на скале и подал руку своему коню. Искалибур, то и дело со страхом поглядывая вниз, протянул копыто хозяину. Ухватившись за лошадиную ногу, королевич немного

поднатужился и помог коню взобраться наверх. Следопыт и его конь оказались на крутой скале, возвышавшейся над шумящей до самого горизонта тайгой, словно на необитаемом острове, посреди зелёного бушующего океана. При виде этой грандиозной картины точно такая же ассоциация пришла в голову не только Полисею, а и его немного подуставшему во время восхождения коню. Дело в том, что королевичу, не до конца представлявшему площадь территории тридевятого (но это только по уровню жизни, а по площади самого что ни на есть первого) царства, и совершенно отчётливо не знавшему о мизерной плотности населения, особенно в дремучей её части, не повезло вдвойне. С самого начала он выбрал не ту дорогу, а когда сообразил, что это «не та дорога», тут же понял, что заблудился. И тут только осознал, что его метод «тотального опроса» в этой глуши категорически бесполезен. Спросить хотя бы дорогу (про тройку мошенников-богатырей пока речь и не шла), и то не у кого было. На многие вёрсты в одну сторону и на многие мили в другую тянулась зелёная стена неприветливого рыцарю леса. Хотя нет, вру! Попадалась ему в начале пути парочка забытых богом и налоговой инспекцией государя хуторов. Однако пугливые их жители, увидев иностранного, как им по старой памяти казалось, интервента (у нас завсегда по одежке встречали, а королевич, на свою беду, в полном боевом), отработанным способом моментально всем селом уходили в партизаны, добавляя ко всему ещё дополнительные неудобства королевичу пуляньем в него из кустов пращами. Да! В одной деревне успел он поймать какого-то замешкавшегося старичка и, великодушно угостив того дорожным бренди из неприкосновенных запасов (знал, хитрюга, как расположить к себе аборигена), попросил показать дорогу к ближайшему городу. Дед тот, отведав ещё иноземного первача, крякнул весело и, сославшись на болезнь паралитическую, извинился, дескать, «ноги не ходят, а то бы ты и меня здесь не застукал». Но в обмен на фляжку с бренди пообещал королевичу нарисовать «наиточнейшую карту путей и коммуникаций, не сойти мне с этого места», что и было им сделано с дотошной скрупулёзностью. Обрадованный Полисей целый день шёл по аборигенской карте, выверяя все повороты с вежливокоролевской точностью до шага, пока, наконец, не забрёл в... трясину. Хорошо что Искалибур отказался дальше скакать с кочки на кочку. Иначе, видит Перун, не вернулся бы следопыт на твердь земную. После этого королевич уже и не огорчался особо отсутствию на пути диких аборигенов и их поселений ещё и потому, что огорчений и так было по горло.

За то время, пока Полисей странствовал в поисках выхода из создавшегося положения, он от безысходности (и чтобы не потерять навыки) пытался провести опрос деревьев, в частности, ясеня, тополя, осины и дуба. Но, как и следовало ожидать, деревья проявили солидарную с аборигенами линию поведения: яшень не ответил ему, качая головой (!), тополь забросал его осиновой (!) листвой, а дуб просто тупо молчал, как партизан на допросе. И вот сейчас, на вершине скалы, ему пришла идиотская, на первый взгляд, идея – опросить шелестевший в кронах этих диких деревьев этого дикого края ветер.

«Если и это не поможет, брошусь вместе с конём!» – отчаянно подумал королевич и набрал в лёгкие побольше воздуха.

– Ветер, ветер, ты силён! Ты срываешь листья с крон! – заголосил

королевич Полисей нараспев. – Где попало ты летаешь! Сто пудов – дорогу знаешь! Лишь одно хочу спросить: как от леса «откосить»?

Королевич замолчал и прислушался к свисту ветра: насвистит что-нибудь или опять «порожняк»?

– Вах, какой кароша песня! Я утронут, сердца тресни! – разобрал королевич в тугих порывах не менее странный ответ. – Слюхэй, голова с рогами! Таксу знаешь? Едем с нами!

– Ветер, ветер, что за бред?! Ты мне просто дай совет! – сделал Полисей ещё одну попытку «достучаться до небес».

– Слюхэй, хвати римфоват! Выгляди наверх, твой мат! – уже немного раздражённо просвистело королевичу в ответ.

Полисей и Искалибур задрали лицо с мордой к зениту и чуть со скалы не спрыгнули. Над головой у них завис, угадайте что?

Летучий корабль?

Нет!

НЛО?

Нет!

Ковёр-самолёт?

Не-а!

И даже не палас-вертолёт.

Заинтригованы?

Ладно, не буду вас мучить. Над головой королевича замер неподвижным монолитом обычный воздушный шар. Неожиданно, да? Я и сам в шоке! Но это для нас шар хоть и неожиданный, но «обычный», ведь для того стародавнего времени обычным делом были ступы, ковры, мётлы, ядра, ручные драконы, крылатые вараны-тримараны и т.п. А вот воздушный шар был чрезвычайно редким средством воздухоплавания, доступным только продвинутым богачам и кустарным самоделцам-любителям. Потому и попятились от неожиданности Полисей и его конь, но (на то они и бывалые вояки), быстро взяв себя кто в руки, а кто в копыта, запрыгнул один на другого и, выхватив из ножен то ли «Бацифала», то ли «Банифаца», короче, меч с труднопроизносимым названием, ринулись на «неведому летающую зверушку».

– Стой, дарагой, да! – закричал ему из гондолы свистящим голосом ветра мужик в тюрбане. – Не руби мою бизнес, да! У моя семья, да! Тринацать с половиной дети, да!

Непонятно, что остановило королевича, удержало от битвы с шарообразным «монстром» – вид испуганного человека с обильно забинтованной головой или его «тринадцать с половиной детей», но Полисей угомонился.

– Ты чьих будешь, управляющий монстром? – устроил королевич уже немного подзабытый и оттого сладостный слуху опрос живого Че-Ло-Ве-Ка. – Вреден ли монстр для людей? Чем монстр питается? Откуда путь держишь? Куда направляешься? Какое сегодня число и день недели? Есть выпить? И последний вопрос: сможешь ли на своём монстре доставить нас с Искалибуром до ближайшего города, а? Искалибур, если ты не понял, это мой конь.

– Вах, кому тебя туда-сюда угораздил! Вах, вах! – жалостливо «повыхал» «управляющий монстром», бросил королевичу бурдюк с аракой и спустил верёвочную лестницу. – Залэзывай, дарагой!

Королевич, отведав жгучего напитка, крикнул весело, как давеча тот старик-абориген, дал немного коню «для сугреву» и, взобравшись в гондолу, протянул руку лошади.

– С одной чаловэка дэсят дирахман, с животной двацтыть, – указал таксу воздухоплаватель, когда королевич уже втащил лошадь на «борт».

– Пятнадцать за двоих! – попробовал поторговаться Полисей.

– Нэт! Трыцат и точ-в-точко! – покачал тюрбаном мужик. – Дарага кальян послэ абедаы.

Хоть и заламывал цену этот воздухоплаватель, а выбирать не приходилось. Да и лошадь назад спускать смерть как неохота было.

– По рукам! – закончил торги рыцарь.

«Тюрбан» улыбнулся, потом сказал «Поюхалы!» и махнул рукой.

***

Иван Царевич всё ходил вокруг да около спящей красавицы, никак не решаясь на спасительный, но весьма сомнительный поцелуй.

Очередной комар, опрометчиво залетевший через открытое Иваном окно посмотреть, есть ли потенциальные доноры, был автоматически словлен им длинным и липким языком, разжёван и без тени отвращения проглочен. Царевича этот фокус с языком даже стал забавлять, немного отвлекая от грустных мыслей. Однако, поняв, что вкус насекомых становится с каждым разом ему всё приятнее, Царевич всё же решил, во что бы то ни стало, поцеловать девушку.

– Извините, сударыня, если что не так, – склонившись, прошептал он на ушко девице. – К этому поцелую как никогда подходит слово «взаимовыручка». Вы меня выручите, а вдруг и я вас расколдую, – Иван оглядел стоящую, лежавшую, сидевшую вокруг аристократию и двух знакомых плебеев, – и этих вот, всех, заодно... надеюсь.

Принцесса ничего не сказала.

Молчание – знак согласия, подумал Царевич и впился своим лягушачьим ртом (фу, гадость!) в нежные девичьи губы.

Батюшки! Что тут началось?!

Заклятье на заклатье, проклятье на проклятье, порча на порчу, сглазу на сглаз (или что в этом роде). Замок зашатало как карточный домик. Труха откуда-то посыпалась, опилки, солома, в воздухе закружился пух и чей-то дурнопахнущий прах.

Царевич уже и не рад поцелую. Старается оторваться, а тщетно – присосало к принцессе. Тут – откуда ни возьмись – лихорадочно затрясла Ивана с принцессой турбулентность окаянная, словно сквозь них электроразряд молнии прошёл.

А может, так и было, может, и молния долбанула! Потому как запахло гарью. Иван в присосанном состоянии зыркает по сторонам, материт себя мысленно за самоуправство и тут случайно глянул на девушку.

Ёшки-матрёшки! Она глаза открыла и ещё невидящим спросонья взором вглядывается в лягушачью физиономию Царевича. Иван ей руками глаза попытался закрыть, чтобы облика она его заколдованного не увидела. Глядь! Руки-то у него человеческие – натруженные, мозолистые с нормальными, только не стриженными, ногтями.

Обрадовался Царевич такой перемене и насилу оторвался от сладких губ девичьих (ещё бы: и вкусно, и необычно, и бодряще).

Как только отпустило Ивана поцелуйное наваждение, грохот, шум и тарарам прекратились, а вокруг словно светлее стало. Фигуры недвижимые начали потихоньку оттаивать и первыми из первых в исходное состояние вернулись недавно ушедшие в «столбняк» Василевс и Сероволк. Видимо, короткий срок пребывания в так называемом «сне» практически не повлиял на их самочувствие и мировосприятие.

– Сколько лет, сколько зим?! – завопил цыган, увидев Царевича. – Ваня, ты здесь откуда?! Каким ветром?! С годами ты практически не изменился!

«Оттаявший» одновременно с Яшкой колдун, сдерживая радостные эмоции, огляделся по сторонам.

– А здесь почти ничего не изменилось, – констатировал он бесспорный факт. – Сколько лет, кстати, минуло, Иван? И как ты расколдовался?

Царевич, не менее обрадованный случившемуся с ним обратному перевоплощению, «огорошил» товарищей своей «горькой» правдой.

– Не знаю, сколько это будет в годах, но в минутах будет где-то тридцать-сорок. Вы даже остыть как следует не успели.

– Ваня, только не говори, что ты уродливой жабой целовался с прекрасной принцессой! – проблеснула в голове Премудрого страшная догадка.

– С ней самой, в засос! – хвастливо ухмыльнулся Царевич. – Первый раз в жизни в губы с девушкой целовался.

– Ну, точно! – хлопнул себя по лбу Василевс. – Как же я запомнил! Первый поцелуй мужчины и женщины, если, конечно, он у обоих первый, в эзотерических книгах так и называется – «царский поцелуй». И вовсе не надо быть принцем, королевичем или султановичем, чтобы принять участие в «царском поцелуе», главное надо быть чистым душой и телом. Вот почему все эти мажоры-наследники, золотая молодёжь, – колдун указал тростью на медленно приходивших в себя аристократов, – полегли, в прямом и переносном смысле, на подступах к истинной любви. Как хорошо, Ваня, что ты у нас девственник!

От такой похвалы Царевич зарделся, а Сероволк захохотал.

– Вот это номер! Ха-ха!

– Замолкни, ворюга! – напустился на невоспитанного цыгана Премудрый. – Этот сопляк, – ткнул он тростью в опешившего Царевича, – тебя из векового сна за несколько минут вернул. Ты ему в ноги кланяться должен! Если бы не он, куковать бы тебе и мне рядом с тобой здесь ещё не одну пятилетку. И, кстати, это всё из-за тебя стряслось. Зачем у короля скипетр стащил? Иди, верни на место, пока не началось...

Но было поздно, уже началось.

Король Ричмонд не зря был прозван своими вассалами Цепким. Ежели где какая соседняя территория плохо лежала, он быстренько её цап – и в свой реестр. А коли вещь в руки ему попадала, так тут и вовсе без вариантов. Вот и со скипетром-стимулом оплошка вышла. Король только очнулся, сразу почуял в той руке, где прежде был скипетр, подозрительную пустоту. Недолго думая, обозлённый на неведомого пока мародёра монарх объявил боевую тревогу высшего уровня опасности, заставил стражу перекрыть все входы и выходы и разослал очнувшуюся в ускоренном режиме охрану по всем закоулкам замка, включая чердаки и цокольные этажи.

Услышав топот поднимавшейся охраны, наши богатыри поняли, что пути отхода перекрыты и им ничего не остаётся, как дать бой страже (читай, всему гарнизону замка, включая маркизов и графьев с танцпола) или...

– Выпрыгнем из окна! – предложил Сероволк, всё ещё держа в руке злополучную улику.

– Давай, ныряй! Пятнадцатый этаж! – напомнил ему Василевс и покосился на «стимул». – Что ты за него держишься! Хочешь «спалиться» с поличным? Выкинь куда-нибудь.

Сероволк с прощальным сожалением посмотрел на драгоценный трофей и... великодушно вручил его сидевшему ещё в прострации принцу Гамильту в качестве презента.

– Дарю, братуха, на долгую память! Как от сердца отрываю! – бросил он плохо соображавшему что происходит принцу и отошёл к своим спутникам. – Что теперь? Прикидываемся королевичами или идём напролом?

– Какими королевичами? – придиричиво оглядел колдун Яшку. – Ты на себя в зеркало смотрел? Мы здесь на банальном фейс-контроле погорим, я уж не говорю про тщательную процедуру дресс-кода.

– Согласен, принцы из нас никакие, разве только я, и то лишь по пачпорту, – высказался Царевич. – Но и калечить тоже никого не будем, – добавил он, хотя на всякий случай уже держал в руках и серп, и молот.

– Я в плен не сдамся! – оскалился Сероволк. – Не хотите, я сам с ними схвачусь! – облизнул он лезвие ножа и зарычал, волосы на затылке у него встали дыбом.

– Обожди суетиться! – перебил его колдун. – У меня есть предложение телепортироваться.

– Идёт! – согласился Царевич. – Только поскорее, пока нас свидетели не запомнили.

– И не как в прошлый раз, – напомнил Сероволк.

– Хватайтесь за трость! – вытянул руку с магическим реквизитом колдун и, дождавшись, когда цыган с Царевичем ухватятся за трость, произнёс: – Закройте глаза! Сосредоточьтесь! Представьте себе любое безопасное место где-нибудь внизу на земле!

Хоть под землю, лишь бы скорее слинять отсюда – склонные всё гиперболлизировать, синхронно подумали Иван с Яковом.

Лёгкий вихрь закружил вокруг них и когда развеялся, богатырей в комнате уже не было.

Ворвавшиеся секундой спустя стражники короля увидели в помещении только живую и, надеясь с замиранием сердца, никоим образом не вредимую принцессу в окружении доброй дюжины королевичей всех мастей. Также ими были обнаружены королевский стимул-скипетр в руках одного из принцев (того самого Гамильта) и ничейный лапоть иностранного производства без пары, который на следственном эксперименте не подошёл ни к кому из подозреваемых. А всё что смогла припомнить принцесса, это чьё-то «расплывчато-улыбчивое лицо с золотистыми кудрями и голубыми, как небо, ласковыми глазами».

Принц же Гамильт долго потом ещё сам ломал голову и ненарочно «пудрил мозги» следователям короля Ричмонда на допросе с одной-единственной фразой: брал или не брал, вот в чём вопрос.

Продолжение в следующем номере.

Игорь ИВАНЧЕНКО

Смех — в ребро

Короче – некуда

Чем больше далеко не бедных чиновников борются в России с бедностью, тем меньше шансов у бедных перестать быть бедными.

Чтобы выглядеть в глазах мужчины ангелом, женщине надо проявлять дьявольскую хитрость.

Вышли мы все из народа. Все мы войдём в Internet.

Кривые мысли — естественный продукт мозговых извилин.

Некоторые недостаток ума компенсируют избытком безумия.

Возможно, многие верят в жизнь на том свете потому, что им не дают нормально жить на этом.

В борьбе с бедностью в России победу всегда одерживают богатые.

Двустипшия

(Из цикла «К любимой...»)

***

Любимая! Ты стань моей вдовой!
Своих мужей лишь только вдовы любят...

***

Любимая! У папского, блин, нунция
Открылась эректильная дисфункция!..

***

Любимая! Твой фэйс* меня, в натуре,
Чисто конкретно плющит и колбасит!..

***

Любимая! Клонировать бы тещу
И — в космос, на безлюдные планеты!..

***

Любимая! Строптивую, тебя,
Я укрошу — по Вильяму Шекспиру!..

---

*Фэйс (англ.) — лицо.

Бестолковый словарь-ик

- БЕЗДАРЬ – именинник, оставшийся без подарка.
 МОНАСТЫРЬ – план похищения Моны Лизы (Джоконда) из Лувра.
 АМБАЛ – ужин со старинными танцами.
 ДУЛО – вентилятор.
 ПРИПОЙ – аккомпаниатор.
 ПРОПЕЛЛЕР – певец, закончивший выступления на сцене.
 ВЕЛИКОМУЧЕНИК – никудышний велосипедист.
 БЕСПОКОЙНЫЙ – умерший чёрт.
 ПАРИЛКА – планёр.

Иронические стихи

Холод-опричник, или Атомная секс-бомба

Словно лбом удариться о притолоку с разбега –
 Гостем хуже татарина в город ввалилась зима.
 Хромой Гефест выковал чугунное кружево снега.
 Тянет запыть под одеяло, как под корягу – сома...

Стёкла вспотели. Не булькнет в пустых батареях.
 Плюс одиннадцать в вигваме, и аж минус пять – на дворе.
 Всех коммунальшиков разом охота повесить на рёях,
 А самого главного – вздёрнуть прилюдно на фонаре.

Бренное тело, как студень, дрожит, дрожит, как медуза.
 Жена в отъезде – не будет стружку снимать и пилить
 За блондинку, что горячее, чем ракетная дюза,
 И может – секс-бомба, – взорвавшись, на атомы распылить...

«Слово и дело!» – выстрелил в спину холод-опричник.
 Хитра голь на выдумку: по сотовому блондинку в вигвам
 Вызвоню; на тугую грудь налеплю себя, как горчичник,
 И – станет кайфово от синхронных конвульсий нам...

Хлеб, колбаска и водка заменят сакэ и суши;
 Поют Адамо Сальваторе, Том Джонс, Хампердинк и «АББА».
 – Дорогая, чтоб холод вселенский не проник в души,
 Ты только не будь подо мной и на мне холодна, как жаба...

...Утром проснусь – никого. Исчезли пальто и ботинки;
 В карманах – ни долларов, ни евро, ни рублей... На хрена
 Я вызвал её?! Одни убытки от той блондинки!
 А согреть могла бы вернувшаяся внезапно жена...

Мудрость умудрённых

Когда рука руку моет, загрязняется совесть.

Предостережение чукотских гигиенистов.

Труднее всего подняться на вершину блаженства.

**Приписывается Эдмунду Хиллари и Тенцингу Норгею,
первым покорителям Джомолунгмы (Эверест).**

Мычание – знак согласия!

Девиз тех, кто мычит, но не телится.

Риформа рускава изыка – эта исчо и мощнае развите аброзавання и културы в Расейе.

**Из диктанта, написанного последователями реформ
бывших и нынешнего министров-капиталистов
Филиппова, Швядкого и Фурсенко.**

Лучше речи в воде, чем вода в речах!

Кредо ораторов Атлантиды.

Дружеский пасквиль

После первой кружки

*И уже заканчивались дойки
Каплю с коровьего соска.
Было время медленным и долгим
После первой кружки молока.
Сергей Донбай,
сб. «Прелесть смысла», Кемерово.*

Сызмальства известны мне –
Не вру! –
Деревенской жизни атрибуты...
Вот доярки, в сапоги обуты,
Шасть в загон на дойку ввечеру,
Где коровы с томными глазами,
Как у ренуаровских девиц,
Доятся легко, почти что сами,
Радуя ядрёных молодиц.
Раз я сам попробовал доить –
Лоб взопрел и заломило спину...
А милашка мне гутарит:
– Ить,
Это ж бык!
Пошто ты так скотину
Мучаешь?!
Чичас же отпусти
Бедново животново на волю!
А не то уйду с твою пути,
Опосля ишши, как ветра в поле...

От обид на милку и на дойку
Я пошёл и... принял... сгоряча...
Было время медленным и долгим
После первой кружки первача...
... Утро вечера всё же мудренее.
И когда пропели петухи,
Понял я:
Доить коров труднее,
Чем писать и издавать стихи...

ОЧИПЯТКИ

Куркуль Пуаро.
Депутатская дракция.
Кардинал Пришилье.
Птеродартиклъ.
Автомобиль «Мерседес-жереБенц».
Багамомолец.
Google-моголь.
Бортинженю.
Союз правых и виноватых сил.
Семь падей во лбу.
Человек — это звучит горько...
Зуд тварьчества.
Мал золотник — да даром.
Крекер-спаниель.
Vertuhi.
Жить пропиваючи.
Окорок-н-ролл.
Хенде хохлы!

г. Юрга, Кемеровская обл., Россия.

Адрес редакции: Республика Казахстан, 010000,
г. Астана, пр. Победы, 56 (112), кв. 13.

Телефон/факс: (7172) 39-38-06.

Телефон корпункта в Алматы 8-701-337-45-55.

Сайт: www.niva-kz.narod.ru

www.niva.ucoz.kz

E-mail: gundarev@hotmail.ru

Редакция знакомится с письмами читателей, как правило,
не вступая в переписку.

Рукописи не возвращаются и не рецензируются.

Авторы опубликованных материалов несут ответственность
за подбор и точность приведённых фактов, цитат,
экономико-статистических данных, имён собственных
и прочих сведений.

Мнения авторов могут не совпадать с точкой зрения редакции.

Рукописи в редакцию направляются на дисках
или CD-дисках и распечатанные на белой бумаге.

Web-редактор **Л. Б. Мананникова.**

Корректор **И. Н. Юзупанова.**

Набор и вёрстка **Ю. В. Богдановой.**

Технический редактор **В. А. Богданов.**

Собственник:

ТОО «Редакция казахстанского литературно-художественного
и общественно-политического журнала «Нива».

Журнал основан В. Р. Гундаревым
и впервые зарегистрирован 12.12.1990 г.
Первый номер вышел 17.04.1991 г.

Свидетельство о переучёте № 3518-Ж.

Выдано Министерством культуры, информации и общественного
согласия Республики Казахстан 27.01.2003 г.

Сдано в набор 04.01.2012 г.

Подписано к печати 07.02.2012 г. Формат 70 x 100 1/16.

Уч.- изд. л. 20, 00. Тираж 1000. Цена свободная.

Заказ № 474.

Номер набран и сверстан в ТОО

«Редакция казахстанского литературно-художественного
и общественно-политического журнала «Нива».

Типография ТОО «Жаркын Ко».
010000, г. Астана, пр. Абая, 57/1.